

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. И.А. БУНИНА»

ФИЛОLOGOS

Выпуск 1 (64)

Елец – 2025

УДК 82
ББК 81
Ф 54

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационный номер: ПИ № ФС77-40325 от 15 июня 2010 г.)

Журнал входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»

Редакционная коллегия

О. В. Шаталова, д-р филол. наук (Елец, Россия) – гл. редактор; **Т. Е. Автухович**, д-р филол. наук (Гродно, Беларусь), **В. Р. Аминева**, д-р филол. наук (Казань, Россия), **В. А. Бурцев**, д-р филол. наук (Елец, Россия), **Х. Вальтер**, д-р филол. наук (Грайфсвальд, Германия), **С. Георгиева**, д-р филологии (Пловдив, Болгария), **А. Золтан**, д-р филол. наук (Будапешт, Венгрия), **Б. П. Иванюк**, д-р филол. наук (Елец, Россия), **Э. Инаныр**, д-р филол. наук (Стамбул, Турция), **Г. Ф. Ковалев**, д-р филол. наук (Воронеж, Россия), **А. А. Кораблев**, д-р филол. наук (Донецк), **Х. Куссе**, д-р филол. наук (Дрезден, Германия), **Р. Мних**, д-р гуманитарных наук (Варшава, Польша), **Р. О. Муталов**, д-р филол. наук (Москва, Россия), **А. Н. Паикуров**, д-р филол. наук (Казань, Россия), **Е. М. Тюленева**, д-р филол. наук (Иваново, Россия), **Ж. Финк-Арсовски**, д-р филол. наук (Загреб, Хорватия), **Е. А. Шаронова**, д-р филол. наук (Саранск, Россия), **В. И. Шульженко**, д-р филол. наук (Пятигорск, Россия), **Г. Н. Ягафарова**, д-р филол. наук (Уфа, Россия), **М. Яхьяпур**, канд. филол. наук (Тегеран, Иран), **О. А. Харитонов**, канд. филол. наук (Елец, Россия) – отв. секретарь.

Ф 54 PHILOLOGOS. – Выпуск 1 (64). – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А.Бунина, 2025. – 121 с.

В 64-м выпуске научного журнала «Philologos» публикуются разнопроблемные статьи по лексикологии и лингвостилистике, поэтике и жанрологии, литературной рецепции и лингвокомпаративистике.

Адресуется профессиональной аудитории.

The 64th issue of the scientific journal Philologos publishes diverse articles on lexicology and linguistics, poetics and genre studies, literary reception and linguistic comparative studies.

The issue is intended for the targeted audience.

ISSN 2079-2638

© Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, 2025
© Авторы статей, 2025

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Лексикология и стилистика / Lexicology and Stylistics

<i>Айсен Я.Д.</i> О сходстве и различии описания мифонимов в российских энциклопедиях XIX века.....	5
<i>Aisen Ya.D.</i> On the Topic of the Similarities and Differences in the Description of Mythonyms in the Russian Encyclopedias of the 19th Century.....	5
<i>Болтовская Е.А.</i> О стилистически маркированных вариантах формы именительного падежа множественного числа имен существительных в русском языке конца XX – первой четверти XXI века	12
<i>Boltovskaya E.A.</i> On Stylistically Marked Variants of the Plural Nominative Case Form of Nouns in the Russian Language of the Late XX – First Quarter of the XXI Century	12
<i>Баркалова А.К.</i> Упрощение морфемного состава слова в социолектах русского языка.	18
<i>Barkalova A.K.</i> The Simplification of the Morphemic Composition of a Word in Sociolects of the Russian Language.....	18
<i>Кравчук Т.В., Тоухар А.О.</i> Представление о «заботе» в сознании носителей русского языка (на материале психолингвистического эксперимента).....	26
<i>Kravchuk T.V., Touakhar A.O.</i> The Idea of "Caring" in the Minds of Native Speakers of the Russian Language (Based on the Material of a Psycholinguistic Experiment).....	26
<i>Устинова Н.Н., Бугакова Н.Б.</i> Индивидуально-авторское своеобразие библионимов писателей-натуралистов	40
<i>Ustinova N.N., Bugakova N.B.</i> Individual-Authorial Characteristics of Biblionims of Naturalist Writers.....	40
<i>Абреимова Г.Н., Бурцев В.А.</i> Словообразовательная структура орнитологических звукоописывающих глаголов и отглагольных существительных в произведениях и дневниках М.М. Пришвина.....	47
<i>Abreimova G.N., Burtsev V.A.</i> Word-Formation Structure of Ornithological Sound-Describing Verbs and Verbal Nouns in the Works and Diaries of M.M. Prishvina.....	47
<i>Бородина Н.А., Сотникова Е.А.</i> Косметонимы с фитонимическим компонентом в ономастическом пространстве русского языка (на материале российских косметических брендов).....	55
<i>Borodina N.A., Sotnikova E.A.</i> Cosmetonyms with a Phytonymic Component in the Onomastic Space of the Russian Language (Based on the Material of Russian Cosmetic Brands).....	55
<i>Федотов Д.Е.</i> Этимология, семантика и функции экзотизмов в журнале-тревелог «Вояж».....	62
<i>Fedotov D.E.</i> Etymology, Semantics and Functions of Exoticism in the Travelog "Voyage".....	62

Поэтика и жанрология / Poetics and Genre Studies

<i>Иванюк Б.П.</i> Жанровая стихотворная классика Индии, Китая и Кореи: словарный формат.....	70
<i>Ivanyuk B.P.</i> Genre Poetry Classics of India, China and Korea: Vocabulary Format.....	70

<i>Аникина О.Н.</i> Система образов и мотивов в книге стихов Шервуда Андерсона «Mid-American Chants» (1918).....	77
<i>Anikina O.N.</i> The System of Images in Sherwood Anderson's Book of poems "Mid-American Chants" (1918).....	77
<i>Жиляков С.В.</i> Реминисцентная поэтика стихотворения «Памяти...» (на материале русской поэзии XIX–XXI веков).....	85
<i>Zhilyakov S.V.</i> Reminiscent Poetics of the Poem "In Memory..." (Based on the Material of Russian Poetry of the XIX – XXI Centuries).....	85

Литературная рецепция и лингвокомпаративистика / Literary Reception and Linguistic Comparative Studies

<i>Музыка А.С.</i> А.С. Пушкин и писательницы-современницы: влияние и критическая рецепция.....	91
<i>Muzyka A.S.</i> A.S. Pushkin and Contemporary Writers: Influence and Critical Reception....	91
<i>Го К., Чжан Х.</i> Русский перевод Н.Я. Бичурина «Сань Цзы Цзин» с точки зрения функциональной эквивалентности.....	97
<i>Guo K., Zhang H.</i> N.Y. Bichurin' Russian Translation of "San Zi Jing" from the Perspective OF Functional Equivalence.....	97
<i>Степанова А.С.</i> Ценности «русского мира» в современной военной поэзии.....	104
<i>Stepanova A.S.</i> The Values of the "Russian World" in Modern War Poetry.....	104
<i>Алькенова С.Н.</i> Функционирование подражательных слов во фразеологических единицах казахского языка.....	110
<i>Alkenova S.N.</i> Functioning of Imitative Words in Phraseological Units of the Kazakh Language.....	110

Сведения об авторах	119

Для авторов	121

**ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА / LEXICOLOGY AND
STYLISTICS**

Я.Д. Айсен

I.D. Aisen

**О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИИ ОПИСАНИЯ МИФОНИМОВ
В РОССИЙСКИХ ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ XIX ВЕКА**

**ON THE TOPIC OF THE SIMILARITIES AND DIFFERENCES
IN THE DESCRIPTION OF MYTHONYMS IN THE RUSSIAN
ENCYCLOPAEDIAS OF THE 19TH CENTURY**

Статья посвящена выявлению черт сходства и различия энциклопедических словарных статей о мифонимах в пяти российских энциклопедиях XIX в.: «Энциклопедическом лексиконе», «Справочном энциклопедическом словаре», «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами», «Русском энциклопедическом словаре», и «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона. Материал исследования – статьи о 50 мифонимах на букву «А» (теонимах, мифоантропонимах, мифотопонимах, мифозоонимах, мифохрематах), относящихся к античной (древнегреческой и древнеримской) культурам. Проведен сопоставительный анализ статей о мифонимах исходя из их структуры и принадлежности к определенному типу энциклопедической словарной статьи. Произведен подсчет количества статей, относящихся к тем или иным типам энциклопедической статьи, и мифонимов, представленных статьями во всех пяти энциклопедиях, а также определены критерии выбора типа статьи, используемые в каждой из энциклопедий. Проведено сравнение статей, имеющих в качестве заголовочного слова древнегреческие и древнеримские имена мифических объектов. Выявлен ряд сходств и различий в представлении мифонимов в словарных статьях энциклопедических изданий, причем было обнаружено, что в исследуемом аспекте у этих изданий больше черт сходства, чем различия. Черты сходства объясняются тем, что составители энциклопедий ориентировались на опыт западноевропейской энциклопедистики при создании макро- и микроструктуры таких сложных текстов как энциклопедические словари, а также тем, что значительная часть рассмотренных статей была заимствована из зарубежных энциклопедических и справочных изданий. Различия объясняются несовпадением целей составителей и структурными особенностями отдельных энциклопедий.

Ключевые слова: «Энциклопедический лексикон», «Справочный энциклопедический словарь», «Энциклопедический словарь, составленный, русскими учеными и литераторами», «Русский энциклопедический словарь»,

«Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона, мифоним, энциклопедическая статья.

The article is concerned with the identification of similarities and differences of encyclopaedic articles on mythonyms in five Russian encyclopaedias of the 19th century: Encyclopaedic Lexicon, Spravochny entsiklopedichesky slovar, Entsiklopedicheskiy slovar sostavlennyy russkimi uchenymi i literatorami, Russkiy entsiklopedicheskiy slovar, Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary. The material of the study are articles on 50 mythonyms starting with the letter "A" (theonoms, mytho-anthroponyms, mytho-toponyms, mytho-zoonyms, mytho-chrematonyms) belonging to ancient (Greek and Roman) cultures. The comparative analysis of articles on mythonyms was carried out on the basis of their structure and their belonging to a specific type of encyclopaedic article. The number of articles belonging to each type of encyclopaedic article was calculated, as well as the number of mythonyms represented by articles in all five encyclopaedias. Also, the criteria for choosing the type of article used in each of the encyclopaedias were determined. A comparison of articles entitled with Greek and Roman mythological names was made. A number of similarities and differences in the representation of mythonyms in the dictionary entries of these encyclopaedic editions were revealed, and it was found that these editions have more similarities than differences in the aspect studied. The similarities can be explained by the fact that the editors of Russian encyclopaedias were guided by the work of Western European encyclopaedists in creating the macro- and micro-structure of such complex texts as encyclopaedias are. The different aims of the editors and the structural peculiarities of each encyclopaedia explain the differences.

Key words: *Encyclopaedic Lexicon, Spravochny entsiklopedichesky slovar, Entsiklopedicheskiy slovar, sostavlennyy russkimi uchenymi i literatorami, Russkiy entsiklopedicheskiy slovar, Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary, mythonym, encyclopaedic article.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-5-11

При создании современных российских энциклопедий, основанных на интеллектуальных технологиях представления и обработки научной информации, необходимо учитывать опыт составителей энциклопедий XIX в. Это и определило цель нашего исследования – выявление сходства и различия представления мифонимов в российских энциклопедиях XIX в. Ввиду незавершенности некоторых из них выбраны лишь 50 античных (древнегреческих и древнеримских) мифонимов на букву «А», вошедших в их словник. Задачи их исследования: 1) выявить особенности представления заголовочного слова в каждой из энциклопедий; 2) определить типы энциклопедических статей и критерии выбора типа статьи, используемые в каждой из энциклопедий; 3) рассмотреть, применяется ли в каждой из энциклопедий отсылочный способ подачи информации; 4) выяснить, присутствуют ли в энциклопедиях статьи, содержащие указание авторства.

В статье под термином «мифоним» понимается «мифологическое имя собст. – Имя любой сферы ономастического пространства в мифах, эпосах, сказках, былинах» [3, 83]. Этот пласт лексики влияет на возникновение имен практически во всех разрядах ономастики, например, от имен героев античного мифа образованы в том числе зоонимы (Ехидна), космонимы (планеты Марс, Юпитер), фитонимы (Нарцисс), собственные имена комплексных объектов (футбольный клуб «Аякс»), названия средств передвижения (самолет «Геркулес»). Имена мифических персонажей при семантической деривации входят в систему языка в виде имен нарицательных «как правило, со значением характеристики

лица по тем или иным чертам характера, которые были присущи прототипическим мифическим персонажам» [2, 952]. Нередко от одного мифонима могут быть образованы сразу несколько видов имен существительных. Так, от имени мифического Нарцисса образованы фитоним (название растения), имя нарицательное (название самовлюбленного человека), а также название черты характера (нарциссизм) и психического расстройства (нарциссическое расстройство личности).

Данная работа представляет собой сопоставительное исследование энциклопедических статей¹, посвященных мифонимам, проведенное на материале пяти российских энциклопедий: «Энциклопедического лексикона», «Справочного энциклопедического словаря», «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами», «Русского энциклопедического словаря» и «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона. Выбор этих изданий позволяет проследить процесс развития практики составления энциклопедических изданий в России на протяжении большей части XIX века.

Среди рассматриваемых энциклопедий хронологически первой был выпущен «Энциклопедический лексикон», известный также по фамилии издателя как Лексикон Плюшара, издание которого осуществлялось в Санкт-Петербурге в 1835–1841 годах и прекратилось на 17-м томе (на слог «Дят») из-за финансовых сложностей и недостатков планирования [10, 17]. В предисловии к первому тому энциклопедии отмечалось, что хотя иностранные источники служили составителям лишь в качестве ориентира и материал, заимствованный из других энциклопедий, был дополнен и отредактирован, все же некоторые статьи, в том числе посвященные мифонимам были заимствованы из немецких, французских, английских и американских энциклопедических изданий [4]. Это отчасти подтверждается тем, что рассмотренные статьи «Энциклопедического лексикона» не персонифицированы, что их отличает от некоторых других статей этой же энциклопедии, в которых авторство указывается. Статьи о мифологических объектах в «Лексиконе» чаще всего являются малыми и средними статьями-справками, а статьи-толкования отсутствуют. Также присутствуют отдельные статьи-обзоры («Аполлон») и статьи-отсылки («Афина»).

«Справочный энциклопедический словарь» (12 тт., 1847–1855 гг.) принято считать первой завершенной российской энциклопедией. Сравнительно небольшой для универсальной энциклопедии объем объясняется сформулированной в предисловии к первому тому целью предоставить читателю лишь основную информацию по интересующим темам. Так, главный редактор А.В. Старчевский пишет: «Издаваемый нами «Энциклопедический словарь» составлен для одних справок. Есть статьи довольно большие, но объем их вызван обширностью самого предмета, таковы напр. биографии наших Государей и знаменитых людей России» [5]. Среди статей о мифонимах обзорные статьи отсутствуют, большая часть статей является справочными, встречаются отдельные статьи-толкования («Артемида») и статьи-отсылки («Арей»).

«Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами», выпускавшийся в 1861–1863 гг. в Петербурге, завершен не был. Всего было выпущено шесть томов, первые пять из которых, занимали слова на букву «А». В последний, шестой том вошли статьи на букву «Е» (к букве «Б» планировалось вернуться после завершения работы над статьями на «Е», «Ж», «З», «И», «І»). Прекращение издания энциклопедии стало результатом критики со стороны прессы и церкви, что привело к прекращению государственного финансирования и цензурному запрету на выход новых томов [9, 160].

---

¹ В статье используется типология словарных статей, изложенная в работе [1, 609]: «Статьи в Э. бывают следующих типов: статьи-обзоры, статьи-справки, статьи-толкования (содержат только дефиницию и в случае заимствования слова из др. языка – этимологию) и статьи-отсылки (адресуют к другому термину). Первые два типа статей, отличающиеся друг от друга преим. объемом, являются для Э. определяющими...».

Согласно тексту предисловия к первому тому более подробны и объемны те статьи, которые по мнению редакции представляют значительный интерес для российского читателя [6]. Также, редакция однозначно разделяет статьи на крупные, представляющие «довольно цельный взгляд на важнейшие вопросы» и малые, содержащие справочные сведения [6]. В «Энциклопедическом словаре» статьи-справки также составляют большинство статей о мифонимах, однако статьи-толкования встречаются значительно чаще, чем в предыдущих двух энциклопедиях. Ряд статей отсылают к неизданному приложению к томам на букву «А» (например, статьи «Аполлон», «Афина»). Издатели планировали в будущем подготовить подробные обзорные статьи и приняли решение ограничиться в первых томах лишь небольшими справочными статьями, а «значительные статьи» издать отдельно [6]. Этим объясняется то, что статьи, вышедшие в других энциклопедиях в виде крупных статей-справок и статей-обзоров, в данной энциклопедии зачастую являются лишь ссылками на другие статьи. Также составители стремились объединять информацию, там, где это представлялось целесообразным, в крупные статьи, к которым отсылали статьи-толкования и статьи-отсылки.

С помощью такого подхода, например, вся информация о героях Троянской войны, должна была содержаться в большой обзорной статье, которая в одних ссылках называлась «Троянские мифы», в других – «Троянские войны». К этой неизданной статье, в частности, отсылают «Андромаха», «Антенор», «Ахилл». В то же время микенскому царю Агамемнону, посвящена отдельная статья, не отсылающая к общей обзорной.

«Русский энциклопедический словарь» (16 тт., 1873–1879 гг.), издаваемый под редакцией И.Н. Березина в Петербурге, был завершен. Главное место в нем занимает информация, так или иначе связанная с Россией, а также о территориях, странах, народах и культурах, исторически связанных с нею (речь, в частности, о Византии, славянских народах и граничащих с Российской империей азиатских странах). В качестве образца составители избрали для себя 11-е издание немецкой Энциклопедии Брокгауз, отметив, однако, что ориентируются лишь на форму, а не на содержание [7]. Статьи энциклопедии преимущественно небольшого объема: «Изложение мы предпочитаем сжатое, чуждое всяких украшений и направленное главным образом к тому, чтобы сообщить возможно более сведений о трактуемом предмете. Библиография имеет место при главных статьях» [7].

Некоторые из рассмотренных статей данной энциклопедии представляют собой сокращенные или отредактированные статьи «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами» («Аврора», «Астрея»). Статьи о мифонимах в «Русском энциклопедическом словаре» являются исключительно справками небольшого объема, толкованиями и ссылками, статьи-обзоры отсутствуют.

«Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона издавался в Петербурге с 1890 по 1907 гг. Всего вышел 41 основной и 2 дополнительных тома (в другом издании 82 основных и 4 дополнительных полутома). Первые тома во многом копировали 13-е издание немецкой Энциклопедии издательства «Брокгауз», выпускавшейся под названием «Conversations-Lexikon», исключение составляли статьи о России, подготовленные составителями специально для новой энциклопедии [8]. Со сменой главного редактора, начиная с девятого полутома, доля оригинального материала в энциклопедии значительно увеличилась. Среди рассмотренных энциклопедий данная является наибольшей как по общему объему и количеству томов, так и по среднему объему словарных статей. Статьи о мифонимах также в основном превосходят по размерам аналогичные статьи других энциклопедий, при этом большинство статей являются статьями-справками большого и среднего объема. Остальные статьи относятся к статьям-обзорам, статьям-толкованиям (некоторые из которых сопровождаются ссылками на другие статьи о мифонимах) и статьям-отсылкам.

При сопоставлении отобранных в пяти российских энциклопедиях XIX в. статей, раскрывающих значение мифологических имен, были обнаружены следующие черты сходства:

1. Структура статей, относящихся к типам статья-справка и статья-обзор, состоит из дефиниции, родословной мифического персонажа, краткого или подробного пересказа мифа или нескольких мифов, описания культа данного персонажа, перечисления связанных с ним традиций и примеров использования его образа в искусстве и литературе.

2. Заголовочными словами являются теонимы («Аполлон», «Афродита»), мифоантропонимы («Агамемнон», «Андромеда»), мифотопонимы («Атлантида», «Ахерон»), мифозоонимы («Арион»), мифохремотонимы («Амброзия», «Аргос»), причем большая часть статей посвящена именно мифическим героям, царям, их женам и потомкам.

Необходимо отметить, что несмотря на то, что античные герои являются полубогами, понятие мифоантропоним к ним применимо, поскольку, как указано в «Словаре русской ономастической терминологии», мифоантропонимом является «имя собственное человеческого существа в мифах, былинах <...> которое человек представлял себе как реально существующее» [3, 84]. Такому определению в полной мере соответствуют, например, персонажи мифа об аргонавтах, хотя миф и приписывает им божественное происхождение.

3. Используются статьи-отсылки, представляющие собой нулевую форму словарной статьи (они не несут дополнительной информации, а лишь указывают на другие статьи). Такие статьи отсылают к подробным справочным или обзорным статьям, причем иногда сопровождаются краткими пояснениями. Ссылки используются в статьях о мифических персонажах, имеющих второстепенную значимость, но фигурирующих и в мифах о более значимых богах и героях. Нередко это статьи о женских персонажах: статья «Альцеста» в «Русском энциклопедическом словаре» отсылает к статье о муже Адмете, «Андромеда» в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» – к статье «Персей». Во избежание повтора информация о группе персонажей зачастую объединяется в одну статью (например, «Амазонки», «Аргонавты», «Морские боги», «Эпигоны»), к которой и делаются отсылки в статьях, посвященных отдельным представителям этой группы.

4. В статьях об общих для эллинской и римской культур олимпийских богах в качестве заголовочного слова и в самом тексте словарных статей чаще используются древнеримские, а не греческие наименования. Небезынтересно отметить, что ни в одной из энциклопедий нет статьи «Аид», но в некоторых присутствует «Плутон».

5. Статьи, озаглавленные древнегреческим теонимом, нередко представляют собой ссылки на статьи, в которых заголовочным словом является древнеримское название этого бога. Так, в «Энциклопедическом лексиконе» статья «Арей» отсылает к статье «Марс», в «Русском энциклопедическом словаре» и «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона статья «Артемида» – к статье «Диана», статья «Афродита» – к статье «Венера», в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» статья «Асклепий» – к статье «Эскулап». Единственным примером, когда статья о римском мифониме отсылает к греческому, является статья «Амур» (ссылка на «Эрот») в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами», «Русском энциклопедическом словаре» и «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона.

6. Поскольку составители исследованных пяти энциклопедий декларируют в предисловиях, что главной целью этих изданий являлось составление богатого оригинального материала, посвященного России, представляется вполне естественным то, что мифонимы не занимают в этих изданиях значительного места – им отводятся малые и средние по объему статьи-справки, статьи-толкования, статьи-отсылки и лишь в редких случаях крупные обзорные статьи, все же значительно уступающие по количеству слов, например, статьям о научных дисциплинах или государствах.

7. Из рассмотренных 50 статей о мифонимах 28 представлены во всех энциклопедиях. В восьми случаях совпадает тип словарной статьи («Аврора», «Агамемнон», «Адрастея», «Аристей», «Астрея», «Атлантида», «Атлас», «Ахерон» – все

являются статьями-справками). Еще одна статья («Адонис») является обзором в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» и статьей-справкой в других энциклопедиях. Оставшиеся 19 мифонимов («Аганиппа», «Аглая», «Алкмена», «Амброзия», «Амур», «Андромаха», «Андромеда», «Антенор», «Антигона», «Антиопа», «Аполлон», «Арей», «Ариана/Ариадна», «Артемиды», «Асканий», «Аталанта», «Афродита», «Ахиллес», «Аякс») представлены статьями разных типов.

Выявлены следующие черты различия, касающиеся репрезентации мифонимов в статьях энциклопедий:

1. Количество мифонимов в энциклопедиях не совпадает: среди рассмотренных 50 мифонимов в «Энциклопедический лексикон» присутствуют 38, в «Справочном энциклопедическом словаре» – 42, в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» – 43, в «Русском энциклопедическом словаре» – 39, в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона – 44.

2. Некоторые статьи, посвященные одному мифониму, в разных энциклопедиях представлены разными типами энциклопедической статьи. Например, статья «Аганиппа» в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона относится к типу статья-толкование, в то время как в других энциклопедиях аналогичные статьи являются статьями-справками малого и среднего объема. Статья «Адонис» является обзором в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами», но справкой в остальных энциклопедиях.

Несовпадения в выборе типа статьи объясняются главным образом особенностями и спецификой конкретного энциклопедического издания, поскольку рассмотренные энциклопедии отличаются друг от друга как по общему объему и количеству статей, так и по среднему количеству слов в статьях, причем даже при совпадении типа статей их объем нередко различается. Например, для «Энциклопедического лексикона» более всего характерны малые статьи-справки объемом 80–250 слов, в то время как в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона встречаются статьи как совпадающие по объему со статьями других энциклопедий, так и многократно их превосходящие, от малых (20–50 слов) и больших статей-справок (100–500 слов) до статей-обзоров в несколько десятков тысяч слов.

3. Статьи о мифонимах, в основном, не персонализированы. «Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами» является единственной из энциклопедий, в которой в некоторых статьях о мифонимах на букву «А» указано авторство. В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона в следующих за буквой «А» томах некоторые из статей о мифонимах также будут отмечаться инициалами автора (например, «Венера», «Даная»), но в первых томах такие пометы отсутствуют. Согласно распространенной практике составления энциклопедических изданий того времени обозначение авторства ставится в больших статьях-справках и чаще в статьях-обзорах.

Таким образом, рассмотренные статьи энциклопедий имеют больше сходств, чем различий. Сходства рассмотренных статей о мифонимах обусловлены заимствованиями приблизительно из одних иностранных и российских источников и общей ориентацией составителей российских энциклопедий при создании макро- и микроструктуры таких сложных текстов как энциклопедические словари на опыт западноевропейской энциклопедистики. Различия объясняются несовпадением целей составителей и структурными особенностями отдельных энциклопедий: одни издания стремились предоставить исчерпывающие сведения по как можно большему кругу вопросов, другие – ограничивались справочной информацией.

1. Гудовицкова И.В., Терехов И.М. Энциклопедия // Книговедение: энциклопедический словарь. М., 1982. С. 609–611.

2. Мурысов Р.З. Мифонимы в системе языка // Вестник Башкирского университета Т. 20, № 3. 2015. С. 952–956.
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М. 1988.
4. Предисловие. Энциклопедический лексикон. Т. 1. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004103495/ (дата обращения: 1.12.2024).
5. Предисловие. Справочный энциклопедический словарь. Т. 1. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003825515/ (дата обращения: 5.12.2024).
6. Предисловие. Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Т. 1. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003820503/ (дата обращения: 3.12.2024).
7. Предисловие. Русский энциклопедический словарь. Т. 1. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003876702/ (дата обращения: 4.12.2024).
8. Предисловие от редакции. Энциклопедический словарь: репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1890 г. Т. 1: А – Алтай. Ярославль, 1990. (без пагинации).
9. Шишова Н.М. «Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами» и его место в типологии печати 60-х гг. XIX века // Вестник АГУ. Вып. 3(145). Майкоп, 2014. С. 158–162.
10. Шмушкис Ю.Е. Советские энциклопедии. Очерки истории. Вопросы методики. М., 1975.

Е.А. Болтовская
E.A. Boltovskaya

**О СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ ВАРИАНТАХ ФОРМЫ
ИМЕНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XX – ПЕРВОЙ
ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА**

**ON STYLISTICALLY MARKED VARIANTS OF THE PLURAL
NOMINATIVE CASE FORM OF NOUNS IN THE RUSSIAN LANGUAGE
OF THE LATE XX – FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURY**

На основе сопоставления сведений, полученных из лексикографических источников, и данных, извлеченных из подкорпуса «Социальные сети» Национального корпуса русского языка, выявляются и характеризуются произошедшие с конца XX в. по настоящее время изменения в кодификационном статусе и узуальном употреблении разговорных и просторечных вариантов формы именительного падежа множественного числа нарицательных одушевленных имен существительных мужского рода, называющих лиц по профессии. Результаты исследования могут найти применение в морфологии и истории русского языка, стилистике и культуре речи, а также могут быть полезны для кодификаторской деятельности.

Ключевые слова: динамика морфологической нормы, стилистически маркированные падежные варианты, форма именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода.

Based on the comparison of information obtained from lexicographic sources and data extracted from the "Social Networks" subcorpus of the National Corpus of the Russian Language, changes that have occurred from the end of the XX century to the present in the codification status and usual usage of colloquial and vernacular variants of the nominative plural form of common animate masculine nouns referring to people by profession are identified and characterized. The results of the study may find application in the morphology and history of the Russian language, stylistics, and speech culture, and may also be useful for codification activities.

Key words: dynamics of morphological norms, stylistically marked case variants, nominative plural form of masculine nouns.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-12-17

Норма литературного языка, сочетающая в себе признаки устойчивости и изменчивости, представляет собой категорию не только лингвистическую, но и социально-историческую. Анализ факторов, влияющих на изменение прежних норм, своевременное выявление и описание уходящих и появляющихся норм актуальны из-за необходимости систематического обновления ортологических рекомендаций, следовательно, нормализация и кодификация – это процессы, которые требуют повышенного внимания лингвистов.

Морфологические нормы играют важную роль в установлении стандартных, привычных в употреблении форм слов. Единообразное использование грамматических

форм позволяет нам экономить мыслительные усилия и время, затрачиваемые на обработку информации. Образование падежных форм имени существительного иногда сопряжено для говорящих с определенными трудностями, связанными с зонами повышенной вариантности, в которые, например, входят формы именительного (для неодушевленных существительных – и винительного), родительного падежей множественного числа, в меньшей степени – формы родительного и предложного падежа единственного числа.

Российские исследователи современного состояния и перспектив развития русского языка (В.В. Барабаш, Л.А. Брусенская, Д.Б. Гудков, А.В. Дегальцева, В.В. Колесов, В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин, Э.Г. Куликова, О.Б. Сиротинина, А.Н. Сицына-Кудрявцева, Е.Ю. Скороходова, Н.В. Юдина и др. [см. 1; 3; 5; 6; 8–10; 13–15; 17]) отмечают усиливающуюся подвижность границ литературного языка, размывание стилистических норм, упрощение и грубость речи, обеднение словарного запаса, упразднение языковых авторитетов в сознании рядовых носителей языка, «общее оскудение языка, неразрывно связанное с примитивизацией мышления, отсутствие общепризнанного идеала речевой культуры» [1, 46]. Так, В.В. Колесов выделяет три тенденции в развитии языковых норм в XX в. [8, 141–147]: 1) активное влияние письменной формы речи на устную; 2) исчезновение высокого стиля, место которого занял средний стиль, «а на уровень среднего неожиданно вышел низкий, разговорно-вульгарный, подчас просто жаргонная речь городских низов» [8, 142]; 3) **«узус влияет на норму** (выделение полужирным начертанием Колесова. – *Е.Б.*), обычное разговорное теснит нормативные варианты, понижает стилистический уровень текста – идеально личностное в речи устраняется в пользу усредненно массового» [8, 145]. По наблюдениям Л.П. Крысина, «речевая практика часто идет вразрез с нормативными предписаниями, и противоречие между тем, как надо говорить, и тем, как реально говорят, оказывается движущим стимулом эволюции языковой нормы» [10]. Расширение круга существительных мужского рода, образующих в современном русском языке форму именительного падежа множественного числа при помощи окончания *-а/-я*, является, по мнению ученого, очевидным примером давления речевой практики на традиционную норму [10].

Ранее рассмотрев на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) конкуренцию общеупотребительных и стилистически сниженных вариантов формы предложного падежа единственного числа имени существительного [см. 2], в данной работе предпримем попытку выявить сходства и различия между кодификационной (лексикографические источники) и узуальной (подкорпус «Социальные сети» НКРЯ (<https://ruscorpora.ru/>)) нормой употребления стилистически ограниченных вариантов формы именительного падежа множественного числа нарицательных одушевленных имен существительных мужского рода, называющих лиц по профессии, в русском языке конца XX – первой четверти XXI века.

Как известно, в русистике было выработано несколько подходов к истолкованию понятия «разговорная речь». Большинство исследователей признает это явление частью литературного языка (в отличие от таких внелитературных образований, как диалект, жаргон и просторечие) [11, 34]. О.Б. Сиротинина рассматривает разговорную речь как принадлежащий кодифицированному литературному языку функциональный стиль, в основе выделения которого лежат непосредственность и ситуативность общения. Одним из функциональных стилей считают разговорную речь и А.Н. Васильева, М.Н. Кожина, В.Г. Костомаров [11, 23]. Е.А. Земская, Е.Н. Ширяев, напротив, выводят разговорную речь как самостоятельное системное образование за пределы кодифицированного литературного языка, выделяя в качестве основных факторов их различия ее неофициальность, непубличность, непринужденность, конситуативность [11, 35]. О.А. Лаптева называет разговорную речь «устно-разговорной разновидностью литературного языка» [11, 39], определяя ее положение между письменно-литературным языком и просторечием как образованием внелитературным [11, 39–40, 60–71].

Отправной точкой для нашего исследования послужил академический словарь «Словарь грамматических вариантов русского языка» (СГВРЯ) Л.К. Граудиной, В.А. Ицковича, Л.П. Катлинской, иллюстративный материал которого основан на речевой практике последних десятилетий XX века [4, 7]. По словарю был составлен список падежных вариантов формы именительного падежа множественного числа нарицательных одушевленных существительных мужского рода, которые называют лиц по профессии, имеющих пометы *разговорное* (разг.) и *просторечное* (прост.): 1) разг. *бухгалтерá, диспетчерá, инструкторá, шоферá*; 2) разг. и прост. *инженерá*; 3) прост. *слесаря́, токаря́* [4, 164–167].

Коллектив авторов СГВРЯ, по-видимому, придерживается точки зрения, предложенной О.А. Лаптевой, признавая разговорные морфологические варианты находящимися в рамках нормы устной формы реализации кодифицированного литературного языка, что следует из содержания вступительной статьи словаря: «Помета разговорное (*разг.*) означает, что вариант неупотребителен в письменных стилях литературного языка, но широко используется в устной обиходной речи...» [4, 15].

Далее мы определили, совпадает ли стилистическая оценка вышеперечисленных словоформ в других современных лексикографических источниках: «Кратком словаре трудностей русского языка» (КСТРЯ) Н.А. Еськовой [7], «Словаре правильной русской речи» (СПРР) Н.В. Соловьева [16], словарях, размещенных на образовательном портале Грамота.ру (<https://gramota.ru/>) («Большой орфоэпический словарь русского языка» (БОСРЯ) М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткина, Р.Ф. Касаткиной; «Большой толковый словарь русских существительных» (БТСРС) (отв. ред. Л.Г. Бабенко); «Большой толковый словарь русского языка» (БТСРЯ) (общ. ред. С.А. Кузнецов); «Большой универсальный словарь русского языка» (БУСРЯ) В.В. Морковкина, Г.Ф. Богачевой, Н.М. Луцкой; «Русский орфографический словарь» (РОС) под ред. В.В. Лопатина и О.Е. Ивановой).

Н.В. Соловьев считает разговорную речь одним из функциональных стилей: «Помета «разг.» (разговорное) используется для характеристики вариантов, употребление которых придает речи непринужденный характер. В стилистической системе литературного языка они обычно противопоставлены словам и словоформам официально-делового и нейтрального стиля...» [16, 11]. В СПРР имеют нормативно-стилистическую помету «разговорное» находящиеся в рамках нормы для разговорного функционального стиля варианты *инструкторá, шоферá, слесаря́, токаря́*. Пометой «ошибочн.», указывающей на нарушение литературной нормы, снабжены в СПРР словоформы *бухгалтерá, инженерá*.

В КСТРЯ дается следующая нормативно-стилистическая квалификация искомых вариантов: 1) находящиеся в пределах литературной нормы равноправные варианты, соединенные союзом *и*: *инструкторá* и *инструкторы*, *слесаря́* и *слесари*, *токаря́* и *токари*; 2) варианты, не соответствующие общелитературной норме, но распространенные в какой-либо профессиональной среде, т. е. являющиеся узусальной нормой для лиц определенной профессии, представлены с помощью пометы «в профессионал. речи»: *шоферá*; 3) варианты, нарушающие литературную норму, характеризуются пометами «неправильно» (*бухгалтерá*), «грубо неправильно» (*инженерá*). Словоформа *диспетчерá* имеет в словаре помету «неправ. профессионал.».

Кодификаторы неодинаково характеризуют вариант *бухгалтерá*: он признается или просторечным (БУСРЯ), или разговорным (БТСРЯ). Вариант *диспетчерá, инженерá* авторы БОСРЯ подают с пометой «неправ.», свидетельствующей о нарушении литературной нормы при его употреблении. В БТСРЯ вариант *инструкторá* считается разговорным, а в БОСРЯ – допустимым. В БУСРЯ и БТСРЯ вариант *шоферá* отмечен как разговорный, в БОСРЯ как присущий профессиональной речи. В БТСРЯ вариант *инженерá* признан разговорным. Не совсем однородной оказывается нормативно-стилистическая оценка варианта *слесаря́*: он рассматривается и как равнозначный варианту *слесари* (БОСРЯ, БТСРС, БТСРЯ, РОС), и как разговорный (БУСРЯ). Вариант *токаря́* считается или стилистически нейтральным,

полностью эквивалентным варианту *токари* (БТСРС, БТСРЯ, РОС), или допустимым в пределах нормы (БОСРЯ).

Чтобы отследить актуальные узусные предпочтения рядовых носителей языка, мы обратились к материалам подкорпуса «Социальные сети». Предполагаем, что в текстах этого подкорпуса с большей вероятностью, чем, скажем, в газетном или поэтическом подкорпусах НКРЯ, можно обнаружить стилистически маркированные формы слов, письменную фиксацию живой разговорной речи. Подходящие примеры из подкорпуса далее приводятся в первоначальном виде, с присущими некоторым из них опечатками, разноплановыми (чаще всего пунктуационными или орфографическими) ошибками. При подсчете все повторяющиеся примеры учитывались единожды.

Вариант *бухгалтеры* с 2011 по 2022 г. употреблен в 49 (63,6 %) текстах («В этой фирме работают трактористы, экскаваторщики, бульдозеристы, учетчики, бригадиры, **бухгалтеры** и много другого народа, но думаю, ни одного биолога, агронома или, пардон, ботаника» [Кактусоводы (2007–2021)]), вариант *бухгалтера* – в 28 (36,4 %) текстах («Под нож пойдут **бухгалтера**, кадровики, секретари и всякие манагеры» [Леха Ростовский. Блог Ростова (01.01.2017)]).

Вариант *диспетчеры* встретился в 30 (83,3 %) текстах с 2005 по 2021 гг. («Водители, механики, **диспетчеры**, кондукторы... От каждого из вас зависит надежность нашей транспортной системы, благополучие и настроение воронежцев» [govrn36. Жизнь в Воронеже (2021)], вариант *диспетчера* – в 6 (16,7 %) текстах с 2005 по 2022 гг. («На месте ДТП появился аварийный комиссар (**диспетчера** в дежурке ГИБДД, работают оперативно) и уговорил девушку отказаться от вызова официальных служб» [Нужна помощь! (2022)]).

Вариант *инструкторы* опережает вариант *инструктора* по количеству употреблений: он обнаружен в 270 (77,6 %) текстах с 2010 по 2022 г. («Освоить горные лыжи и сноуборд помогут опытные **инструкторы**» [vk (28.02.2012)]). Вариант *инструктора* с 2004 по 2022 гг. употреблен в 78 (22,4 %) текстах («Но вот водители-**инструктора** очень разные, один будет орать непрерывно, еще больше сбивая неопытного ученика, а другой просто будет по делу говорить и комментировать» [Автокурсы! Куда пойти учиться? (2004–2021)]).

Вариант *шоферы* с 2011 по 2022 гг. в приоритете в 23 (100 %) текстах, в том числе дважды повторенный в цитате из стихотворения В. Маяковского «Кем быть?» в составе устойчивой конструкции с предлогом *в*, обозначающей приобщение к какой-либо категории лиц и выражающей значение винительного или «превратительного» (И.Г. Милославский) [12, 77] падежа («Все, кто профессионально водил автобус, были водителями или, по-старому, **шоферы**» [Виталий Иванищев. Тот самый! (2019)]; «Это и медсестры, и санитарки, и, более того – охранники, **слесари**, столяры, телефонисты, электрики, **шоферы**, автомеханики, работники котельной, повара, раздатчицы, сантехники, **бухгалтеры**, экономисты, статистики и прочие, и прочие» [У нас и у них (2019–2021)]); «Кондуктору хорошо, а шоферу – лучше, я б **в шоферы** пошел, пусть меня научат» [vk (22.06.2011), (26.03.2013)]). Вариант *шофера* не был обнаружен нами. Скорее всего, это связано с тем, что сама лексема *шофер* уходит в пассивный словарь и становится менее востребованной носителями языка (так, слово *водитель* в его разных падежных формах системой автоматического поиска найдено в 6165 (92,8 %) текстах, а *шофер* – в 481 (7,2 %) тексте).

Вариант *инженеры* с учетом повторов встретился с 2005 по 2023 гг. в 776 (99,5 %) текстах («В наши дни один ключ к развитию ИИ – **инженеры**, а второй – данные» [vk (23.12.2015)]), а вариант *инженера* – с 2013 по 2021 гг. в 4 (0,5 %) текстах («Благодаря таланту отца семья принадлежала среднему классу, а не низшему, где влачили свое существования многие другие **инженера**» [vk (18.04.2016)]).

В паре *слесари* – *слесаря* тоже доминирует вариант *слесари*, который встретился в 47 (73,4 %) текстах с 2001 по 2022 гг.: «Нужны администраторы, кассиры, билетеры, буфетчики, гардеробщики, уборщики, сторожи, техники, столяры и **слесари**» [vk

(08.06.2015)], из них в двух случаях в форме винительного падежа в составе конструкции с предложением *в* («*На работе **перевели** после этого **в слесари**, вызывали в милицию*» [Казаки (2010–2018); «*А то еще правда **сунется в слесари***» [Незавидная судьба российского либераста (2014–2021)]), тогда как вариант *слесаря* был употреблен в 17 (26,6 %) текстах с 2005 по 2022 гг.: «*У нас **слесаря** по территории сервиса гоняли на мопеде, а сзади второй цеплялся на офисном стуле*» [vk (02.09.2013)].

Вариант *токари* был обнаружен в 13 (92,8 %) текстах с 2008 по 2022 гг. (11 раз повторенное рекламное объявление «*Ты можешь пойти **в дворники, маникюрши, слесари, токари**, домохозяйки, бизнес-аналитики, офис-менеджеры и стать кассиром в Ашане*» [vk (12.04.2016) и др.] учитывалось при подсчете 1 раз): «*Может, есть **токари**, которые могут одну деталь выточить для нашей лаборатории?*» [Нужна помощь! (часть 2) (2022)]. Вариант *токаря* нам встретился в одном (7,2 %) тексте: «*Всю голову сломал, как **токаря** делают квадратные шляпки у болтов*» [Нужна помощь! (2022)].

Таким образом, можно утверждать, что в современных лексикографических источниках существенной стилистической переоценке подверглись варианты с мягкой основой *слесаря* и *токаря*: от находящихся за пределами литературной нормы просторечных (СГВРЯ) до общелитературных, стилистически нейтральных (БОСРЯ, БТСРС, БТСРЯ, КСТРЯ, РОС).

В выборке текстов, расположенных в подкорпусе «Социальные сети» НКРЯ, отражающих реальную языковую практику начала XX – первой четверти XXI века, в лидерах по частоте употребления по-прежнему находятся традиционные варианты формы именительного падежа множественного числа на *-ы/-и*, представляющие старую норму для нарицательных одушевленных существительных мужского рода, называющих лиц по профессии (*шоферы, инженеры, токари, диспетчеры, инструкторы, слесари, бухгалтеры*). Из вариантов на *-а/-я* (если опираться только на количественные показатели) низкой конкурентоспособностью обладают варианты *шоферá, инженерá, токарá*, более высокой – варианты *бухгалтерá, слесарá, инструкторá*.

1. Барабаш В.В., Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Динамика нормативности и экологическое мышление: на материале русского языка XXI века: монография. М., 2023.
2. Болтовская Е.А. О разговорных вариантах падежных форм имени существительного в русском языке конца XX – первой четверти XXI века // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). 2025. № 1(65). С. 56–60.
3. Брусенская Л.А., Барабаш В.В., Куликова Э.Г. Этико-речевые нормы современного русского языка: монография. М., 2022.
4. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Словарь грамматических вариантов русского языка / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. 3-е изд., стер. М., 2008.
5. Гудков Д.Б., Скороходова Е.Ю. О русском языке и не только о нем. М., 2010.
6. Дегальцева А.В., Сиротинина О.Б. К проблеме изменения норм современного русского языка // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, Вып. 4. С. 368–376.
7. Еськова Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение: ок. 12 000 слов соврем. рус. яз. 6-е изд., испр. М., 2008.
8. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...» СПб., 1999.
9. Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб., 2014.
10. Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки. М., 2005. № 2(23) // URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-05.htm> (дата обращения: 18.01.2025).
11. Литневская Е.И. Письменные формы русской разговорной речи (к постановке проблемы): монография. М., 2011.
12. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 2020.
13. Русский язык и культура речи: изменение языковой нормы: монография; под общ. ред. А.Н. Сицыной-Кудрявцевой. 2-е изд. М., 2019.

14. Сиротинина О.Б. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи // *Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Филология. Журналистика*. 2017. Т. 17, Вып. 1. С. 5–11.
15. Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски: монография. Саратов, 2013.
16. Соловьев Н.В. Словарь правильной русской речи: ок. 85 000 слов: более 400 коммент. / Ин-т лингв. исслед. РАН. М., 2008.
17. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М., 2010.

А.К. Баркалова
A.K. Barkalova

УПРОЩЕНИЕ МОРФЕМНОГО СОСТАВА СЛОВА В СОЦИОЛЕКТАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

THE SIMPLIFICATION OF THE MORPHEMIC COMPOSITION OF A WORD IN SOCIOLECTS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

В статье рассматривается понятие безаффиксного словообразования и подходы современных авторов к его определению и обозначению места в системе классификации морфемных способов словообразования в русском языке. Выделяются два основных взгляда на определение безаффиксного способа словообразования. Одни исследователи характеризуют его как способ, тождественный усечению, при котором не используются аффиксы – суффиксы и приставки, а некоторые из них приравнивают понятие безаффиксного словообразования к нулевой суффиксации. Другие авторы определяют его как широкое понятие, объединяющее ряд процессов, таких как сложение, сращение, аббревиация, усечение и субстантивация. В качестве примеров лексики, изучаемой исследователями, приводятся лексемы безаффиксного способа словообразования молодежного сленга, жаргона пользователей компьютерных видеоигр, толкового словаря русского языка начала XXI века, а также лексемы, созданные в период пандемии «Ковид-19». Автор статьи в своем исследовании придерживается мнения о том, что безаффиксный способ словообразования характеризуется процессом усечения одной или нескольких морфем и не включает в себя другие виды словообразования. На примере материала десяти социолектов предлагается разделение способов безаффиксного словообразования на четыре группы: бессуффиксальные (усечение одного или нескольких суффиксов), безаффиксные (усечение части единственного корня, частичное или полное усечение корней сложных слов), смешанные (одновременное усечение суффиксов и части корня) и бесприставочные (усечение приставки или одновременное усечение приставки и суффикса). В зависимости от типа и количества усекаемых морфем в каждой группе приводится классификация видов, иллюстрируемых социолектизмами. В каждой словообразовательной группе приводится частотность использования, анализируется видовое разнообразие, выделяются наиболее активные виды безаффиксного словообразования, делаются выводы о причинах преобладания или редкого использования видов. Анализ лексики социальных групп, не связанных общими интересами, а также рассмотрение места безаффиксного способа словообразования в работах других авторов, позволяет сделать вывод об активности способа усечения морфем в современной разговорной речи.

Ключевые слова: безаффиксный способ, словообразование, усечение, суффикс, корень, морфемы.

The article deals with the concept of non-affixal word formation and the approaches of contemporary authors to its definition and designation of its place in the classification system of morphemic word formation in the Russian language. There are two main views on the definition of non-affixal word formation. Some researchers characterize it as a method, identical to truncation, not involving the use of affixes, i.e. suffixes and prefixes, while others equate the notion of non-affixal word formation with zero suffixation. Some other authors define it as a broad concept, comprising a number of processes, such as addition, fusion, abbreviation, truncation and substantivation. The examples of vocabulary, studied by researchers, include the lexemes of non-affixal formation, related to youth slang, the jargon of computer video game users, the explanatory dictionary of the Russian language of the early 21st century, as well as the lexemes, created during the "COVID-19" pandemic. In their study, the authors of the article take the view that the non-affixal type of word formation is characterized by the process of truncation of one or more morphemes and does not include other types of word formation. Using the example of ten sociolects, it is proposed to divide the ways of non-affixal word formation into four groups: suffixless (i.e. the truncation of one or more suffixes), non-affixal (i.e. the truncation of the part of a single root, partial or complete truncation of roots in compound words), mixed (i.e. the simultaneous truncation of suffixes and a part of the root) and prefixless (i.e. the truncation of a prefix or the simultaneous truncation of a prefix and a suffix). Depending on the type and number of morphemes truncated, each group presents the classification of types, illustrated by sociolectisms. In each word-formation group, we specify the frequency of use, analyze the diversity of types, single out the most active types of non-affixal word formation and draw conclusions about the reasons for prevalence or infrequent use of certain types. The analysis of the vocabulary of social groups, having no common interests, as well as the review of non-affixal word formation in the works of other authors allow us to conclude that the type of morpheme truncation is active in the present-day colloquial speech.

Key words: non-affixal type, word formation, truncation, suffix, root, morphemes.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-18-25

Безаффиксный способ словообразования считается относительно молодым. «Стимулом для появления усечений в русском языке послужило развитие аббревиации в 1920-е гг. Именно в первые послереволюционные годы в речи стали использоваться такие сокращения-советизмы, как *спец* – *специалист*), *зав* – *заведующий*, *домоуправ* – *домоуправляющий*» [6, 108]. При этом в настоящее время не все ученые рассматривают аббревиацию как разновидность безаффиксного словообразования и дают иные определения этого способа.

Согласно словарю лингвистических терминов Т.В. Матвеевой [7], безаффиксный способ словообразования – это разновидность аффиксации, а именно образование новых слов с помощью значимого отсутствия суффиксов, обычно от глаголов и прилагательных, имеющих суффиксы в составе основы: *ход* от *ходить*, *заика* от *заикаться*, *актив* от *активный*. Производные слова, часто существительные, образуются в таких случаях без формально выраженных суффиксов, поэтому безаффиксный способ словообразования называют также нулевой суффиксацией. Аналогичное определение представлено в этимологическом словаре русского языка А. Ситниковой, где безаффиксный способ словообразования трактуется как «образование существительных (от глаголов и прилагательных) без посредства суффиксов и приставок (например, *исходить* – *исход*)» [10].

Другие лингвисты XXI века рассматривают безаффиксный способ словообразования шире и выделяют такие его разновидности, как сложение, сращение, аббревиацию, усечение и субстантивацию [4, 450]. В зависимости от характера изучаемого материала,

такой подход тоже может быть обоснованным. Например, исследование более 1000 лексических единиц, образованных в течение нескольких месяцев после начала пандемии «Ковид-19», показало, что более 80 % дериватов образуются морфемными способами словообразования, однако среди них авторы исследования не выделяют непосредственно усечение или безаффиксный способ словообразования в значении усечения. Среди видов безаффиксного словообразования, определяемых авторами, выделяется аффиксация, сложение, сокращение, конверсия и контаминация [2, 159]. Лингвисты делают вывод о том, что «магистральная линия современного словообразования формируется сложными словами и в результате совокупного действия сразу нескольких факторов» [2, 164].

Стоит отметить, что преобладание тех или иных видов безаффиксного словообразования напрямую зависит от характеристики изучаемой лексики. Так, на Международной научной конференции 2024 года в Ярославле была озвучена точка зрения о том, что усечение является высокопродуктивным способом современного компрессивного словопроизводства. «В настоящее время усечения-дериваты используются как в разговорной речи и жаргонах, так и в языке СМИ, интернет-коммуникации, художественных текстах» [8, 199].

Эти же авторы выделяют три типа структурных изменений, сопровождающих усечение: анкопа, где сокращению подвергается финальная часть мотивирующего слова (*инфа* – *информация*, *чел* – *человек*); афerezис, где усекается начало слова (*бот* – *робот*, *борд* – *сноуборд*), и синкопа, при которой происходит сокращение середины слова (*литра* – *литература*, *диссия* – *диссертация*). Также авторы наблюдают тенденцию формирования четвертого, смешанного типа, при котором слово одновременно усекается с начала и с конца (*чита* – *учительница*, *пита* – *воспитательница*). Стоит отметить, что несмотря на определение характера усечения, авторы не учитывают тип усекаемых морфем, что на самом деле показывает высокую вариативность способов усечения.

Как видим, одна группа лингвистов (Е.И. Диброва, Е.Н. Геккина, Н.А. Николина) под безаффиксным способом понимает широкое понятие, включающее ряд разнонаправленных процессов, в которых не задействованы аффиксы, при этом может происходить усложнение состава слова; другие (Т.В. Матвеева, А. Ситникова) все же отделяют безаффиксный способ, приравнивая к нему все процессы, при которых происходит усечение морфем, а само понятие «усечение» становится синонимом понятия «безаффиксное словообразование». С учетом активности процессов усечения, аббревиации и сложения основ в социолектах, мы также рассматриваем безаффиксный способ словообразования в качестве самостоятельного в значении усечения морфем.

Изучение молодежного сленга, который по принципу наполнения и активности в языке максимально близок к социолектам профессиональных групп, подтверждает выбор такого подхода. Исследование, проведенное сотрудниками Шадринского государственного педагогического университета в 2019 году, показало, что безаффиксный способ словообразования является наиболее продуктивным в пополнении словаря молодежного сленга. Наряду с приведением широко распространенных примеров сокращения слова до одного-двух первых слогов (*педагогический университет* – *пед*, *стипендия* – *стипа*), авторы обращают внимание на влияние оттенков значения производящего слова на образованную лексему. «Например, слово *жиза*, производное от *жизнь*, обозначающее "совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи" [9] приобретает новое значение, связанное с описанием жизненной ситуации, либо требующей решения, либо невозможной к разрешению: *Новые колготки порвала. Эт жиза* [12, 564]».

Активность усечения демонстрируется и на примере анализа лексики Толкового словаря русского языка начала XXI века. Показательно, что анализ тенденций в словообразовании проведен на примере именно разговорной и жаргонной речи. Автор исследования отмечает: «Одним из самых продуктивных способов образования дискурсивно маркированных производных остается суффиксация, которая используется

при образовании стилистических дериватов от немотивированных основ» [1, 84]. При этом на втором месте по активности, по мнению авторов, используется усечение: *медиа* – *масс-медиа*, *нал* – *наличные деньги*, *шоу-биз* – *шоу-бизнес* [11].

Исследователи сленга пользователей видеоигр также отмечают активность безаффиксного способа словообразования. Анализ научных работ и интернет-словарей по этой лексике позволил выделить 25 усечений из лексического пласта 67 сленгизмов русского сектора пользователей онлайн-шутеров, в частности *бро* (от англ. *brother*) – *друг*, *спект* (от англ. *spectator*) – *игрок, находящийся в режиме наблюдателя*, и подобные [3, 220]. При этом словообразовательных закономерностей в статье также не приводится.

Для исследования способов словообразования в социолектах нами был собран языковой материал десяти различных языковых групп, отобранных по принципу маловероятности пересечения профессиональных интересов. Это медицинские работники (врачи, медсестры, младший медицинский персонал), работники ресторанной сферы (специальный язык официантов), вожатые детских оздоровительных лагерей (практиканты или добровольцы), футбольные фанаты (как правило, путешествующие вместе с командой), постоянные посетители тренажерного зала (не профессиональные спортсмены, но серьезно относящиеся к здоровому образу жизни), работники театра (актеры и иные работники сцены), рок-музыканты (местные воронежские коллективы), пользователи компьютера (преимущественно продвинутые), полицейские (работники органов внутренних дел) и работники салонов сотовой связи (непосредственно продавцы). Вся изучаемая специальная лексика указанных групп (более 1300 слов) собрана методом полевого наблюдения в непосредственной среде участников коммуникации.

Выбор материала исследования обусловлен относительной закрытостью групп носителей. «Официанты, вожатые или медработники одного города не все понимают в речи своих коллег из других городов. Иными словами, социальный диалект индивидуализируется как в пределах предприятия, так и города в целом» [5, 139]. Таким образом, предметом исследования выступают не сами социолекты и разнообразие лексем в них, что является достаточно популярным направлением в современной лингвистике, а способы и принципы словообразования, по которым слова переходят в разговорную речь социальных групп из литературного языка, разговорной речи и других языков посредством изменения морфемного состава слова после процесса транслитерации.

Непосредственно объектом исследования являются социолектизмы, не разделяемые на жаргонизмы и профессионализмы, которые образованы морфемными способами словообразования. Различными вариантами усечения, то есть в нашем понимании безаффиксным способом, образованы из этой лексики 27,4 % (134 слова), что находится по частотности на втором месте после суффиксального способа словообразования (53,1 %).

В каждом из изучаемых социолектов безаффиксный способ имеет свой процент активности. Так, у посетителей тренажерного зала это 50 % от всех изученных социолектизмов и 48,7 % в речи работников салонов сотовой связи. Около четверти этот способ занимает среди лексем компьютерщиков (29,9 %), полицейских (25,6 %), работников театра (24,4 %) и сотрудников ресторанов (22,9 %). Наименьшую частотность можно наблюдать в речи рок-музыкантов (16,8 %), медиков (13,6 %) и вожатых (6,1 %). При этом в целях корректности анализа видов усечения при классификации вся эта лексика объединена в одну группу.

По типу усекаемых морфем всю лексику безаффиксного способа словообразования можно разделить на четыре группы:

1) бессуффиксальные способы (усекаются только суффиксы): *верх* – *верх/н/ий плечевой пояс* (тренажерный), *челюсти* – *отделение челюст/н/о-лицевой хирургии* (медицинский);

2) непосредственно безаффиксные способы (усекаются части корня и корни в сложных словах, при этом исходное слово не имеет других морфем кроме корня/корней): *джун* – *джуниор* (компьютерный), *фил* – *филлипс* (салонов сотовой связи);

- 3) смешанные способы (одновременно усекаются суффиксы и части корня/корней): *контр/а – контрол/ер вагона поезда* (фанатский), *гена – лед/о/генер/атор* (ресторанный);
- 4) бесприставочный способ (усекается приставка либо и приставка, и суффикс): *свет/и/тель – о/свет/и/тель* (театральный), *уш/и – на/уш/ник/и* (компьютерный).

Такая группировка по типу усекаемых морфем позволяет проанализировать, какие морфемы наиболее и наименее подвержены усечению. При этом можно провести описание каждой из этих групп в соответствии с вышеупомянутой классификацией Н.А. Николиной. В таком случае пояснение к каждой группе будет выглядеть следующим образом:

- 1) бессуффиксальные способы (анкопа);
- 2) непосредственно безаффиксные способы (может быть представлено анкопой, синкопой и афerezисом);
- 3) смешанные способы (анкопа, а также смешение анкопы и афerezиса);
- 4) бесприставочный способ (афerezис, а также смешение анкопы и афerezиса при одновременном усечении приставки и суффикса).

При такой группировке способов стоит обратить внимание на то, что в анализируемом материале примеры синкопы, при которой происходит сокращение середины слова, есть только в безаффиксном способе, причем только при анализе усечения в лексемах, не являющихся сложными словами. Однако этому есть объяснение: в нашей классификации социолектизмы, созданные от сложных слов и оставшиеся сложными словами, относятся к способу сложения основ и выносятся в одну из его разновидностей – сложение усеченных основ (*грим/уборная – гримировальная уборная* у работников театра, *пред/чек – предвар/и/тельн/ый чек* в ресторане).

В зависимости от того, в каком количестве и в каком сочетании происходит усечение морфем, каждую из групп можно разделить на подгруппы или, по-другому, виды. По количеству собранной лексики наибольшую активность показывают непосредственно безаффиксные способы, представленные 58 примерами, что составляет 43,6 % всего безаффиксного способа. Группу можно разделить на 7 видов, упорядоченных в порядке расположения усекаемой морфемы в слове и размера исходного слова:

- усечение части единственного корня с начала: *нет – интернет* (компьютерный);
- усечение середины корня: *яха – ямаха* (рок-музыканты);
- усечение части единственного корня с начала и с конца: *фицы – официанты* (ресторанный);
- усечение первого корня сложного слова: *шоп – фот/о/шоп* (компьютерный);
- усечение второго корня сложного слова: *сим/а – сим/карта* (салонов сотовой связи);
- усечение части второго корня сложного слова: *вин/ч – вин/честер* (компьютерный).

Наиболее активным, причем не только в этой группе слов, но и во всем безаффиксном способе словообразования, является вид, при котором усекается часть единственного корня с конца, а образованное слово также состоит только из корня (32 примера). Примерами этого способа могут служить как предпочитаемые сокращения фирм-производителей (*фил, филья – филипс, мотор, мотя – моторолла*), так и усечение прилагательных в подчинительном словосочетании вместе с обозначаемым существительным (*основа – основные группировки фанатов*).

Менее частотным в этой группе (12 примеров), но все же объемным относительно других, является вид безаффиксного словообразования, при котором происходит усечение второго корня сложного слова. Ввиду того, что девять из двенадцати исходных слов относятся к компьютерному социолекту, а три остальных – к социолекту работников салонов сотовой связи, часть разборов исходных слов не совсем однозначны. Однако, следуя принципам русского языка, эти пришедшие из английского языка термины все же отнесены к сложным. Речь о таких названиях как *ноут/бук (ноут), гига/байт (гиг), кило/байт (кило), лэп/топ (лапа), мега/байт (мег), пасс/ворд (пасс)* и подобных. Ввиду того, что этих терминов в морфемных словарях русского языка нет, приходится опираться только на собственную логику аналогичного разбора этих терминов в исходном языке, а также на

однокоренные элементы. Например, все сложные слова со вторым корнем *байт* являются мерой величины файла и разбираются по принципу аналогии с родными языку мерами веса и длины – *метр, кило/метр, санти/метр, деци/метр; грамм, кило/грамм, мили/грамм* и подобными.

Остальные шесть видов усечения корня представлены в исследуемом материале в количестве от одного до семи примеров.

Бессуффиксальный способ словообразования является менее разнообразной группой, и она представлена пятью видами:

- усечение части единственного суффикса: *траг/едь* – *траг/еди/я* (театральный);
- усечение единственного суффикса: *не/фор* – *не/фор/мал* (рок-музыканты);
- усечение второго суффикса и части первого суффикса: *с/ли/в* – *с/ли/ва/ть* (фанатский);
- усечение двух (обоих) суффиксов: *до/след* – *до/след/ова/ние* (полицейский);
- усечение трех (всех) суффиксов: *трен/я* – *трен/ир/ов/к/а* (тренажерный).

Основной характеристикой этой группы способов является то, что независимо от того, сколько суффиксов существуют в исходной лексеме, каждый из них в процессе словообразования социолектизм подвергается частичному или полному усечению. Ни один не остается нетронутым.

Вид, при котором усекается единственный суффикс, является наиболее частотным и представлен 22 примерами. Примером этого способа может служить жаргонизм *широч*, образованный от словосочетания *широч/айш/ая мышца спины*. Суффикс *-айш-* является суффиксом превосходной степени сравнения прилагательных и поэтому признаком литературного языка и книжной речи. Упрощение морфемного состава помогает слову уйти от яркой литературной формы. Образованный жаргонизм *широч* не существует в литературном языке и не встречается в других значениях.

Чуть менее частотным (16 примеров) является вид, при котором усекаются оба суффикса. Преимущественно этот процесс происходит при переходе слова из формы инфинитива глагола в существительное. Так, действие *вы/нос/и/ть* становится процессом *вы/нос* (ресторанный), слишком активная игра на гитаре обозначается социолектизмом *лун* от глагола *лун/и/ть* (рок-музыкальный).

Группа смешанных способов, при которых происходит одновременное усечение одного или нескольких суффиксов, а также частей корня или полностью одного из корней сложного слова, представлена десятью видами. Таким образом, это самая разнообразная группа среди всех представленных. При этом, по количеству примеров она является самой немногочисленной – 27 лексем, что составляет 20,3 % способа.

Виды смешанных безаффиксных способов можно представить следующим образом:

- усечение единственного суффикса и части корня: *зем/а* – *земл/як* (полицейский);
- усечение одного из двух суффиксов и части корня: *за/реги/ть(ся)* – *за/регистр/ирова/ть(ся)* (компьютерный);
- усечение одного суффикса и части корня до одной буквы у двух слов, приведенных к одному жаргонизму: *правило «ч»* – *правило четырех часов* (вожатский);
- усечение двух (обоих) суффиксов и части корня: *треп* – *трепет/а/ни/е предсердий* (медицинский);
- усечение трех (всех) суффиксов и части второго корня: *энд/о/трах* – *энд/о/трахе/а/ль/н/ый наркоз* (медицинский);
- усечение единственного суффикса и второго корня сложного слова: *метан* – *метан/диен/он* (тренажерный);
- усечение единственного суффикса, второго корня и части первого корня сложного слова: *фарм/а* – *фармак/о/лог/ическ/ий препарат* (тренажерный);
- усечение единственного суффикса, части второго корня и полностью первого корня сложного слова: *гена* – *лед/о/генер/атор* (ресторанный);

– усечение трех (всех) суффиксов и второго корня сложного слова: *карди/о – карди/о/трени/нг/ов/к/а* (тренажерный).

Примечательно, что семь из девяти выделенных видов имеют во всем исследуемом материале лишь по одному примеру. Это позволяет выявить существование такой разновидности усечения, но не позволяет провести более глубокую характеристику вида.

Из группы смешанных способов по количеству выделяется одновременное усечение суффикса и части корня (15 примеров) и усечение двух (обоих) суффиксов и части корня (5 примеров). Все исходные слова обеих групп состоят из корня и одного-двух суффиксов, а при образовании жаргонизма полностью усекаются имеющиеся суффиксы и часть корня с конца. Так, у компьютерщиков *администр/атор* стал *админ/ом*, у полицейских *дагестан/ец* – *даг/ом*, у медиков пациенты, проходящие *консерват/ивн/ое лечение*, – *консерв/ами*, у фанатов *контрол/ер вагона поезда* – *контр/ой*, у спортсменов *препар/ат* – *преп*, у музыкантов и работников театра *репет/ищи/я* – *репа*. Как видно из перечисления, способ распространен для целого ряда многобуквенных слов, относящихся к разным социолектам. Подобные примеры, когда один вид словообразования одинаково реализован в речи разных социальных групп, наглядно демонстрируют единство словообразовательных процессов в разговорной речи в целом.

Группа безаффиксного словообразования является самой немногочисленной в контексте изучаемого материала. Оба вида и относящиеся к ним примеры были представлены выше при классификации по типу усекаемых морфем. Таким образом, если слово и усекается с начала (аферезис), то усекаемой морфемой, как правило, является корень, а не приставка. Это может быть представлено как усечением части единственного корня, так и усечением первого корня слова или его части. Можно предположить, что склонность сохранять приставки связана с важностью значения, которое обычно несет в себе приставка. Общий анализ морфемных способов словообразования доказывает, что процесс усечения идет не бездумно, а значит потеря ключевых морфем, отражающих семантику социолектизма, недопустима.

Подводя итоги анализа упрощения морфемного состава слова, следует отметить, что активность способа в современном русском языке доказывается не только наличием примеров в молодежном сленге и разговорной речи, зафиксированной словарями. Усечение в социолектах является активным процессом, широко распространенным среди разных социальных групп, не имеющих смежных интересов, но бессознательно применяющих методы безаффиксного словообразования для достижения речевых целей группы: упрощения произношения, увеличения скорости, краткого наименования процессов и сокрытия при обсуждении ряда процессов от людей, не являющихся членами группы.

Классификация способов безаффиксного словообразования и определение его видов в каждой группе позволяет шире взглянуть на многообразие словообразовательного процесса в целом, оценить возможности естественного, устного языка, не ограниченного литературными нормами и правилами. Склонность разговорной речи к сокращению морфемного состава слова наглядно демонстрирует отсутствие в языке неусекаемых, «неприкосновенных» морфем. При этом варианты таких усечений могут быть многообразны в своих сочетаниях, в зависимости от семантических целей производного слова, которое создает носитель социолекта.

1. Батулина А.В. Активные процессы в сфере стилистического словообразования // *Неология. Неография*. 2023. Сборник научных статей. СПб., 2024. С. 83–90.

2. Геккина Е.Н. Тенденции современного русского словообразования в зеркале инноваций // *Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное*. Сборник научных статей. 2021. С. 157–165.

3. Дементьев Н.Р. Продуктивность безаффиксного словообразования в сленге пользователей видеониг // *Современные проблемы литературоведения, лингвистики и*

- коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство. Межвузовский сборник. Уфа, 2019. С. 218–225.
4. Диброва Е.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник. М., 2008. Ч. 1.
5. Баркалова (Затонская) А.К., Лапинская И.П. Взаимодействие социальных подсистем в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 3(1). С. 139–141.
6. Конопкина Е.С. Усечение как способ компрессивного словообразования / Е.С. Конопкина, Т.П. Лунина // Вестник Омского Государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 2(31). С. 107–111.
7. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону, 2010.
8. Николина Н.А. Функционирование усечений-дериватов в современной русской речи // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи. Сборник статей Международной научной конференции. Ярославль, 2024. С. 198–205.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2013.
10. Ситникова А. Этимологический словарь русского языка. Ростов-на-Дону, 2005.
11. Толковый словарь русского языка начала XXI века / под ред. Г.Н. Складчиковой. М., 2008.
12. Шуплецова Ю.А., Ястремская Ю.А., Максимовских А.Г. Аффиксные и безаффиксные способы словообразования в молодежном сленге провинциального вуза // Мир науки, культуры, образования. № 2(75). 2019. С. 564–565.

Т.В. Кравчук, А.О. Тоухар
T.V. Kravchuk, A.O. Touahar

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «ЗАБОТЕ» В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

**THE IDEA OF "CARING" IN THE MINDS OF NATIVE SPEAKERS OF
THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF A
PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT)**

В представленной работе рассматривается представление и восприятие слова «забота» в русском менталитете. Актуальность исследования обусловлена недостаточным вниманием к этой теме в русской лингвистике, а также изменениями в понимании этого термина в контексте социальных и культурных трансформаций. Главная идея работы заключается в том, что «забота» в русском языке и сознании современных носителей языка претерпела значительные изменения, от представления о беспокойстве к коннотации любви и внимания к близким. Это исследование выявляет связь между языковыми ассоциациями и культурными нормами, подчеркивая, что забота о своих родных и близких с каждым поколением становится более важной и положительно воспринимаемой, чем забота о внешних объектах или государствах. Проведенный психолингвистический эксперимент с использованием свободного ассоциативного метода имеет целью выявить реальные семантические связи слова «забота» в сознании носителей русского языка. Обработка данных показала, что основными ассоциациями с этим словом являются: «любовь», «семья», «тепло» и «дети». Сравнение с вхождением в корпус указывает на трансформацию значения заботы с акцентом на индивидуализацию и семейные ценности в XXI веке. Преобладание положительных коннотаций указывает на эволюцию культурной идентичности и социальные изменения. Исследование рассматривает «заботу» как культурное и языковое явление, которое тесно связано с историческими и социальными условиями жизни русского народа. Важной частью анализа является осознание того, что, несмотря на историческую эволюцию и различные социальные роли, понятие заботы остается центральным в идентичности и межличностных отношениях русских людей. На основе проведенного анализа делается вывод, что значение «заботы» в русском языке должно оцениваться через призму культурных и социальных изменений, отражающих изменяющиеся семейные и личные

приоритеты. Это подчеркивает важность дальнейшего изучения языка как элемента национальной идентичности и культурной памяти. Таким образом, забота становится не только предметом лексической и семантической работы, но и важным компонентом менталитета современного русского человека, который все активнее фокусируется на любви и близости в отношениях.

Ключевые слова: коннотация, национальный корпус, забота, психолингвистический анализ, ассоциативный эксперимент.

The presented article examines the representation and perception of the word "care" in the Russian mentality. The relevance of the research is due to the lack of attention to this topic in Russian linguistics, as well as changes in the understanding of this term in the context of social and cultural transformations. The main idea of the work is that "caring" in the Russian language and in the minds of modern native speakers has undergone significant changes, from the concept of concern to the connotation of love and attention to loved ones. This study reveals the connection between linguistic associations and cultural norms, emphasizing that caring for one's relatives and friends becomes more important and positively perceived with each generation than caring for external objects or states. The conducted psycholinguistic experiment using a free associative method aims to identify the real semantic connections of the word "care" in the minds of native speakers of the Russian language. Data processing has shown that the main associations with this word are: "love", "family", "warmth" and "children". A comparison with the entries in the corpus indicates a transformation of the meaning of caring with an emphasis on individualization and family values in the 21st century. The predominance of positive connotations indicates the evolution of cultural identity and social changes. The study considers "caring" as a cultural and linguistic phenomenon that is closely related to the historical and social conditions of the Russian people. An important part of the analysis is the realization that, despite historical evolution and various social roles, the concept of caring remains central to the identity and interpersonal relationships of Russian people.

Based on the analysis, it is concluded that the meaning of "caring" in the Russian language should be assessed through the prism of cultural and social changes reflecting changing family and personal priorities. This highlights the importance of further language learning as an element of national identity and cultural memory. Thus, caring becomes not only the subject of lexical and semantic work, but also an important component of the mentality of a modern Russian person, who is increasingly focusing on love and intimacy in relationships.

Key words: connotation, national corpus, care, psycholinguistic analysis, associative experiment.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-26-39

В русском языкознании актуальными стали проблемы исследования национальной культуры, национальной идентичности, национальной ментальности и особенностей национального характера. Актуальность и значимость работы обусловлена недостаточностью исследований значения «заботы» в русском менталитете. Определение места этого явления будет способствовать более глубокому постижению своеобразия национально-психологических свойств русского народа.

Рассмотрим определение «заботы» в нескольких словарях.

В толковом словаре В.И. Даля мы можем видеть следующее определение слова «забота»: «усердные хлопоты, беспокойное попечение, радушное беспокойство о ком или о чем; гребта». [2]. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова: «1. Беспокойство, беспокойное, обременительное дело. 2. Мысль или деятельность, направленная к благополучию кого-чего-н. 3. Внимание, попечение, уход» [7]. «Толковый словарь русского языка в 4-х т.» Д.Н. Ушакова дает определение: «Беспокойство, опасение» [1]. «Малый академический словарь»: «1. Беспокойная мысль о чем-л.; сосредоточенность мыслей на исполнении чего-л., на удовлетворении какой-л. потребности. 2. Внимание к потребностям, нуждам кого-л.; попечение о ком-л.» [3]. Т.Ф. Ефремова в своем современном толковом словаре дает следующее определение: «1. Беспокойство, опасение (1. Хлопоты о ком-либо, чем-либо; 2. Попечение, уход), 2. разг. Неотложное дело, задача» [4]. Толковый словарь С.А. Кузнецова дает следующее определение слова «забота»: «1. о ком-чем. Беспокойная мысль о чем-л.; сосредоточенность мыслей на исполнении чего-л., на удовлетворении какой-л. потребности. 2. Дело, задача. 3. Внимание к нуждам, потребностям кого-л.; попечение о ком-л. 3. о больном. Проявить заботу. Благодарность за заботу. // обычно мн.: заботы, -бот. Хлопоты» [6].

Отметим, что в каждом из этих словарей встречается значение, связанное с беспокойством, и лишь в последнем словаре появляется значение с положительной коннотацией (внимание к нуждам).

В «Русском ассоциативном словаре» Ю.Н. Караулова даны следующие ассоциации к слову «забота»: «доброта 3; медсестра, работа 2; бремя, в дорогу, вас, внимание, женатый, запомнить, клад, миллионер, на работу, необходимость, о себе, ответственность, печаль, родственник, часы, чужой 1; 23+19» [11].

Так что такое забота для современных носителей русского языка? Актуальны ли данные определения? В 2022 году ВЦИО проводил опрос среди россиян на тему заботы. По итогам опроса было выявлено, что большинство россиян считают себя заботливыми людьми (89 %), так как 35 % в последние 2–3 месяца заботились о своих детях, 28 % ощущали родительскую заботу. Дети и родители – главные объекты заботы россиян, в то время как о себе заботится меньшинство наших сограждан [10]. Мы ставим перед собой задачу изучить подробнее данный вопрос путем проведения психолингвистического эксперимента. По мнению В. фон Гумбольдта, язык является продуктом языкового сознания нации. Проявлением языка является речь, которая не только отражает сознание человека, но и формирует его. Изучить речь и, соответственно, сознание носителя языка можно с помощью ассоциативного эксперимента, который представляет реальную картину соотношения формального знака и той семантической сущности, что связана в индивидуальном когнитивном пространстве. Именно ассоциативный эксперимент является одним из эффективных способов выявления особенностей ментальных образов, присущих определенному этносу. Благодаря результатам эксперимента нам представится возможным

приблизиться к объективным семантическим связям слов или языковым стереотипам определенного этноса, содержащимся в сознании носителя, и впоследствии определить их как специфические черты менталитета.

Эксперимент проводился в ассоциативной форме (свободный ассоциативный эксперимент) с помощью сервиса Google forms.

В эксперименте использовалось 6 стимулов (ответственность, трудолюбие, мечтательность, верность, забота, смелость). «Воспринимаемое слово (стимул, раздражитель) порождает в нашем сознании поистине безграничную систему связей и отношений, отражающих образы предметов, явлений, понятий, действий и слов, нашем эмоциональное состояние в данный момент, а также все то, что отложилось в житейском опыте индивида...» [11,13]. Испытуемым было необходимо записать первые приходящие в голову слова-реакции, так как это принципиально важно, ведь, по утверждению Р.М. Фрумкиной, «если есть отбор, нет ассоциативного процесса» [13], а значит результаты будут неточными и искусственными. Информантами являлись носители русского языка. Было опрошено 257 респондентов. Большую часть опрошенных составили лица женского пола (79 %). Участие приняли респонденты в возрасте от 18 до 30 лет (41 %), немногим меньше лица от 30 до 60 лет (36 %) и младше 18 лет (школьники, ученики колледжа).

Помимо разных возрастных и половых категорий, респонденты также имеют разный уровень образования (бакалавриат, специалитет, среднее и среднее специальное), представляют разные населенные пункты России (более 10 областей), что уменьшает вероятность получить узко направленные данные и, наоборот, увеличивает возможность обрисовать точную картину в исследовании.

Анализ наиболее частотных ассоциаций к слову *забота* показал, что чаще всего его связывают с выражением чувства любви. Как для лиц женского, так и для лиц мужского пола слово *любовь* является самой частой реакцией к нашему предмету исследования. (Рисунок 1). Помимо эмоций, которые люди связывают с заботой, среди ответов встречаются также глаголы и существительные, обозначающие действия и способы дарить и получать заботу. Это показывает, что забота порождает желание совершать определенные поступки, с которыми она и связывается в сознании носителя языка. Эрих Фромм в своей известной книге «Искусство любить» определил любовь как «деятельная озабоченность, заинтересованность в жизни и благополучии того, кого мы любим» [12]. В данной дефиниции есть два компонента, которые отражают результаты нашего эксперимента: «деятельная», то есть выражающаяся в действиях, «озабоченность». Мы видим, что забота является одним из важных проявлений любви, соответственно ассоциация «любовь», полученная в результате эксперимента, говорит о том, что носители русского языка заботу приравнивают к любви.

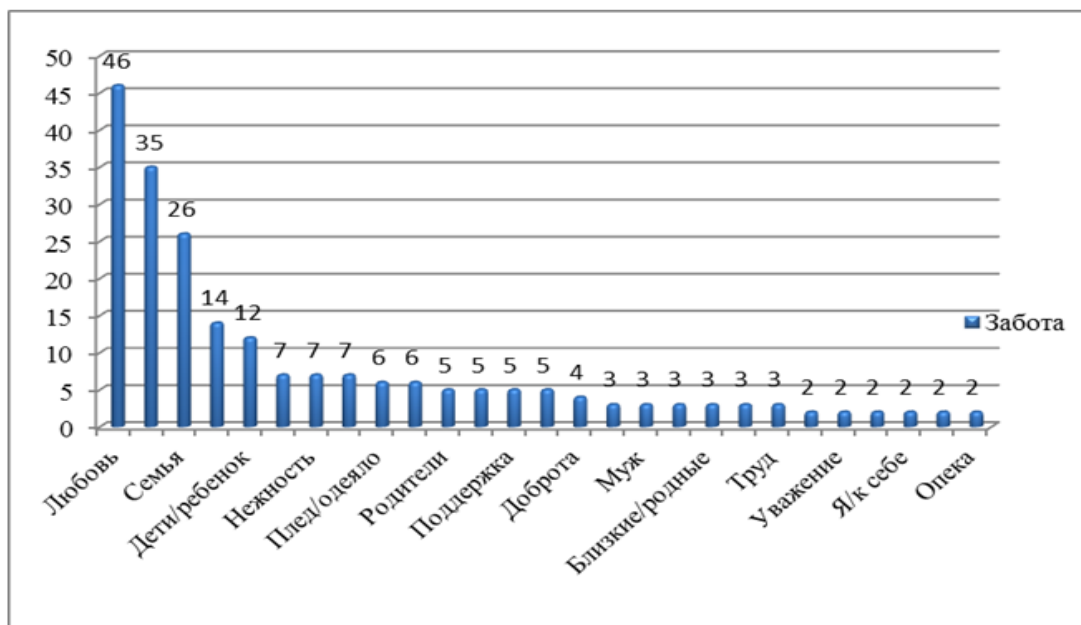

Рисунок 1. Наиболее частотные ответы респондентов

В целом можно разделить ассоциации на группы:

А) с людьми: семья, муж, девушка, внуки, старики, родители, родные и близкие, девушка и др.

Б) чувства и ощущения: любовь, уют, тепло, ласка, нежность, необходимость/потребность, доброта, мягкость, ответственность, спокойствие и др.

В) действия: труд, поддержка, помощь, уважение, доверие, внимание, объятия, опека, взять под крыло, ухаживать, беспокоиться, укрыть и т.д.

Г) предметы/образы: плед/одеяло, дом, кровать, руки/ладони, подушка, чай и др.

Д) животные: кот, кошка, собака, животные, цыпленок.

Стоит отметить, что о домашних питомцах информанты женского и мужского пола заботятся в равной степени, судя по количеству ответов.

Таблица 1. Единичные ответы

Беспокоиться о ком-то (ж)	Идеал (м), лучшее (ж)	Ответственность (ж)
Взять под "крыло" (ж), ухаживать за человеком (м)	Инициатива (ж)	Счастье (ж)
Внуки (ж)	Чай (ж), кофе (ж)	Переживать, когда близкому плохо (ж)
Девушка (м), пара (ж)	Мило (ж)	Подушка (ж)
Деревня (ж)	Мягкость (ж)	Предусмотрительность (м)
Собака (ж)	На первом месте (ж)	Природа (ж)
Защита (ж)	Навязчивость (ж)	Приятность (ж)
Здоровье (ж), о желудке (м)	Обязанность (м)	Спокойствие (м)

Среди единичных ответов (Таблица 1) есть и те, что можно классифицировать по уже выделенным выше группам. Что примечательно, ассоциация с заботой о здоровье (желудке) и себе представлена лишь двумя ответами в обоих случаях. Можно сказать, что специфика русского менталитета состоит в склонности больше дарить заботу друг другу, нежели проявлять ее по отношению к себе. Мы не утверждаем, что носители русского языка не заботятся о здоровье, но все же это не является первостепенным стимулом. Небольшое количество респондентов ассоциируют заботу с навязчивостью и опекой, то есть с неприятными ощущениями, потому среди реакций встречаются ответы с негативной эмоциональной коннотацией. Ответы: чай, кофе, деревня отражают индивидуальный опыт человека, в результате которого пережитые ощущения закрепились именно за словом «забота». Ответ «счастье» прозвучал лишь единожды. Полагаем, что забота не является ключевым ощущением на пути к счастью для большинства носителей русского языка.

Преобладающий возраст среди респондентов, давших реакцию «любовь», – возраст от 18 до 30 и младше 18 лет (Рисунок 2). Среди информантов 30–60 лет чаще возникает ассоциация со словом «мать» или «мама». Этот же ответ как раз находится на втором месте по частотности употребления, хотя анализ показывает, что лица младше 18 лет реже связывают заботу с матерью. На третьем месте по частоте ассоциации находится в общей статистике слово *семья*. Это показывает, что люди получают большую часть заботы от мамы или членов семьи, либо же оказывают заботу по отношению к ним. «Семья» лидирует среди ответов именно лиц от 18 до 30 лет, что отражает их привязанность к родным. Помимо чувства любви также частотной ассоциацией является слово *тепло*, отражающее ощущение человека тогда, когда к нему проявляют заботу. Чаще всего этот ответ давали лица в возрасте от 18 до 30 лет. На пятом месте находятся ассоциации «дети/ребенок». Отметим, что данный ответ был представлен 11 раз женщинами и всего 1 раз мужчиной и в возрасте от 30 до 60 лет, что связано, скорее всего, с наличием у них детей или в перспективе. То есть, помимо любви, женщины чаще ассоциируют заботу конкретно с ребенком, а мужчины в целом с семьей. Хотя 3 респондента женского пола все же написали ассоциацию «муж».

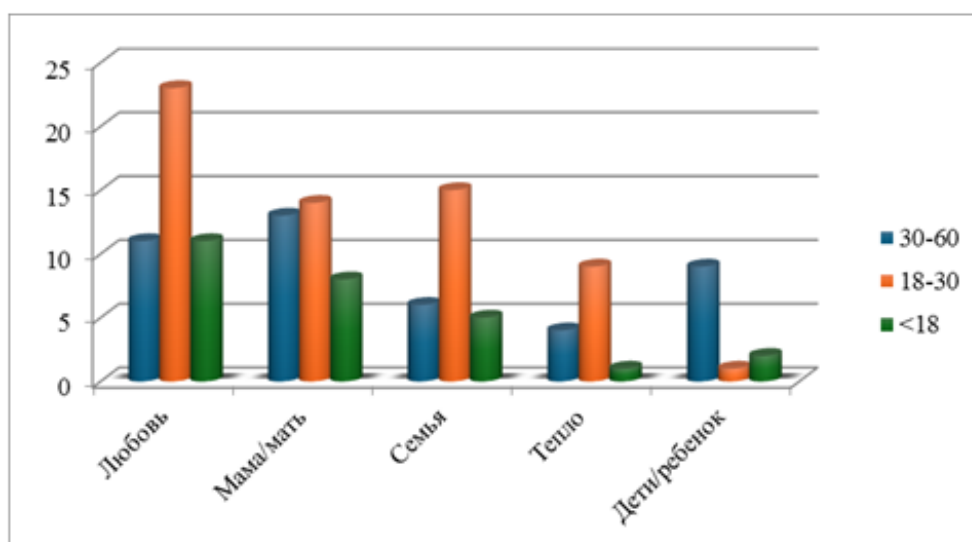

Рисунок 2. Возрастное деление наиболее частотных ответов

Согласно данным ВЦИОМ, Мужчины склонны заботиться о родителях (26 %), женщины – о подрастающем поколении (39 %). Именно матери вдвое чаще отцов ощущают заботу о себе со стороны детей (36 % и 17 % соответственно) [10]. «Испокон веков мужчине в семье отведена роль главы семьи, а женщине – хранительницы домашнего очага» [8]. На мужчину в семье всегда ложилась обязанность обеспечивать материальный достаток, заботу о младшем и старшем поколении своей семьи и семьи супруги, о потребностях жены. Обратим внимание на ассоциации лиц мужского пола: семья находится на втором месте по количеству вхождений, а реакция, связанная с детьми, не входит в число частотных (Рисунок 3).

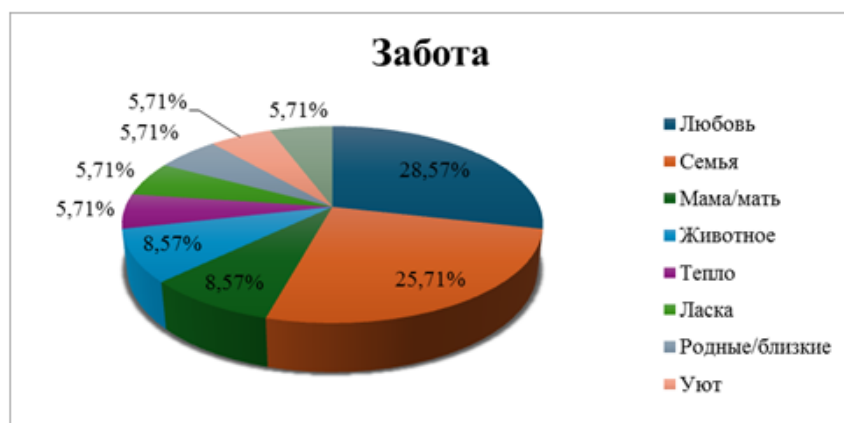

Рисунок 3. Забота для носителей русского языка мужского пола

Рассмотрим реакции лиц женского пола в разных возрастных диапазонах. Мы выяснили, что носители русского языка женского пола в возрасте младше 18 в равном количестве дали реакцию «мама/мать» и «любовь»; в возрасте 18–30 лет реакция «мама/мать» оказывается на первом месте; в возрасте 30–60 лет «любовь» находится на 1 месте (Рисунок 4).

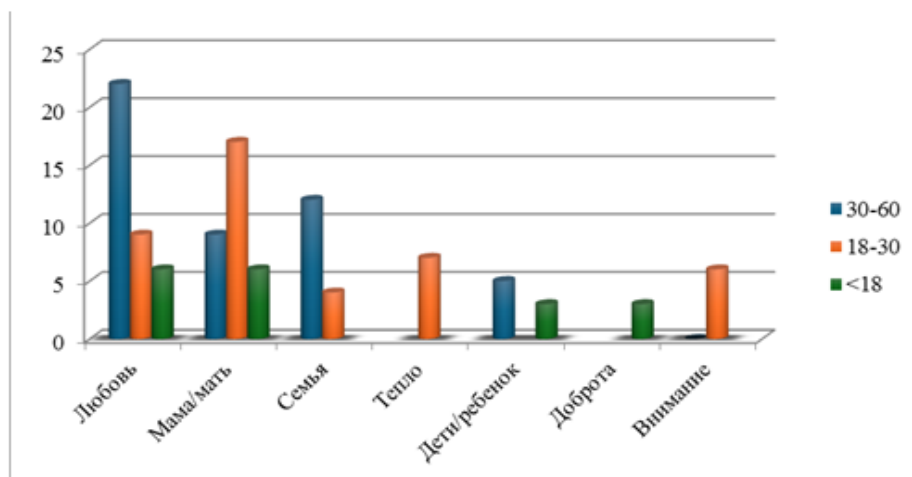

Рисунок 4. Забота для носителей русского языка женского пола

Благодаря рисункам, представленным в исследовании, мы видим, что представление о заботе у русских людей меняется в зависимости от пола и возраста. Среди лиц женского пола ассоциация с любовью наиболее важна в возрасте 30–60 лет, хотя в общих результатах исследования данная ассоциация преобладает в диапазоне 18–30 лет. То есть для мужчин старше 30-ти забота связана больше с семьей, нежели с любовью. Примечательно, что лица младше 18 лет не ассоциируют заботу в целом с семьей, а с матерью и любовью в равной степени. Семья скорее выступает как объект, а не источник заботы. Можно предположить такой ассоциативный ряд: забота – любовь – объект любви.

Делая вывод, важно отметить, что ассоциации «любовь», «мама/мать» и «семья» являются самыми частотными как для лиц женского, так и для лиц мужского пола. То есть ядром коллективного ассоциативного поля слова «забота» является лексема «любовь». 58 ассоциативных ответов связаны с заботой о ком-то другом (животном/человеке) и лишь два с заботой о себе, что, как нам кажется, опровергает распространенный стереотип об эгоизме современных людей. Большинство реакций, отражающих ощущения/чувства имеют позитивную эмоциональную коннотацию, а негативную – три ответа (навязчивость, опека). Хотя слово *опека* изначально определяется как вид семейного устройства несовершеннолетних, оставшихся без родителей, сейчас же данное понятие употребляется именно для обозначения неприятной, излишней заботы, то есть с негативной эмоциональной коннотацией. Если в представленных в начале словарях мы отмечали значение слова *забота*, связанное с беспокойством, то наше же исследование показало, что реакция «беспокоиться о ком-то» была дана один раз. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современном мире слово *забота* не ассоциируется с беспокойством. Несколько реакций, полученных в результате нашего эксперимента, совпадают с ассоциациями в «Русском ассоциативном словаре» Ю.Н. Караулов: «Доброта 4, внимание 7, необходимость 5» [5]. То есть данные явления на протяжении продолжительного периода продолжают существовать в сознании современных носителей русского языка именно в связке с лексемой *забота*.

Положение русского языка, его трансформация со временем, нынешнее положение и особенности современного употребления в XXI веке волнуют многих современных исследователей и самих носителей языка. Немало ученых обращаются к корпусам языка при возникновении подобных вопросов. Самым крупным собранием текстов, отражающих национальную специфику русского языка, является Национальный корпус русского языка. Мы хотим обратиться к нему, чтобы сравнить полученные в результате эксперимента данные. Для анализа мы выбрали основной корпус, тексты 1950–2022 гг. Всего 6404 вхождения на момент проведения исследования (из поиска мы исключили словоформу во множественном числе, так как она является другим стимулом к порождению смыслов). Проведя анализ всех вхождений, мы выделили значения слова забота:

- 1) отрицательные: забота – трудное дело; забота – грустные, тяжелые мысли; забота – переживание о чем/ком-либо; «не моя забота» – не мое дело; забота – опека, навязчивое проявление; забота в кавычках как то, что вредит;
- 2) положительные: забота – внимание к кому-либо; забота – удовлетворение потребностей кого-либо; забота – проявление любви; забота – обеспечение функционирования чего-либо; забота – уход за состоянием чего/кого-либо.

Проанализировав тексты второй половины XX века, мы определили количество положительных и отрицательных коннотаций, рассчитали их соотношение с общим количеством (3860) вхождений (Рисунок 5).

КОННОТАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Рисунок 5

Рассмотрим далее, о чем или ком заботились в XX веке по контексту данных НКРЯ (Рисунок 6).

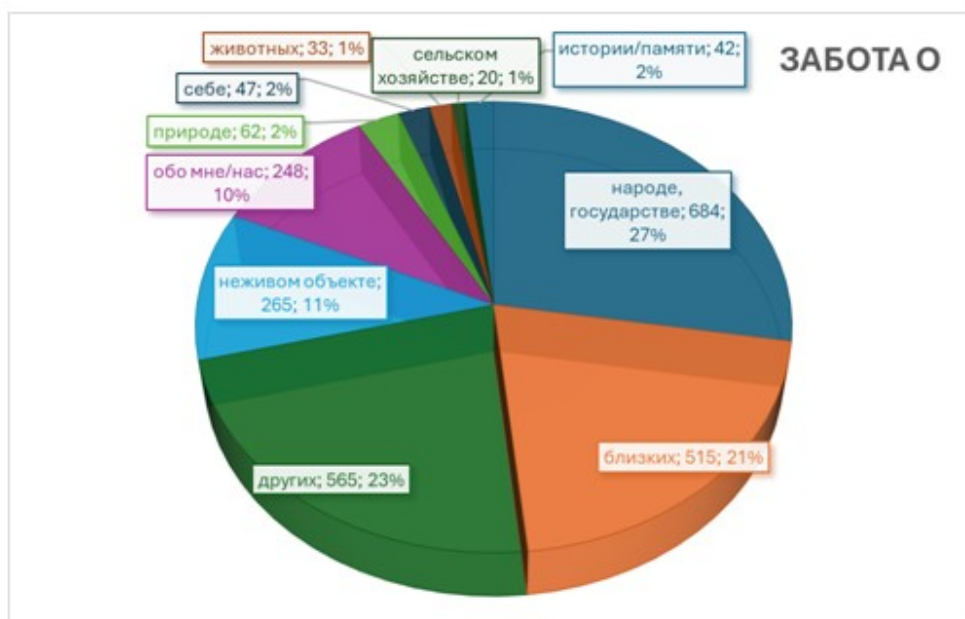

Рисунок 6. Забота во второй половине XX века (10 основных показателей)

При анализе контекстов второй половины XX века мы заметили, что преобладает тема патриотизма. Большое количество вхождений представляют именно примеры заботы государства и партии о своем народе, забота народа о своей Родине. Так, слово *партия* в одном контексте со словом *забота* появляется 128 раз. В этих же контекстах мы встретили коллокацию «неустанная забота» 31 раз, «отеческая забота» (чаще в значении заботы отечества) 31 раз, и «сталинская забота» 15 раз. «Велика в нашей стране забота о человеке», – такие слова вспоминаются после анализа данных второй половины XX века [9].

На втором месте по количеству вхождений забота о других, то есть забота о тех, кто не входит в близких круг общения, семью, не объединен дружескими или романтическими отношениями. Мы полагаем, что такое количество контекстов обусловлено духом коллективизма, идеей которого было пропитано общество того времени. Исторически на Руси был общинный уклад жизни, это характерно для мышления нашего народа. Быть частью государства, частью единого целого, а, значит, заботиться в первую очередь об окружающих – это стало преобладающей ценностью. Того требовали особенности исторического периода. Мы часто встречаем коллокации «товарищеская» (8 вхождений), «дружеская» (6 вхождений), «человеческая» (8 вхождений), «коллективная» (4 вхождения) забота.

Однако ближе к 80-м годам XX века количество патриотических контекстов начинает снижаться, хоть и остается по-прежнему преобладающим. Помимо интересов коллектива, появляются интересы личного развития, личных целей. Есть своя семья, собственное мнение, собственная точка зрения. Необходимо отметить низкий процент контекстов «забота о себе». Государству требовалось, чтобы личность работала на всеобщее благо, а не на собственное. Эгоистические желания являлись табуированными.

Данные результаты показывают, как государственные идеи могут влиять на сознание человека, ведь в XX веке забота о близких и семье вышла на второй план. Отметим группу, связанную с родственными связями: «материнская» (30 вхождений), «сыновья» (5 вхождений), «отцовская» (8 вхождений), «сестринская» (2 вхождения) забота, «забота о детях» (34 вхождения). Образ матери, как мы видим, на протяжении веков продолжает превалировать и находится в тесной связи с заботой о ребенке.

Как начинают трансформироваться понятие о заботе в XXI веке? Общее количество вхождения в XXI веке по основному корпусу НКРЯ на момент анализа – 2544. Посмотрим на разграничение коннотаций (Рисунок 7).

КОННОТАЦИИ В XXI ВЕКЕ

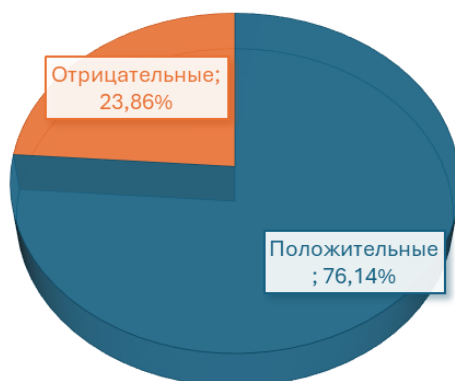

Рисунок 7

Нами было обнаружено, что количество положительных коннотаций выросло в сравнении с XX веком. Как мы уже отмечали, в 80-х годах XX века государственная забота начала снижать по частоте употреблений и в XXI веке разница составила 10 % (Рисунок 8).

ЗАБОТА О

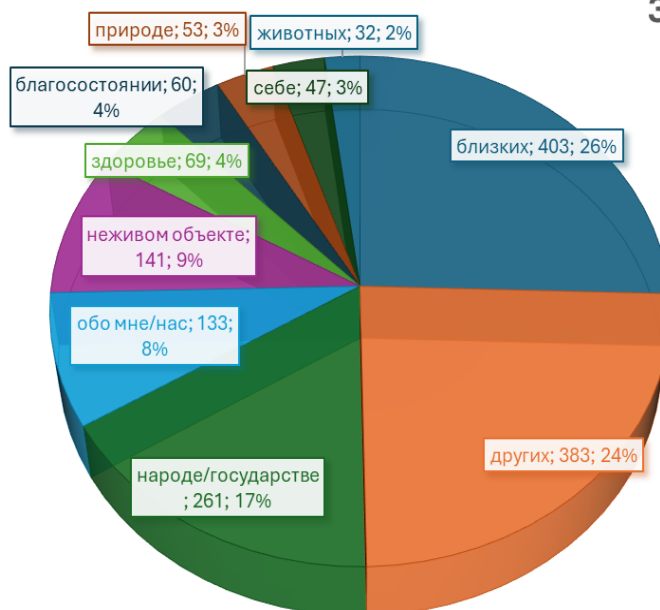

Рисунок 8. Забота в XXI веке (10 основных показателей)

На основании этих показателей мы сделали вывод, что в XXI веке забота о семье и близких людях является главенствующей вместе с заботой о других, не входящих в близкий круг, людях. Забота «о себе» по-прежнему чаще встречается в негативно окрашенном контексте, потому занимает малую долю среди положительных коннотаций. Забота «о благосостоянии» в прошлом веке была обнаружена только в негативной коннотации, сейчас же мы встречаем некоторые контексты, где забота о материальной составляющей жизни не является бременем или трудным делом, а становится объектом внимания и частью заботы о семье.

Обратим наше внимание на частотные коллокации, мы выделили 4 (Рисунок 9).

Рисунок 9

Нельзя не отметить, что все они связаны с близкими отношениями, а три из них – с родственными, что подтверждает данные о преобладающей категории заботы – «семья, близкие люди».

Сравним 5 наиболее частотных ответов с контекстными данными, полученными в корпусе (Таблица 2).

Таблица 2. Сравнение результатов

Источник/Стимул	Любовь	Мама/мать	Семья	Тепло/теплота	Дети
Опрос	46	35	26	14	12
НКРЯ XX	118	22	107	28	34
НКРЯ XXI	139	57	80	23	70

На основании результатов, представленных в таблице, мы можем сделать вывод, что любовь действительно тесно связано с представлением о заботе. В сравнении с XX веком показатели «любовь» и «дети» выросли. В XXI веке забота – это любовь, семья и дети. Мы предполагаем, что показатели этих значений будут расти пропорционально увеличению объема современного корпуса, так как количество материала на данный момент в нем меньше, нежели в XX веке.

В нашей работе были рассмотрены определения слова *забота* в разных словарях, в каждом из которых была предъявлена негативная коннотация. Проанализировав индивидуальные реакции, объединив их в группы, у нас получилось выявить ядро ассоциативного поля слова *забота* – любовь, что обладает положительной коннотацией. Мы убедились в том, что забота является одним из важных компонентов жизни русского человека. Проведя работу над корпусом и сравнив показатели XX и XXI веков, мы проверили результаты психолингвистического эксперимента и подтвердили их: в сознании носителей русского языка и в текстах Национального корпуса русского языка *забота* употребляется чаще в положительной, нежели негативной коннотации. Это позволило нам сформулировать представление о том, что же такое забота для современного русского человека.

Также в ходе проведения эксперимента мы смогли проанализировать и проследить тенденцию развития общества-языка. Таким образом, можно сделать вывод, что с развитием культуры народа, технологий, ценностей и общества в целом, развивается и изменяется понимание и осознание определенных значений слов. Так, например, произошло и с изменением значения слова *забота* (от беспокойной мысли о ком-либо до проявления любви), изменились и ассоциации с данным словом (от заботы «о государстве» и заботы «о народе» до заботы «о близких людях, семье»).

1. Волин Б.М., Ушаков Д.Н. Толковый словарь: Т. 1. М., 1935.
2. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка: в 4 т. СПб., 1863–1866.
3. Евгеньева А.П. Малый академический словарь / гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1957–1960.
4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М., 2006.
5. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М., 2002.
6. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2008.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений: 4-е изд., М., 1997.
8. Ростовская Т.К., Шимановская Я.В. Социальные роли мужчины в современном обществе. М., 2018.
9. Рытхэу Ю.С. Судьба человека. Магадан, 1955.

10. Сетевое издание ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/zabota-po-russki> (дата обращения: 14.12.2024).
11. Ульянов Ю.Е. Латвийско-русский ассоциативный словарь. Рига, 1988. С. 12.
12. Фромм Эрих. Искусство любить. М., 2012. URL: <https://www.rulit.me/books/iskusstvo-lyubit-read-6707-1.html> (дата обращения: 14.12.2024).
13. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. 3-е изд., испр. М., 2007.

Н.Н. Устинова, Н.Б. Бугакова
N.N. Ustinova, N.B. Bugakova

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ БИБЛИОНИМОВ ПИСАТЕЛЕЙ-НАТУРАЛИСТОВ

INDIVIDUAL-AUTHORIAL CHARACTERISTICS OF BIBLIONIMS OF NATURALIST WRITERS

Предлагаемое исследование посвящено выявлению индивидуально-авторских особенностей формирования библионимов писателями-натуралистами. Подобный интерес обусловлен, во-первых, ведущей ролью библионима в понимании произведения, обусловленной его предваряющей позицией; во-вторых, отсутствием в современной лингвистике работ, анализирующих библионимы художников слова, пишущих о природе, с точки зрения индивидуально-авторского своеобразия. Материалом исследования послужили художественные произведения писателей-натуралистов – М. Пришвина, В. Бианки, Е. Чарушина и Н. Сладкова. Такая последовательность анализа основана на хронологии творчества писателей. Авторы обращались схожим темам, поскольку объединяющим фактором их произведений выступает особое отношение к природе и желание транслировать его окружающим. Однако необходимо предположить наличие некоторых отличительных особенностей, которые могут быть выявлены при анализе названий произведений; это позволяет думать, что, несмотря на схожесть мировосприятия, в названиях находили отражение жизненные обстоятельства каждого автора. Именно в биографических данных кроются разгадки структурно-семантического разнообразия рассматриваемых библионимов. В ходе работы эта гипотеза была подтверждена, так как нами было выявлено, что выбор заглавия обусловлен особенностями биографии писателя, который творит в то или иное время и, соответственно, в том или ином социально-историческом контексте. Эти аспекты нельзя не учитывать при анализе творческого наследия писателей. Воспитание, социальная и культурная среда, испытания, выпавшие на долю автора, его мышление, выбор способа диалога с читателем играют важную роль при выборе заглавий произведений. Индивидуально-авторские особенности библионимов могут быть выражены как на синтаксическом, так и на семантическом уровне. Своеобразие библионимов писателей-натуралистов, представленных в статье, заключается в том, что рассматриваемые онимные единицы выстраивают интертекстуальные связи; семантика слова, выбранного автором, преобразуется и получает тенденцию к выходу за границы обычного языкового значения, а синтаксические конструкции используются в нетипичных ситуациях, что также способствует выражению авторской идеи.

Ключевые слова: библионим, индивидуально-авторское своеобразие, структура, семантика, писатели-натуралисты.

The proposed study is devoted to identifying individual-authorial features of the formation of biblionyms by children's naturalist writers. Such interest is due, firstly, to the leading role of the biblionym in understanding the work, conditioned by its preliminary position; secondly, to the absence in modern linguistics of works analyzing biblionyms of writers about nature from the point of view of individual-authorial originality. The material of the study was the fiction of children's naturalist writers M. Prishvin, V. Bianki, E. Charushin and N. Sladkov. This sequence of analysis is based on the chronology of the writers' work. The authors addressed similar topics in their work, since the unifying factor of their works is a special attitude to nature and the desire to convey it to others. However, it is necessary to assume the presence of some distinctive features that can be revealed when analyzing the titles of the works; This allows us to think that, despite the similarity of worldviews, the titles of the works reflected the life circumstances of each author. It is in the biographical data that the clues to the structural and semantic diversity of the biblionyms under consideration are hidden. In the course of the work, this hypothesis was confirmed, since we found that the choice of title is due to the peculiarities of the biography of the writer who creates at a particular time and, accordingly, in a particular socio-historical context. These aspects cannot be ignored when analyzing the creative heritage of writers. Upbringing, social and cultural environment, the trials that befell the author; his thinking, the choice of the method of dialogue with the reader play an important role in choosing the titles of works. Individual-authorial features of biblionyms can be expressed both at the syntactic and semantic levels. The originality of the biblionyms of children's naturalist writers presented in the article lies in the fact that the onymic units under consideration build intertextual connections; the semantics of the word chosen by the author is transformed and has a tendency to go beyond the boundaries of the usual linguistic meaning, and syntactic constructions are used in atypical situations, which also contributes to the expression of the author's idea.

Key words: *biblionim, individual authorial originality, structure, semantics, naturalistic children's writers.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-40-46

Библионимы, являясь важнейшей частью художественного произведения, представляют собой «знак-предварение текста, не только структурно-композиционное, но и содержательное, смысловое» [7, 18] и выполняют «информативную, текстообразующую, сюжетообразующую функции» [6, 124]. В этой связи предлагаемое исследование посвящено определению индивидуально-авторского своеобразия заглавий произведений о природе. Отметим, что изучение библионимов становилось предметом исследования ученых (см., например, [4; 6; 7; 9 и др.]; представители Воронежской ономастической школы, последовательно развивающие идеи ее основателя, Г.Ф. Ковалева [8], также посвящали свои работы исследованию названий произведений [3; 12; 13; 14]. Однако комплексные исследования, выявляющие индивидуально-авторское своеобразие библионимов писателей о природе, в современной лингвистике отсутствуют, что и обуславливает актуальность предлагаемого исследования.

Материалом исследования послужили заглавия произведений М. Пришвина, В. Бианки, Е. Чарушина и Н. Сладкова. Очевидно, что данные писатели в своем творчестве обращались к схожим темам, поскольку объединяющим фактором их произведений выступает особое отношение к природе и желание транслировать его окружающим. Однако предположим наличие некоторых отличительных особенностей, выявляемых при анализе названий произведений; это позволяет думать, что, несмотря на схожесть мировосприятия, в названиях произведений находили отражение жизненные обстоятельства каждого автора. Именно в биографических данных кроются разгадки структурно-семантического разнообразия рассматриваемых библионимов.

При попытке проанализировать структурно-семантическое своеобразие библионимов каждого из писателей становится очевидно, что подавляющее большинство рассматриваемых единиц представлено зоонимами, топонимами, персонифицированными названиями, связанными с природой, хронотопическими единицами в их структурно-семантическом разнообразии. При формировании библионима каждый автор стремится выбрать название, которое смогло бы привлечь максимальное внимание читателя. В этой связи встречаем, например, аллюзивные и парадоксальные названия, библионимы с эффектом комизма, названия-проекции, названия, обеспечивающие интертекстовую связь. Однако, несмотря на многочисленные сходства, можно отметить некоторые отличия в подборе библионимов, что обусловлено, полагаем, некоторыми особенностями картин мира авторов.

При анализе библионимов М. Пришвина необходимо учесть так называемый «богоисследовательский» период творчества писателя, пришедшийся на 1905–1917 годы. В это время существенное воздействие на его мировоззрение и творчество оказало членство в религиозно-философском обществе и знакомство с идеями В.В. Розанова, Д.С. Мережковского и А.А. Мейера, с которыми Пришвин вел полемический диалог по проблемам влияния религиозного сектантства на народ и государство, на интеллигенцию и социалистическое движение. Очевидно, этот аспект биографии писателя нашел отражение в его творчестве; в связи с этим одной из индивидуально-авторских особенностей творческой лаборатории писателя считаем:

1) *употребление лексем и словосочетаний мистической и религиозной направленности* (например, «Черный араб», «Адам и Ева», «Страшный суд»). Такие библионимы содержат подтекст, загадку, Пришвин прибегает к мистификации. Так, Черный араб оказывается обыкновенным «киргизом». Книга путевых очерков «Адам и Ева» отражает чрезвычайно интересовавшую Пришвина еще в начале XX века библейскую историю о первочеловеке и его единственной спутнице, их безмятежной жизни в Эдемском саду, о грехопадении и изгнании из рая, ставшую популярной в русской литературе 1920–1930-х годов и весьма оригинально интерпретированную в произведениях М. Горького, Е. Замятина, М. Булгакова и др. Рассказ «Страшный суд» – рассказ о войне, об отношении писателя к ней, а автобиографический роман «Кашеева цепь» явился результатом неудачных первых чувств, образ «Кашеевой цепи» выступает в романе символом вселенского зла, которое должен победить духовно преображенный герой, прошедший через горнило испытаний, через искушения и сомнения. Далее в качестве отличительных особенностей отметим:

2) *употребление так называемых названий-проекций, т.е. библионимов, указывающих на литературные жанры, либо библионимов, содержащих отсылку к известным произведениям.* («Рассказы о ленинградских детях», «Кавказские рассказы»; «Печальный черт, или ночь перед Рождеством», «Пиковая Дама», «Повесть нашего времени»). Такие библионимы направлены на формирование интертекстуальных связей, а также свидетельствуют об отсутствии прямолинейности, желании разбудить в читателе ассоциации, желание разгадать тайну.

3) *употребление тематических персонифицированных названий* («Сашок»). В творчестве писателя такие библионимы связаны с выражением отношения к природе, с заботой о животном и растительном мире.

4) *употребление библионимов, в составе которых есть названия обуви* («Башмаки», «Дедушкин валенок», «Синий лапоть»). В 1923 г. Пришвин публикует производственные очерки, в которых ставится проблема искусства и революции, о кустарных промыслах одного из Подмосковных районов; это находит отражение в выборе заглавий произведений.

5) *употребление зоо- и фитолексем* («Лимон», «Цветущие травы», «Медведи», «Беяк» и др.). Такие библионимы, как правило, представляют собой названия-приложения («Щегол-турлукан», «Зайцы-профессора») и названия-предложения («О чем шепчутся

раки», «Звери-кормильцы непуганых птиц и зверей»). Таким образом, нельзя не отметить автобиографичность библионимов Пришвина. Любовь к природе и размышления о жизни писатель транслирует в метафорических названиях. Такая тенденция оправдывается тем, что «главным источником радости становится природный мир, его ритмы, его звуки, ароматы – все, что может "встряхнуть", исцелить душевные и духовные недуги человека, вернуть его на единственно верный путь – единения со всем миром» [2, 22].

Обращаясь к рассмотрению библионимов В. Бианки, отметим, что писатель представлял природу как высшую реальность, противопоставленную «цивилизованной жизни». Подобно многим своим современникам, он мечтал сочетать познание мира в синтезе науки, искусства и мистицизма [15]. Эти факты не могли не отразиться на его творчестве.

Так, анализ библионимов произведений Бианки позволяет говорить о следующих индивидуально-авторских особенностях формирования заглавий:

1) **употребление лексем, вышедших из активного словоупотребления.** В качестве примера рассмотрим библионим «Одинец». Одно из значений лексемы *одинец*, в соответствии с данными словарей, – «бессемейный, одинокий, одиночка, бездомок или бобыль» [5, т. 2, 349]. Примечательно, что данная лексема имеет пометку *устар.* Таким образом, автор намеренно прибегает к употреблению лексемы, не используемой в период создания повести; лексема *одинец* более точно характеризует персонаж повести – одинокого лося, загнанного молодым человеком с целью впечатлить девушку. Произведение наталкивает на размышления о необходимости переосмысления людьми своих действий по отношению к природе и формирования почтительного, бережного обращения с ней. Лось Одинец, способный выживать в любых условиях, символизирует мощь природы и вызывает восхищение.

Библионим «Зинзивер в избе» также включает ограниченно употребляемую лексику *зинзивер*, которая фиксируется словарями с пометкой *региональная*. Образование лексемы объясняется созвучием с песней синицы. В рассказе описана синичка, случайно оказавшаяся в избе, где ей пришлось провести достаточное количество времени, целую неделю. Но храбрая птица не испугалась, выжила в условиях неволи, питалась мухами, тараканами, крошками и всем, что попадалось. Полагаем, употребление лексемы *зинзивер* обусловлено автобиографическими мотивами: отец писателя был известным профессором-орнитологом, работал в Зоологическом музее Академии наук в Петербурге. Бианки вспоминал позднее, что отец каждую «травку, каждую птицу и зверюшку называл мне по имени, отчеству и фамилии» [1, 3140]; это позволило в дальнейшем писателю узнавать птиц по их пению. О влиянии биографии писателя на его творчество упоминает С. Маршак: «этот молодой человек – страстный охотник, изучивший повадки и нравы лесных жителей. Интерес к ним привил ему с самого его детства отец, известный профессор-орнитолог» [10, 167]. Употребляя в качестве библионимов лексемы, вышедшие из активного словоупотребления, писатель хочет обратить внимание на то, что нужно быть человечнее по отношению друг к другу, как в древности, когда людям приходилось поддерживать друг друга и спланиваться перед лицом опасности.

2) **употребление фразеологических единиц (далее ФЕ).** Рассматривая библионимы, сформированные подобным образом, вспомним, что ФЕ способны трансформироваться. Выделяют следующие формы трансформации ФЕ: неаналитическая (семантическая, смысловая) и аналитическая. При семантической трансформации состав фразеологизма остается неизменным: в него либо вносятся новые оттенки смысла, либо возникает игра слов в результате совмещения прямых и переносных значений. Подобную трансформацию можно проследить в названиях художественных текстов Бианки. Так, например, библионим «Где раки зимуют», согласно вышеизложенной концепции, представляет из себя семантическую трансформацию. Исходное значение выражения содержит угрозу и не предвещает ничего хорошего. Возникновение ФЕ связывают с временами крепостного права, когда помещики уезжали на зиму в города, где начинался сезон балов и приемов, на которых

угощали невероятными блюдами, в том числе раками. Гурманы утверждали, что раки по-настоящему вкусны только в те месяцы, в названиях которых есть буква *р*, т.е. с сентября по апрель. Поскольку раки требовались зимой, приходилось лезть за ними в студеную воду. Найти их в норах было очень трудно. Употребление данной ФЕ указывает на возможные трудности при достижении результата.

«*Кому законы не писаны*» – название статьи из книги Бианки «Лесная газета», в которой рассказывается о том, что для некоторых лесных животных существует особый закон: зимой нужно стремиться выжить, спасаясь от холода и голода, а заботу о птенцах необходимо проявлять летом, когда тепло и много пищи. Рассматриваемый библионим сформирован писателем на основе пословицы *дуракам закон не писан*, что позволяет говорить о произведенной аналитической трансформации. В упомянутой статье автор говорит о тех, для кого этот закон не писан: например, парочка клестов-еловиков даже зимой может вывести птенцов, так как не боится холода и голода. На основе аналитической трансформации образован также библионим «*Кому смех, кому слезы*» (в тексте содержится загадка о березе, напоминающая о том, что сбор березового сока, который так любят люди, причиняет боль дереву, заставляя его плакать).

Отметим, что использованные в качестве библионимов ФЕ в творчестве Бианки не всегда претерпевают трансформацию. Автор использует в качестве названий своих произведений, например, ФЕ «*Мал, да удал*», «*Один за всех, все за одного*», «*Шиворот – навыворот*» без изменений.

3) употребление звукоподражаний. Такие библионимы возникают в результате фонетического уподобления неречевым звукокомплексам. Так, библионим «*О, Аулей, Аулей, Аулей!*», напоминающий обращение, на самом деле представляет собой крик птички-морянки; библионим «*Уммб!*» – это звук, который издают тюлени, выныривая из моря на сушу.

Таким образом, говоря об индивидуально-авторском своеобразии библионимов Бианки, можем заключить, что подобные употребления обусловлены особенностями биографии писателя, который с детства был погружен в атмосферу постоянного взаимодействия с природой.

Е. Чарушин известен тем, что свой писательский талант совмещал со способностями скульптора, изобретателя, поэта, музыканта, иллюстратора-анималиста. Возможно, это одна из причин широкой популярности его произведений среди людей разных возрастных категорий. Однако он считается художником, который писал прежде всего для детской аудитории. Автора привлекали книги, в которых описывается, как живут животные. В этой связи чаще всего писатель вспоминал книгу А.Э. Брема «Жизнь животных»: «Я читал его запоем, – вспоминал Чарушин, – и никакие "Нат Пинкертоны" и "Ник Картеры" не могли сравниться с Бремом» [16, 290].

Анализ творчества Чарушина позволяет говорить о следующих индивидуально-авторских особенностях формирования библионимов:

1) употребление персонифицированных названий («Никитка и его друзья», «Яша», «Томка»);

2) употребление словосочетаний. Здесь можно говорить о библионимах, представляющих собой подчинительное словосочетание, образованное по типу связи согласование. В состав таких словосочетаний входят определения, характеризующие персонаж («Удивительный почтальон», «Военная собака», «Хитрая мама», «Глупые обезьянки»).

3) употребление приложений («Никита-охотник», «Медведь-рыбак», «Кабан-секач»);

4) употребление притяжательных форм («Томкины сны», «Заюшкина избушка», «Птичье озеро»);

5) употребление вопросительных предложений («Что за зверь?»);

б) употребление сложноподчиненных конструкций («Сказка, которую Никита сам рассказал») и **императивных предложений** («Вот так птица попугай!», «С днем рождения!»).

Расширение конструкций и разновидностей названий текстов позднего периода позволяет сделать вывод о трансформации и углублении в темы и проблемы, которые затрагивает Чарушин в своих рассказах. Если ранние произведения автора, судя по названиям, сфокусированы прежде на животных, наделенных человеком именами, то поздние меняются, становятся разнообразнее и ярче за счет конструкций и используемых приемов, близостью к фольклору и сказовой манере. Автор старался подчеркнуть, что мир природы неотделим от мира человека, учил этому детей. Именно в желании донести мысль о единстве человека и природы кроется секрет успеха автора среди людей разного возраста.

Далее обратимся к рассмотрению библионимов Н. Сладкова, которого Бианки считал своим наследником, поскольку «родственными были не только души, но и творческие установки: рассказывать о природе в образах художественной литературы» [11, 374]. Продолжая традиции Бианки, Сладков избрал своей литературной формой сказки-несказки. Однако отметим, что его произведения отличаются более динамичным сюжетом, более живым изображением картин природы.

Отличительными особенностями ономастической лаборатории писателя являются следующие:

1) употребление зоо- и орнитолексем. Как правило, объединяются в словосочетание, организованное по принципу сочинительной связи («Белка и Медведь», «Зяц и белка»; «Воробей и синица», «Дрозд и Сова»). Примечательно, что в некоторых случаях написание таких лексем осуществлено с заглавной буквы. Это позволяет предполагать, что автор использует зоо- и орнитолексемы в роли зоонимов и орнитонимов соответственно;

2) употребление библионимов, в состав которых входят имена числительные («Третий», «Пять тетеревей», «Ответ на шестой вопрос»). Такие библионимы представляются нам глубоко символичными: в данном случае имя числительное, введенное в состав библионима, представляет собой основу сюжета, помогает формировать портрет персонажа, способствуя отражению его характера;

3) употребление в качестве библионимов сложных слов («Ягодознание», «Фотозагадки»).

Такие библионимы, представляя собой сращенные емкие лексемы, являются поливалентными языковыми единицами, которые, продуктивно синтезируясь, служат раскрытию ключевых тем и образов;

4) употребление подчинительных словосочетаний, организованных по типу связи согласование («Медовый дождь», «Страшный невидимка»). По нашим наблюдениям, это самая обширная группа библионимов (нами зафиксировано около 100 наименований такого рода). Такие библионимы содержат образное определение предмета, т.е. являются эпитетами; таким образом автор стремится привлечь внимание читателя и продемонстрировать восторг, который вызывают у него описываемые реалии;

5) употребление в составе библионима императивных форм («Загляните на огонек!», «Уймите доброжелателей!»). Полагаем, такие формы свидетельствуют о желании мотивировать читателя на определенные поступки; кроме того, предположим, что так автор проявляет протест против вынужденного молчания и наложенного однажды запрета на издания произведений, которое вызывало душевные страдания;

б) употребление восклицательных и вопросительных предложений («Отчего у лисы длинный хвост?», «О чем пела сорока?», «Петь так петь!», «Некогда!», «На дачу!»). Такие единицы свидетельствуют о том, что писатель адресует свои произведения любознательной детской аудитории. Вопрос, сформулированный в заглавии произведения, сподвигнет к поиску ответа в тексте и откроет мир природы, создаваемый очарованным ей писателем. Кроме того, такие библионимы служат подтверждением выраженной

эмоциональности писателя в общении с читателями. Библионимы, используемые Сладковым, позволяют сделать вывод о том, что он бережно относился к окружающему миру, природе, старался пробудить в читателе любого возраста чувствительность. Используемые автором способы именования произведений призваны более ярко продемонстрировать его связь с природой. Весь комплекс библионимов произведений Сладкова, их семантическое и структурное своеобразие направлены на то, чтобы отразить концепцию его творчества – служение природе, забота о ней.

Завершая процесс описания выявленных индивидуально-авторских особенностей библионимов писателей-натуралистов, отметим, что выбор заглавия – важнейшего элемента художественного текста, кодирующего, как правило, его идею – всегда обусловлен особенностями биографии писателя, который творит в то или иное время и, соответственно, в том или ином социально-историческом контексте. Эти аспекты нельзя не учитывать при анализе творческого наследия писателей. Воспитание, социальная и культурная среда, испытания, выпавшие на долю автора, его мышление, выбор способа диалога с читателем играют важную роль при выборе заглавий произведений. Индивидуально-авторские особенности библионимов могут быть выражены как на синтаксическом, так и на семантическом уровне. Своеобразие библионимов писателей-натуралистов, представленных в статье, заключается в том, что рассматриваемые онимные единицы выстраивают интертекстуальные связи; семантика слова, выбранного автором, преобразуется и получает тенденцию к выходу за границы обычного языкового значения, а синтаксические конструкции используются в нетипичных ситуациях, что также способствует выражению авторской идеи.

1. Бианки В.В. Писатель Виталий Бианки как орнитолог // Русский орнитологический журнал. 2022. Т. 31, Экспресс-выпуск 2208. С. 3140–3145.
2. Борисова Н.В. Михаил Пришвин: «Вестник радости» // *Philologos*. 2015. № 26(3). С. 22–26.
3. Бугакова Н.Б. Специфика ономастики А. Платонова. Воронеж, 2023.
4. Вахтель Н.М. Структура и функции чеховских заголовков // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Международный сборник научных трудов. Вып. 31. Воронеж, 2012. С. 16–20.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. 4 т. Т. 2.
6. Дачинский В.В. Функциональная и смыслообразующая роль библионимов *intra* в повести «Педагогическая поэма второго порядка» Е.Ю. Лукина // Сибирский филологический форум, 2024. № 4. Т. 28. С. 112–124.
7. Климкова Л.А. Библионимы в лирике С. Есенина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 3(38), 2020. С. 17–26.
8. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика; Воронежский государственный университет, Кафедра славянской филологии. Воронеж, 2014.
9. Костина К.В., Климкова Л.А. Библионимы в творчестве В.П. Крапивина: семантика, типология // Молодой ученый. 2015. № 22. Т. 1. С. 187–191.
10. Маршак С. Дом, увенчанный глобусом // Новый мир. № 9, сентябрь 1968 г. С. 157–181.
11. Путилова Е.О., Денисова А.В., Днепров И.Л. Детская литература: учеб. для студентов сред. проф. учеб. заведений. СПб., 2008.
12. Скуридина С.А., Карташова Е.Н. Библионимы в творчестве В.М. Шукшина // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 2(53). С. 271–279.
13. Сухова К.И. Семантический потенциал библионимов в творчестве В.А. Солоухина // Имя в пространстве культуры: коллективная монография к 80-летию профессора Г.Ф. Ковалева; под общей редакцией С.А. Скуридиной и С.А. Попова. Воронеж, 2023. С. 306–311.
14. Устинова Н.Н. Аспекты изучения библионимов // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 4. С. 60–63.
15. Федяева Т.А., Бианки В.В. Виталий Бианки. М., 2021.
16. Чарушин Е. Моя работа // Художники детской книги о себе и своем искусстве. М., 1987. С. 290–292.

Г.Н. Абреимова, В.А. Бурцев
G.N. Abreimova, V.A. Burtsev

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОРНИТОЛОГИЧЕСКИХ
 ЗВУКООПИСЫВАЮЩИХ ГЛАГОЛОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ
 СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И ДНЕВНИКАХ
 М.М. ПРИШВИНА²**

**WORD-FORMATION STRUCTURE OF ORNITHOLOGICAL SOUND-
 DESCRIBING VERBS AND VERBAL NOUNS IN THE WORKS AND
 DIARIES OF M.M. PRISHVINA**

Статья посвящена изучению словообразовательных возможностей звукоописательных глаголов в произведениях М. Пришвина, что позволяет глубже понять механизмы формирования звуковых образов в художественном тексте. Авторы проводят детальный анализ звукоописательных глаголов и отглагольных существительных, которые играют ключевую роль в создании выразительной и эмоциональной атмосферы его произведений. Основное внимание уделяется деривационным процессам, обуславливающим создание новых слов. Выявляются продуктивные аффиксы, модели словообразования и способы формирования словообразовательных цепочек, что позволяет классифицировать глаголы по временным характеристикам звуковых сигналов птиц. Выделяются пять категорий глаголов: описывающие короткие, продолжительные, прерывистые звуковые сигналы, начальную и конечную фазы звучания. Для каждой категории приводятся примеры лексем, детализирующие их морфологические особенности, функциональное значение и влияние на стилистическое оформление текста. Важной частью исследования становится анализ отглагольных существительных, которые усиливают выразительность текста, сохраняя ключевые семантические характеристики исходных глаголов. Особое внимание уделяется индивидуально-авторским приемам М. Пришвина, который активно использует глаголы и существительные в непривычных значениях для описания звуков, издаваемых птицами. Кроме того, исследуются механизмы полисемии звукоописательных глаголов, их способность адаптироваться к различным контекстам и отражать эмоциональное состояние птиц. Анализ не только показывает, что звукоописательные глаголы в произведениях М. Пришвина обладают высокой степенью семантической гибкости, позволяя им адаптироваться в различных ситуациях и стилистически обогащать тексты, но и подтверждает значимость лексико-словообразовательного анализа для изучения механизмов формирования художественных образов в текстах М. Пришвина, а также подчеркивает роль звуковой палитры в создании определенной атмосферы его произведений. Звукоподражательные лексемы

² Авторы выражают благодарность ректорату Елецкого госуниверситета им. И.А. Бунина за оказание финансовой поддержки в научном исследовании.

становятся мощным инструментом художественной выразительности, которые позволяют М. Пришвину превращать звук в средство создания различных образов, способных не только оживлять текст, но и формировать уникальный лексико-семантический код, отражающий глубинную связь языка и природы.

Ключевые слова: глагол, существительное, орнитоним, звукоописывающая лексема, словообразовательный анализ.

The article is devoted to the study of the word-formation possibilities of sound-descriptive verbs in the works of M. Prishvin, which allows a deeper understanding of the mechanisms of the formation of sound images in the artistic text. The authors carry out a detailed analysis of sound-descriptive verbs and verbal nouns, which play a key role in creating an expressive and emotional atmosphere of his works. The main attention is paid to the derivational processes that condition the creation of new words. Productive affixes, word formation patterns and ways of forming word chains are identified, which allows classifying verbs according to the temporal characteristics of bird sounds. Five categories of verbs are distinguished: describing short, long, intermittent sound signals, initial and final phases of sounding. For each category, examples of lexemes are given, detailing their morphological features, functional meaning and influence on the stylistic design of the text. An important part of the study is the analysis of verbal nouns, which enhance the expressiveness of the text by preserving the key semantic characteristics of the original verbs. Special attention is paid to M. Prishvin's individual authorial techniques, who actively uses verbs and nouns in unusual meanings to describe the sounds made by birds. In addition, the mechanisms of polysemy of sound-descriptive verbs, their ability to adapt to different contexts and reflect the emotional state of birds are investigated. The analysis not only shows that sound-descriptive verbs in M. Prishvin's works have a high degree of semantic flexibility, allowing them to adapt in different situations and stylistically enrich the texts, but also confirms the significance of lexical and word-formation analysis for studying the mechanisms of formation of artistic images in M. Prishvin's texts, and also emphasises the role of the sound palette in creating a certain atmosphere of his works. Sound-subjective lexemes become a powerful tool of artistic expression, which allow M. Prishvin to turn sound into a means of creating various images that can not only enliven the text, but also form a unique lexical-semantic code, reflecting the deep connection between language and nature.

Key words: verb, noun, ornithonym, sound-describing lexeme, word-formation analysis.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-47-54

Изучение словообразовательных возможностей звукоописывающих глаголов в русском языке было подробно рассмотрено в ряде научных публикаций. Исследование Р.Г. Карунца [6] охватывает всесторонний анализ звукоописывающих глаголов от классификации основных групп бесприставочных глаголов звучания и их семантической структуры до механизмов формирования приставочных глаголов звучания, их префиксальной дистрибуции и полисемантизации. Автор углубляется в изучение деривационных процессов, обуславливающих появление новых производных форм, определяет продуктивность различных аффиксов и разрабатывает соответствующие модели словообразования. В работе Е.Л. Голубевой [3] основное внимание уделяется различным способам словообразования и звукоподражания, освещая тему полисемии и контекстуальной изменчивости семантики глаголов звучания. И.В. Ивлиева [5] исследует

механизмы и особенности вариативности смысла глаголов, связанных со звуковым восприятием, подробно описывает словообразовательные и контекстные факторы, которые определяют полисемию и адаптивные свойства глаголов звучания. Особое внимание в работе Н.П. Сидоровой [8] уделяется вопросам взаимодействия глаголов звучания с контрастными и смежными группами глаголов, что позволяет выявить общие и специфические черты их функционирования в системе русского глагола.

Исследование словообразовательной структуры звукоописывающих глаголов и отглагольных существительных в текстах М. Пришвина требует внимания к двум основным аспектам: методам создания новых слов и их функциональному значению в тексте. Для проведения глубокого анализа, направленного на изучение взаимосвязей между стилистическими функциями слов и их морфологическими характеристиками, можно обратиться к работам В.Н. Виноградовой [2] и Е.А. Земской [4]. В этих исследованиях освещаются ключевые аспекты данной проблематики, предлагая обоснованный научный взгляд на механизмы взаимодействия стилистических и морфологических компонентов в структуре слова. В.Н. Виноградова анализирует влияние различных словообразовательных моделей на стилистические параметры текста, обогащая выразительные возможности языка, а Е.А. Земская рассматривает различные аспекты создания новых слов, обращая особое внимание на причины, механизмы и функции словообразовательной деятельности. Применение методов деривационного анализа представляет ключевую важность для изучения механизмов словообразования, в то время как контекстуальный анализ необходим для исследования способов приобретения словами определенных значений и изучения их функционального применения в тексте. Современные исследования в области звукоописания выделяют важность словообразовательного анализа для полного понимания механизмов образования новых значений у лексем. Основной целью нашего исследования является выявление механизмов словообразования, построение словообразовательных цепочек и классификация звукоописывающих слов в зависимости от временных характеристик звуковых сигналов птиц. Этот подход позволяет раскрыть многообразие словообразовательных возможностей исходного глагола и определить иерархическую зависимость между производными и производящими словами. Для достижения поставленной цели мы проанализировали литературные тексты Пришвина, охватывающие период с 1905 по 1954 гг., включая рассказы, повести, романы и очерки, а также дневниковые записи писателя, представленные на сайте Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина [9]. Опираясь на данные «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой [7], авторы выделили 255 видов птиц, которые затем были введены в поисковую строку бесплатного программного обеспечения *AntConc*, предназначенного для корпусного анализа текстов [1]. Для формирования конкорданса сочетаемости орнитонимов поисковый запрос выглядел следующим образом: *бекас**, *глухар**, *грач** и др. В некоторых случаях для обеспечения полноты поиска использовались обе возможные формы слов, чтобы избежать пропуска интересных словосочетаний. Например, вводились такие вариации лексем, как *орел** или *орл**, *скворец** или *скворц** и т.д. Таким образом, из текстов Пришвина было выделено 75 орнитонимов, которые сочетались с 83 бесприставочными звукоописывающими глаголами и 28 отглагольными существительными. Выделенные глаголы стали отправной точкой для построения словообразовательных цепочек, исследования структуры иерархических зависимостей, а также выявления продуктивных аффиксов в производных формах. Полученные результаты позволили выделить пять категорий, опираясь на временные характеристики звуковых сигналов птиц, которые включают в себя:

- 1) *глаголы, описывающие короткие звуковые сигналы* (25 лексем). Эта группа выделяет краткость и отрывистость звучания, позволяя читателю представить звук в данном моменте.

2) глаголы, характеризующие продолжительные звуковые сигналы (15 лексем). Здесь подразумевается длительность и устойчивость звучания, создавая впечатление продолжительности и стабильности.

3) глаголы, отражающие прерывистые звуковые сигналы (6 лексем). Эта категория фокусируется на прерывистости и разрывах в звучании, создавая особый ритм и динамику.

4) глаголы, описывающие начальную фазу звукового сигнала (36 лексем). Здесь уделяется внимание моменту начала звучания, подчеркивая его важность.

5) глаголы, относящиеся к конечной фазе звукового сигнала (1 лексема). Эта категория фиксирует момент завершения звучания.

Глаголы, относящиеся к первой группе, демонстрируют выраженные морфологические особенности, являющиеся ключевыми для их классификации. Отражая кратковременные звуковые сигналы, такие глаголы представляют собой интерес для морфологического и семантического анализа в рамках современной филологической науки. Особенность этих глаголов заключается в их способности выражать мимолетность и интенсивность действия, что находит отражение как в морфологической структуре, так и в семантическом содержании.

Как правило, такие глаголы имеют совершенный вид, который влияет на семантику кратковременности и завершенности звукового действия. Такая морфологическая характеристика отражает способность глагола передавать мгновенное звуковое событие, четко выделяя его в контексте речи. Например, наличие аффикса *-ну-* подчеркивает моментальный характер звукоописывающего глагола, повышая его морфологическую выразительность, что способствует формированию значения внезапности и неожиданности происшествия: *гулькнуть* (о горлинке), *пискнуть* (о синице), *мавакнуть* (о перепеле). Следует обратить внимание на индивидуально подобранный глагол *мавакнуть*, который позволяет Пришвину точно изобразить реакцию птицы на малейшую опасность мгновенным движением или звуком. Четко подобранная лексема обладает уникальной структурой и значением, вносящими особый вклад в создание атмосферы произведения, помогает усилить внимание читателя к деталям поведения птицы, акцентируя внимание на ее осторожности и внутренней тревожности: «Зарю пропели соловьи, уснули. «А вот один ... – Это так спросонья...» Перепел мавакнул» (ЭБП, Любовь, с. 26). В приведенном контексте лексема *мавакнуть* вносит в восприятие образа перепела элементы внезапности и испуга, создает образ мгновенного, но тихого звука. В семантическом аспекте глаголы, выражающие кратковременные звуковые сигналы, могут включать в себя элементы эмоциональной насыщенности, которые не только обозначают акт издавания звука, но и несут коннотации громкости и мощности воздействия – *грохнуть* (о глухаре), *грянуть* (о петухе). Еще одной особенностью глаголов первой группы является наличие префикса *про-*, который добавляет им значения пространственной или временной завершенности, интенсивности действия, а также может указывать на результативность или окончательность совершаемого действия. В контексте глаголов, описывающих звуки птиц, этот префикс играет роль усилителя эмоциональной экспрессии, добавляя дополнительный слой интенсивности и динамизма: *пропеть* (о горлинке, дрозде, курице, соловье, сплюшке), *просвистывать* (о кроншнепе, кулике, соловье, утке), *пропищать* (о гайке, дрозде, кулике, ястребе), *прокричать* (о бекасе, журавле, петухе), *протоковать* (о бекасе, глухаре, тетереве), *простонать* (о желне, кроншнепе, соловье), *прогомонить* (о граче, журавле), *прошуметь* (о граче, ястребе), *протрубить* (о голубе, журавле), *прогоготать* (о гугаче, гусе), *прохохотать* (о гагаре, куропатке), *пробарабанить* (о дятле, желне), *прокричать* (о бекасе), *пробубнить* (о голубе), *прокуковать* (о кукушке), *проскрипеть* (о глухаре), *прокуковать* (о кукушке), *пробубнить* (о голубе), *пробарашкать*, *проблестать* (о бекасе). Для описания голоса бекаса М. Пришвин использует оригинальный глагол *пробарашкать*, который отражает особый тип акустического сигнала, характеризующийся резкими и относительно короткими звуковыми всплесками, создавая в воображении читателя

динамичный и эмоционально насыщенный образ: «Началось! Началось! Бекас пробарашкал» (ЭБП, Дневники. 1921, с. 165).

Глаголы второй группы, характеризующиеся несовершенным видом, обозначают длительные и непрерывные звуки, которые издают различные виды птиц в текстах писателя. Эти глаголы описывают продолжительные звуковые действия, создавая образ звукового потока, который не имеет четкого начала и конца, а скорее является постоянным и непрерывным. Основной морфологической особенностью глаголов данной группы является наличие суффиксов *-а-* и *-е-*, которые придают лексемам плавность и непрерывность, тем самым поддерживая семантику продолжительности и последовательности, создавая впечатление протекающего во времени звукового потока: *зукать* (о филине-гугаче), *звенеть* (о синице), *каркать* (о вóроне), *клекотать* (об орле), *кокотать* (о фазане), *кричать*, *крякать* (об утке), *пикать* (об овсянке), *рокотать* (о коршуне), *стрекотать* (о сороке), *стучать*, *тукать* (о дятле), *хоркать* (о вальдине). М. Пришвин нередко использует языковые средства, которые вносят уникальность и насыщенность в текст. Так, глаголы *цукать* (о выти) и *чвякать* (о селезне) представлены писателем в несвойственном им значении, выходящем за рамки общепринятого понимания. Обычно лексема *цукать* применяется для описания сильного и резкого действия наездника, чтобы контролировать и корректировать поведение лошади. Писатель намеренно употребляет глагол *цукать* для описания голоса выти, указывая на резкость и внезапность действия птицы, подчеркивая ее способность быстро и неожиданно реагировать на окружающую среду.

Глаголы третьей группы имеют преимущественно несовершенный вид и используются для выражения непостоянных звуковых сигналов, периодически повторяющихся во времени или недолгое. Характерной для них словообразовательной моделью является префикс *по-* и суффикс *-ыва-* или *-ива-*, такая конструкция добавляет глаголам смысловое значение эпизодичности: *посвистывать* (о гусе, дрозде, свиязи, утке, чибисе), *похрапывать* (о вальдине, глухаре, скворце), *пощелкивать* (о глухаре). В эту же группу мы отнесли звукоописующие глаголы, где на прерывистость действия указывают префиксы *пере-*, *под-*. Эти лексемы акцентируют внимание на особом, периодически происходящем или кратковременном характере издаваемых звуков: *перекликаться* (о галке, журавле, иволге, кобчике), *пересвистываться* (о рябчике) – описание звуковой активности между птицами, когда одна птица отвечает другой, создавая диалог или обмен звуковыми сигналами; *подшваркивать* (о селезне) – индивидуально-авторское описание более тихой, негромкой вокализации, используемой писателем для демонстрации присутствия: «в корзине сидит ... селезень и тихонечко ей [утке] подшваркивает» (ЭБП, Неодетая весна, с. 336).

Глаголы четвертой группы обозначают звуки птиц, характеризующиеся только начальным периодом протекания без возможности точного установления продолжительности, что вносит дополнительный оттенок в описания звуковых действий, которые указывают не только долготу голоса, но и его активное, усиленное звучание. Эти глаголы акцентируют внимание на спонтанности и внезапности их возникновения, что является ключевым для понимания эмоциональной окраски и функционального назначения данных лексем в тексте писателя: *закричать* (о вóроне, вороне, граче, гусе, желне, журавле, петухе, сове, утке, фазане), *запеть/запевать* (о глухаре, дрозде, жаворонке, зяблике, иволге, овсянке, синице, скворце, соловье), *затоковать* (о косаче, глухаре, петухе, тетереве), *затрещать* (о воробье, дрозде, рябиннике, сороке), *забормотать* (о петухе, косаче, тетереве), *загапеть/загомонить* (о гусе, журавле, граче), *заквохтать* (о курице, куропатке, тетерке), *запищать* (о рябчике, сплюшке, тетереве), *засвистеть* (о иволге, соловье, чиже), *забарабанивать* (о дятле, желне), *загурковать* (о голубе, горлинке), *закудахтать* (о глухарке, курице), *заливаться* (о подкрапивнике, соловье), *затрубить* (о голубе, журавле), *заухать* (о выти, сове), *захохотать* (о гагаре, куропатке), *зачуфыкать* (о косаче, тетереве), *зашваркать* (о гусе, селезне), *зашипеть* (об орле, тетереве), *зашуметь* (о граче, ястребе), *зableять* (о бекасе), *заворковать* (о горлинке), *закуковать* (о кукушке), *заорать* (о петухе), *застрекотать* (о сороке), (о журавле), *зачирикать* (о воробье),

зачокать (о соловье). Перечисленные выше глаголы содержат префикс *за-* и имеют совершенный вид, указывая на нарастание интенсивности звучания, подчеркивая непрерывность и явную неопределенность в продолжительности звука, что в свою очередь отражает естественное звучание птиц в природной среде. Этот аспект важен для создания динамичного и живого образа птицы в коммуникативном процессе. В текстах М. Пришвина можно встретить индивидуально-авторские звукоописывающие глаголы, передающие специфическое звучание, которым обладает определенный вид птицы, помогая читателю не просто услышать, но и почувствовать особенности их голоса: **защворкать** (о гусе, о селезне), **запулкать** (о желне), **зачекокать** (о сороке), **затурукать** (о журавле). В данную группу мы также включили звукоописывающие глаголы с приставкой *рас-/раз-*: **распевать** (о дрозде, яблিকে, синице, скворце), **рассыпаться, раскатываться** (о яблিকে), **разухаться** (о сове), **разливаться** (о соловье, подкрапивнике), которые, помимо указания на начало звукового действия, учитывают его продолжительность. Использование такой формы глаголов подчеркивает момент начала действия, что усиливает восприятие звука как чего-то мгновенного и впечатляющего, а также как явление, которое нельзя контролировать или предугадать по длительности. Перечисленные звукоописывающие глаголы вносят в речевое использование не только описание звука птицы, но и часто несут дополнительную информацию о контексте и обстановке, в которой этот звук происходит.

Глаголы, относящиеся к конечной фазе звукового сигнала, играют ключевую роль в языковом оформлении восприятия звуковой окончательности. Они фиксируют момент завершения акустической активности, что позволяет не только вербализовать данный аспект звучания, но и включить его в семантику текста, организуя тем самым семантическое поле вокруг идей окончания и прекращения. Нами был выделен один такой глагол – **оттоковать** (о тетереве, бекасе, косаче), который вербализует специфическую манеру завершения звучания, связанную с биологическими и поведенческими особенностями данных видов птиц.

В текстах Пришвина активно используются отглагольные существительные, образованные безаффиксным способом от соответствующих глаголов (13 лексем), в семантике которых заложен характер действия, что делает их использование особенно выразительным в литературном контексте: **визг** <= **визжать** (о стриже), **писк** <= **пищать** (о водяной курочке, дятле, кулике, синице, овсянке), **щебет** <= **щебетать** (о ласточке), **клекот** <= **клекотать** (об орле), **ропот** <= **ропотать** (о соловье), **свист** <= **свистеть** (о вальдине, гусе, журавле, индейке, кроншне, кулике, рябчике, свисте, скворце, соловье, утке, чирке), **ток** <= **токовать** (о бекасе, вороне, воробье, глухаре, дупеле, кроншне, петухе, тетереве, филине), **храп** <= **храпеть** (о вальдине, глухаре), **хрип** <= **хрипеть** (о вальдине, журавле, скворце), **треск** <= **трещать** (о дрозде), **стук** <= **стучать** (о дятле). Научное значение таких существительных заключается в их способности выражать определенные действия или состояния, что демонстрирует глубину связи между языком и культурно-биологическим контекстом. Например, лексемы **стон** <= **стонать** (о желне, соловье), **хохот** <= **хохотать** (о куропатке, филине, чайке) воспроизводят не просто звук, но и передают эмоциональное состояние птиц, что в свою очередь усиливает эмоциональное воздействие на читателя. Использование таких слов позволяет писателю создать особую ритмическую и звуковую структуру текста, при этом сохраняя яркость и динамичность повествования. Через эти слова читатель не только «слышит» звуки, но и «видит» картину мироощущения, которую автор стремится передать.

Производные имена существительные, образованные от звукоописывающих глаголов, приобретают значение действия или лица, осуществляющего указанное действие. Одним из распространенных словообразовательных элементов, подчеркивающих процессуальный аспект действия, являются суффиксы существительных *-ни/-нь* (15 лексем), основа которых имеет звукоподражательное происхождение: **воркование**, **уркование** (о голубе, горлинке), **выкликивание** (о журавле), **кукование** (о кукушке), **подхрапывание** (о вальдине), **покрывание** (об утке), **посвистывание** (о свисте), **токование** (о бекасе, петухе, тетереве);

гульканье (о вальдине, голубе, дупеле, сове, фазане), капанье, щелканье (о глухаре), курлыканье, турлыканье (о журавле), пиканье (о чибице), шварканье (о селезне). Суффиксы *-ни/-нь* придают существительным абстрактный характер, указывая не на единичное, а повторяющееся, продолжительное действие. Наличие в структуре существительного суффикса *-отн-* не только способствует формированию лексемы, которая описывает активность или состояние, характеризующееся наличием определенного звука, но и усиливает восприятие чего-то продолжительного и интенсивного, что повышает эмоциональную окрашенность перцепции данного звука: например, *трескотня* (о дрозде). Таким образом, суффикс не только формирует слово, но и акцентирует внимание на длительности и насыщенности звучания. Каждая из представленных лексем сочетает в себе элемент звукоподражания и семантику, отражающую характерное звучание или действие: например, *покрывание* (об утке) подразумевает неглубокий, короткий звук; *трескотня* (о дрозде) имеет в своей основе короткий, резкий, часто повторяющийся звук, который ассоциируется с треском; *щелканье* (о глухаре) включает элемент, имитирующий четкий, короткий звук. Звукоподражательные корни служат ключевым элементом в передаче уникальных акустических характеристик звуков, которые издают птицы. Суффиксы и приставки углубляют значение, позволяя не только фиксировать сам звук, но и отражать его поведенческие, эмоциональные и ситуативные аспекты. Языковое оформление звукоподражаний подчеркивает взаимодействие естественной и языковой среды, воплощая звуки природы в словесную форму.

Таким образом, в проанализированных текстах Пришвина звукоописывающие глаголы формируют основу для словообразовательной системы, в которой ярко выражены характеристики времени и динамики звуковых явлений. Глаголы, описывающие звуки птиц, в произведениях и дневниковых записях писателя обладают высокой степенью семантической гибкости, позволяя им адаптироваться в различных контекстах и ситуациях. Они не только помогают читателю лучше воспринимать и чувствовать природу, но и вносят значительный вклад в стилистическое оформление текста. Использование писателем продуктивных аффиксов и префиксов добавляет глаголам выразительности и точности в передаче особенностей птичьих звуков, делая их важным инструментом в художественной палитре Пришвина. Писатель активно использует метод безаффиксного образования отглагольных существительных, основанный на сохранении основной семантической характеристики действия, присущей исходному глаголу. Этот подход позволяет формировать лексемы, насыщенные конкретными смысловыми оттенками, связанными с различными аспектами животного мира и их звуковыми проявлениями. Применение суффиксов *-ни/-нь* и *-отн-* является частым приемом для создания слов, которые указывают либо на сам процесс действия, либо на субъекта, выполняющего действие, что обогащает тексты динамичностью и экспрессивностью. Преобладание глаголов, описывающих начальную фазу звукового сигнала, подчеркивает особое внимание автора к моменту возникновения звука, направленного на вовлечение читателя в текст с самых первых строк и создание ощущения непосредственного присутствия в описываемой сцене. Частое использование глаголов, описывающих короткие и продолжительные звуки, указывает на разнообразие звуковых текстур в произведениях Пришвина, что способствует созданию определенной атмосферы и характеристике действий. Глаголы, связанные с конечной фазой звукового сигнала, являются менее значимыми для писателя, что подтверждается одной найденной лексемой. В целом, анализ звукоописывающих глаголов и отглагольных существительных в текстах М.М. Пришвина демонстрирует его уникальный стиль, обогащенный детальными и многообразными средствами языковой выразительности, что делает его произведения особенно живыми и эмоционально насыщенными. Использование индивидуально-авторских глаголов и звукоописывающих лексем в несвойственных им значениях не только обогащают языковую палитру произведений и дневниковых записей писателя, но и способствуют созданию многоуровневых и многогранных образов птиц. Проведенный анализ показывает, как разнообразные словообразовательные приемы Пришвина

способствуют формированию богатого и многоаспектного изображения природы, в котором звуковые характеристики фауны становятся важным средством художественной интерпретации. Это подчеркивает умение автора использовать язык не только как средство описания, но и как инструмент создания глубоко индивидуализированной, живой и чувственной картины мира.

1. *AntConc* – Программа составления конкордансов по некоторому корпусу текстов: версия *AntConc 3.5.9*. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения: 10.12.2024).
2. Виноградова В.Н. Стилистика и словообразование // *РЯШ*. 1986. № 5. С. 77–83.
3. Голубева Е.Л. О семантических особенностях глаголов звучания // *Вопросы теории и истории русского языка // Сборник научных трудов. Ташкентский гос. университет*. Вып. 299. Ташкент, 1967. С. 15–21.
4. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 2005.
5. Ивлиева И.В. Семантико-модификационные возможности глаголов звучания в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.
6. Карунц Р.Г. Семантическая структура глаголов звучания в современном русском языке.: дисс. ... канд. филол. наук. М. 1975.
7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т.1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос) / под общ. ред. Н.Ю Шведовой. М., 2002.
8. Сидорова Н.П. Системная организация лексико-семантических групп глаголов звучания и их взаимосвязи с другими глагольными группами. М., 1996.
9. ЭБП – Электронная библиотека М.М. Пришивина. URL: <https://elsu.ru/prishvin.html> (дата обращения: 10.12.2024).

Н.А. Бородина, Е.А. Сотникова
N.A. Borodina, E.A. Sotnikova

КОСМЕТОНИМЫ С ФИТОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ КОСМЕТИЧЕСКИХ БРЕНДОВ)³

COSMETONYMS WITH A PHYTONYMIC COMPONENT IN THE ONOMASTIC SPACE OF THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN COSMETIC BRANDS)

В настоящей статье в центре внимания авторов находятся косметонимы. Интерес к этому разряду проприальных единиц обусловлен существующей лакунарностью в исследованиях, посвященных отдельным разрядам прагматонимии как особого пласта ономастического пространства. Объектом лингвистического анализа являются рекламные имена косметической продукции, в дифференциаторе которых присутствует фитонимическая лексика: общие наименования растений, собственно фитонимы, наименования частей растений, их плодов, наименования растительных сообществ, а также фитонимические прилагательные. Эмпирический материал для наблюдения и последующего описания взят с официальных сайтов российских производителей косметики. Авторы останавливаются на особенностях графического оформления косметонимов (наличие или отсутствие кавычек, написание с заглавных букв), предлагают их классификацию по структуре проприальной группы. С точки зрения структурной организации дифференциатора, в составе которого присутствует фитонимическая лексика, различаются три группы ономастических единиц. Первая группа – косметонимы с простым, однословным дифференциатором – существительным-фитонимом или фитонимическим прилагательным. Вторая группа – косметонимы со сложным дифференциатором, к которым отнесены фитонимы-компози́ты, функционирующие в сфере ботанической номинации, специально созданные фитонимы-компози́ты, называющие активные природные ингредиенты косметической продукции, окказиональные косметонимы-компози́ты, подчеркивающие лингвокреативные способности номинатора. Третья группа – косметонимы с составным дифференциатором, по внутренней структуре совпадающим со словосочетанием или предложением. В статье определяется место фитонимической лексики в рекламных текстах косметических товаров, отмечается ее обязательная корреляция с рекламируемыми косметонимами.

³ Авторы выражают благодарность ректорату Елецкого госуниверситета им. И.А. Бунина за оказание финансовой поддержки в научном исследовании.

Ключевые слова: косметическая продукция, ономастическая единица, коммерческая номинация, прагматоним, косметоним, фитонимическая лексика.

In the article the authors focus on cosmetonyms. The interest in this category of proper nouns is due to the lack of research on certain categories of pragmatic names as a special part of the onomastic field. The object of the linguistic analysis are the advertising names of cosmetic products, whose differentiator contains phytonymic vocabulary: common plant names, proper phytonyms, names of plant parts and their fruits, names of plant communities and phytonymic adjectives. The empirical material for observation and description has been taken from the official websites of Russian cosmetic manufacturers. The authors focus on the features of graphic design of cosmetonyms (presence or absence of quotation marks, capitalization) and propose their classification based on the structure of the proper group. In the context of the structural organization of differentiating elements that contain phytonymous vocabulary, three groups of onomastic units can be identified. The first group consists of cosmetonyms with a simple, single-word differentiating element – a phytonym noun or phytonym adjective. The second group includes cosmetonyms with complex differentiating elements, including compound phytonyms used in the context of botanical nomenclature, specifically created compound phytonyms denoting active natural ingredients in cosmetic products, and occasional compound cosmetonyms that emphasize the nominator's linguistic creativity. The third group consists of cosmetonyms with a compound differentiating element that has the same internal structure as a word-combination or sentence. The article establishes the role of phytonymous vocabulary in advertising texts for cosmetic products and emphasizes its correlation with advertised cosmetonyms.

Key words: cosmetic products, onomastic unit, commercial nomination, pragmatonym, cosmetonym, phytonymic vocabulary.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-55-61

Обслуживающие сферу маркетинговой, рекламной и повседневной коммуникации, прагматонимические единицы характеризуются двуплановостью семантики, состоящей в наличии в их «семантической структуре ономастического и доономастического значения» [3, 13], структурной гетерогенностью [9, 10], полифункциональностью, заключающейся в способности выполнять номинативную, идентифицирующую, коммуникативную, аттрактивную, суггестивную, эстетическую, охранную и другие виды функций, конъюнктурностью, проявляющейся, в соотнесенности с экстралингвистическими факторами, в изменяемости под влиянием политических, экономических, социальных, исторических и культурных реалий [3, 6, 15; 8, 7].

Несмотря на устойчивый интерес исследователей к прагматонимам как особым единицам ономастического пространства отдельные их группы не получили должного освещения в научной литературе, в их числе – косметонимы. Наименованиям косметических товаров посвящены немногочисленные работы. В частности, проанализированы механизмы создания коммерческих названий косметических средств в английском языке [4]; отмечены мотивировочные признаки, положенные в основу нейминга торговых марок уходовой и декоративной косметики [1]; описаны принципы номинации парфюмерной продукции, предложена классификация парфюмонимов, определено их место в ономастической системе [7]; на материале французского и русского языков выявлены семантика, способы словопроизводства колоронимических косметонимов [6]; рассмотрена специфика перевода терминологических наименований косметических средств для лица, указаны типичные ошибки, допускаемые сознательно или непреднамеренно в ходе перевода [5] и др.

Как правило, косметоним, как и любой другой прагматоним, бинарен. В его структуре наличествуют номенклатурная группа, которая выступает «носителем важнейшей категориальной информации» [2, 13], и проприальная группа, служащая «базой имени собственного» [2, 16], выполняющая дифференцирующую функцию и являющаяся, в первую очередь, объектом лингвистического анализа. Например, в косметониме *моментальный увлажняющий аква-крем для лица «Арбузный фреш»* (Русская косметика) *моментальный увлажняющий аква-крем для лица* представляет номенклатурную группу, а *«Арбузный фреш»* – дифференциатор.

В центре нашего исследовательского интереса – косметонимы, в составе проприальной группы которых присутствует фитонимическая лексика. Материалом для наблюдения послужили названия косметических средств, выпускаемых такими российскими производителями, как АО «Свобода», ОАО ППК «Весна», ООО «Русская Косметика», АО «Невская Косметика», ООО «Натура Сиберики» (Natura Siberica), ООО «Сиберики» (Siberina), ООО «Смородина косметик» (SmoRodina), ООО «Леврана» (Levтана), ООО «Сила гор» (бренд «Краснополянская косметика»). Сбор авторской картотеки примеров был осуществлен в результате анализа каталогов продукции, размещенной на официальных сайтах указанных организаций.

Фитонимическая лексика в составе косметонимов представлена общими наименованиями растительных организмов: гидролат *«Альпийские травы»* (Краснополянская косметика); собственно фитонимами: крем для лица *Баобаб*, мужской (Levтана), *натуральный дезодорант «Лаванда, мята и лемонграсс»* (Siberina); партиитивными фитонимами: мыло подарочное *Золотой Бутон* (Свобода), подарочный набор для волос *«Золотой колос» Рецепты бабушки Агафьи, Сибирская Травница* (Natura Siberica); наименованиями плодов: *молочко для тела «Арктическая ягода»* (Levтана), *отшелушивающий скраб для лица «Орех-донжуан» Organic Kitchen* (Natura Siberica); наименованиями растительных сообществ: *шампунь-гель для душа «Хвойный лес»* (Siberina), *скраб для тела «Цитрусовый сад»* (Краснополянская косметика).

Следует отметить, что оформление косметонима бывает различным. Проприальная часть может как заключаться в кавычки, так и быть данной без них с заглавной буквы, может состоять полностью из заглавных букв⁴: *натуральный детский шампунь для волос «Ягодный»* (Siberina), *бальзам-ополаскиватель Утренняя роза* (Свобода), *жидкое мыло для рук кухонное «БЛАГОРОДНЫЙ ГРЕЙПФРУТ»* (Русская косметика).

Существующая тенденция нежелательности использования латиницы в рекламном имени объясняет немногочисленность иноязычных наименований в собранном материале. Так, английские названия гигиенических средств для полости рта от Siberina (*зубная паста-гель «Siberian herbs»*, *зубная паста-гель «Mountain lavender»*⁵) предопределены получением международного сертификата COSMOS NATURAL. При этом в рекламных текстах, размещенных на сайте производителя, указывается перевод косметонима на русский язык, дополнительно содержатся лексические средства экспликации натурального состава рекламируемого продукта. Например: *Сибирские травы на страже красоты и здоровья ваших зубов! В основе натуральной зубной пасты-геля «Siberian herbs» содержится ценный комплекс природных масел и экстрактов, которые устраняют воспаление, снимают раздражение и кровоточивость десен, способствуют заживлению*⁶.

С точки зрения структурной организации проприальной части анализируемые ономастические единицы нами разграничены на три группы.

⁴ В настоящей работе мы придерживаемся написания косметонима, указанному в источнике.

⁵ *зубная паста-гель «Сибирские травы»*, *зубная паста-гель «Горная лаванда»*.

⁶ URL: <https://siberina.ru/catalog/dlya-doma/kosmetika-i-parfumeriya/kosmeticheskiye-sredstva/ukhod-za-polostyu-rta/zubnyye-pasty/zubnaya-pasta-gel-siberian-herbs-804?ysclid=m7g2y1yncz340298456> (дата обращения: 20.02.2025).

Первую группу образуют косметонимы с простым дифференциатором, состоящим из одного компонента – существительного-фитонима (например, *зубная паста для чувствительных зубов «Ромашка»* (Siberina), *бальзам-кондиционер «Береза»* (Levтана)) или фитонимического прилагательного (например, *Бабушкина Аптека Шампунь против перхоти ДЕГТЯРНЫЙ* (Русская Косметика), *туалетное мыло Хвойное* (Свобода)).

В случае маркирования дифференциатора адъективной лексемой наблюдается грамматическое согласование с идентификатором, данным в составе номенклатурной группы. Ср.: *гиалуроновая вода «Травяная»* (Краснополянская косметика) – *гель для душа «Травяной»* (Siberina).

Один и тот же фитоним может служить мотиватором для номинации товаров разных производителей. Например: *крем для рук и тела «Лаванда»* (SmoRodina), *крем-масло для тела «Лаванда»* (Siberina), *Бабушкина аптека Крем для рук увлажняющий Лаванда* (Русская косметика). Появление однородного фитонима-дифференциатора в косметонимах достаточно частое явление, которое обусловлено необходимостью указания ингредиентов, обладающих полезными свойствами, или аромата, присущего косметическому продукту. Так, нежный, приятный запах лаванды успокаивает, снимает усталость и стресс, а эфирное масло «синего золота», как издавна называют это растение, оздоравливает кожу. Несмотря на то, что средства различных косметических брендов имеют аналогичное название, каждое из них уникально, как индивидуальные однофамильцы или тезки – люди, носящие одинаковые имена.

Ко второй группе отнесены косметонимы со сложным проприальным именем, в котором произошло соединение двух корней в один звуковой комплекс. Среди них выделяются самостоятельно функционирующие фитонимы-композиции (например, в косметониме *натуральное мыло ручной работы «Иланг-иланг»* (Levтана) ботанический термин, образованный в результате редупликации, номинирует канангу душистую (*Cananga odorata*) – произрастающее в Юго-Восточной Азии вечнозеленое дерево сем. анноновых с душистыми цветками, эфирное масло из лепестков которых используется в парфюмерии⁷), специально созданные названия, указывающие на два главных активных растительных компонента в составе косметической продукции (например, *бальзам для губ «Апельсин-корица»* (Siberina), *Особая серия Гель-эликсир «Липово-медовый» увлажняющий* (Русская косметика)), окказиональные косметонимы-композиции, отражающие лингвокреативность номинатора (например, дифференциатор в косметониме *ночная маска для волос Репейник-медведь восстанавливающая силу волос Рецепты бабушки Агафьи, Таежные истории* (Natura Siberica), образованный путем сложения фитонима и зоонима, через ассоциативную связь 'медведь – сила и мощь' реализует мотиву 'результат применения средства – крепкие и здоровые волосы': *В нашей маске, восстанавливающей силу волос, только натуральные ингредиенты: РЕПЕЙНИК, который мы добываем вручную на берегах реки Каа-хем в Туве, таежники сравнивают с медведем за его силу и мощь корней, из которых получают ценное полезное масло.*⁸).

Третью группу формируют косметонимы с составным дифференциатором, по внутренней структуре совпадающим со словосочетанием или предложением. Эта группа многочисленна и неоднородна. В нашей картотеке примеров она представлена моделями разной степени продуктивности: во-первых, моделями, построенными на базе односторонне направленной присловной подчинительной связи, формальным способом выражения которой – согласование: «прил. + фитоним-сущ. в Им. п.», «причастие + фитоним-сущ. в Им. п.», «фитонимическое прил. + сущ. в Им. п.» (например, *ароматическое масло для тела «Холодная вишня»* (SmoRodina), *туалетное мыло «Вдохновляющая сирень»* (Невская

⁷ Большая российская энциклопедия. URL: Иланг-иланг. <https://old.bigenc.ru/biology/text/2004639> (дата обращения: 20.02.2025).

⁸ URL: https://naturasiberica.ru/product/nochnaya_maska_dlya_volos_repeynik_medved_vosstanavlivayushchaya_silu_volos_retsepty_babushki_agafi/ (дата обращения: 20.02.2025).

Косметика), *гель для душа «Цитрусовый фреш»* (Краснополянская косметика)); во-вторых, моделями, организованными на базе односторонне направленной подчинительной связи, формальным способом выражения которой является управление: «сущ. в Им. п. + фитоним-сущ. в Р. п.», «фитоним-сущ. в Им. п. + фитоним-сущ. в Тв. п.», «фитоним-сущ. в Им. п. + фитоним-сущ. в Р. п.», «прил. + фитоним-сущ. в Тв. п.», «фитонимическое прил. + фитоним-сущ. в Тв. п.», «фитоним-сущ. в Им. п. + сущ. в Пр. п.», «числ. + фитоним-сущ. в Р. п.» и др. (например, *духи с афродизиаками «Тепло корицы»* (Siberina), *мыло «Апельсин с корицей»* (Siberina), *Daily Натуральный дезодорант «Цветы фрезии»* (Levтана), *туалетное мыло Детское с чередой* (Свобода), *Бабушкина аптека Крем для ног Морковный с мятой* (Русская косметика), *Особая серия Ультра нежное крем-мыло «Клюква в сахаре»* (Русская косметика), *Особая серия Фито-шампунь для волос укрепляющий «7 трав»* (Русская косметика)); в-третьих, моделью «фитоним-сущ. в Им.п. + фитоним-сущ. в Им.п.», основанной на базе сочинительной связи (например, *молочко для тела «Лайм и мята»* (Levтана), *жидкое крем-мыло Svoboda Natural Олива и авокадо* (Свобода)); в-четвертых, поликомпонентными моделями, включая номинации-словосочетания с разными видами связи и номинации-предложения (например, *набор зубных паст Восстановление эмали «Кора дуба и мята»* (Siberina), *Особая серия Крем для лица дневной «Зародыши пшеницы и белый виноград»* (Русская Косметика), *детская зубная паста 0+ Малинка – лесная витаминка Natura Siberica, Little Siberica* (Natura Siberica)).

Особый интерес с точки зрения заключенного воздействующего потенциала представляют модели «прил. + фитоним-сущ. в Им. п.»⁹, «причастие + фитоним-сущ. в Им. п.», «фитонимическое прил. + сущ. в Им. п.», «сущ. в Им. п. + фитоним-сущ. в Р. п.», косметонимы-предложения, отличающиеся образностью и выразительностью. Подобные косметонимы несут в себе ключевые идеи красоты и здоровья, чистоты и свежести, роскоши и богатства, чувственности и игривости, мужественности и женственности и т.п. (например, *гель для душа «Бодрящий цитрус»* (Краснополянская косметика), *туалетное мыло «Роскошный пион»* (Невская косметика), *набор косметический для рук «Цветы императрицы»* (Свобода), *духи с афродизиаками «Игристая вербена»* (Siberina), *комплекс аромасел для тела с афродизиаками для него «Могучий кедр»* (Siberina)), оставляют приятное «послевкусие», вызывают гамму положительных эмоций и впечатлений (например, *Особая серия Шампунь для волос «Банановый милкшейк»* (Русская косметика), *скраб для губ «Сочная малина»* (Siberina), *дезодорант «Лавандовое настроение» с цинком* (Siberina)). Они актуализируют фоновые знания реципиента (например, *крем для лица и декольте «Молодильные яблочки» от актрисы @shumakova_masha Organic Kitchen bloggers* (Natura Siberica)), предлагают ему принять участие в языковой игре, дешифруя заложенный смысл (например, *полирующий скраб для лица «Фисташковая мафия» Organic Kitchen* (Natura Siberica), *увлажняющий крем для ног «Хурма не вяжет, хурма шьет» Organic Kitchen* (Natura Siberica)).

Обратимся к рекламе косметической продукции, приведенной на сайтах производителей, и определим, какое место в ней занимает фитонимическая лексика, как она коррелирует с анализируемыми косметонимами. В описании косметического средства обязательно называются фитокомпоненты, содержащиеся в нем, указывается ареал распространения растений, перечисляются их отличительные признаки, полезные свойства и под. Так, в рекламе *пены для ванн «Кедровое SPA»* (Natura Siberica) наблюдается апелляция к стереотипным представлениям о тайге как месте силы, зоны с особой энергетикой, в которой проводят свои обряды шаманы и знахари. Это регион произрастания кедра – дерева-долгожителя, дерева-целителя: *Окунитесь в таинственный и загадочный мир кедровой тайги вместе с пеной для ванн «Кедровое SPA». Кедр – уникальное растение,*

⁹ За исключением дифференциаторов – двухсловных наименований ботанической номенклатуры типа *крем для ног Полярная Береза* (Levтана), *зубная паста укрепляющая «Чайное дерево»* (Siberina).

издавна славящееся своими целебными свойствами и мощной энергетикой. <...> **Почувствуйте силу природных компонентов и жизненную энергию кедра в бархатных облаках пены для ванн**¹⁰. Мотив, которым руководствовались при номинации косметонима, может полностью раскрываться в рекламном сообщении. Например, в сознании реципиента формируется представление о том, что скраб-желе «Малиновый тарт» (SmoRodina) – это высококачественный продукт с натуральным составом и приятным ароматом. Оно складывается благодаря знаниям из области кулинарии, цепочки ассоциаций, поддерживаемой рекламным текстом (рис. 1): **Гурманский аромат десерта из песочного теста и свежей малины с нотками ванильного крема создает настроение радости и домашнего уюта. Натуральный десерт для вашей кожи! <...> Будьте осторожны: скраб хочется попробовать на вкус!**¹¹

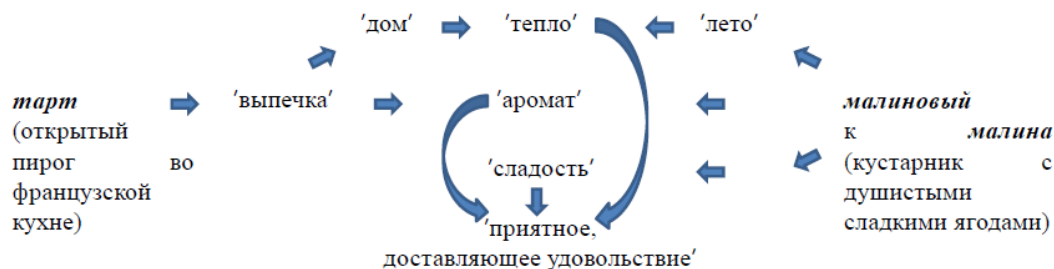

Рис. 1. Схематическое представление цепочки ассоциаций, разворачиваемой в рекламе скраба-желе «Малиновый тарт»

В ряде случаев информация, имплицитно представленная в косметониме, получает дешифровку в рекламном сообщении. Например, рекламный текст, предлагаемый покупателям маски для лица «**Не будь как помидор**» (Levтана), обыгрывает традиционный цвет распространенной овощной культуры. Построен он на доказательстве от противного. «Красный, пунцовый, как помидор», – так мы говорим о человеке с нездоровым румянцем. Скрыть этот недостаток поможет рекламируемое средство: **Помидор – ягодка яркая, но вот вам «помидорный» образ явно не к лицу. Как насчет ровного здорового тона кожи?**¹².

Резюмируя, отметим, что фитонимическая лексика часто используется в составе проприальной группы косметонима для привлечения внимания потенциального покупателя к натуральному составу косметической продукции, для его побуждения к совершению покупки, для трансляции ключевых идей, связанных со здоровьем, красотой, привлекательностью.

1. Аникина Т.В. Мотивировочные признаки наименований торговых марок косметической продукции (на материале русских и зарубежных торговых марок). Современный ученый. 2022. № 6. С. 142–148.

2. Годуйко Л.А. Ономастикон Брестчины: электронный учебный словарь для студентов филологических факультетов в 3 ч. / Л.А. Годуйко, О.Б. Переход, О.А. Корабо; под общ. ред. Л.А. Годуйко. Ч. 1: Прагматонимия названия продовольственных товаров. Брест, 2018.

¹⁰ URL: <https://naturasiberica.ru/product/pena-dlya-vann-kedrovoye-spa-natura-siberica-klassicheskaya-lineyka/?ysclid=m7huplqmp3815413974> (дата обращения: 20.02.2025).

¹¹ URL: <https://smorodinacosmetic.com/catalog/body/sugar-and-salt/skrab-zhele-malinovyy-tart/> (дата обращения: 20.02.2025).

¹² URL: <https://levrana.ru/catalog/kosmetika/3531/?oid=> (дата обращения: 20.02.2025).

3. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2004.
4. Ларцева Е.В., Кабальнова А.А. К изучению механизмов номинации в коммерческой сфере (на материале названий косметических средств в английском языке) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, Вып. 1. С. 55–63.
5. Неверова Е.А., Печенкина В.С., Раздубов А.В. Лексико-семантические особенности перевода наименований косметических средств (на примере сайта французской косметики Yves Rocher) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5(2). С. 128–138.
6. Овчинникова Г.В. Особенности словопроизводства и семантики косметонимических колоронимов во французском и русском языках // Филологические науки в МГИМО. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 9(1). С. 29–32.
7. Сотникова Е.А. Ономастическое пространство названий парфюмерной продукции в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2006.
8. Шведова Н.Л. Функциональная специфика прагматонимов: на материале современной массовой литературы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011.
9. Яковлева О.Е. Семантические типы прагматонимов современного русского языка (на материале номинаций продуктов питания): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.

Д.Е. Федотов
D.E. Fedotov

ЭТИМОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ ЭКЗОТИЗМОВ В ЖУРНАЛЕ-ТРЕВЕЛОГЕ «ВОЯЖ»

ETYMOLOGY, SEMANTICS AND FUNCTIONS OF EXOTICISM IN THE TRAVELOG “VOYAGE”

Статья посвящена анализу экзотической лексики, представленной в глянцево-журнале путешествий «Вояж». Экзотизмы исследуются как языковой полифункциональный феномен, к которому реализуется широкий подход. В выпусках журнала за 2023–2024 гг. зафиксировано 130 экзотизмов. Они классифицированы по двум признакам: происхождение и семантика. Значения экзотизмов позволили выделить в текстах журнала-тревелог четыре тематических группы разной частотности: названия блюд и напитков (21 %), названия природных и административно-территориальных объектов (54 %), названия объектов сферы духовной культуры (14 %), названия флоры и фауны (11 %). В соответствии с этимологией экзотизмы дифференцированы на две группы: экзотизмы из национальных языков России (88 %) и экзотизмы из официальных языков иных стран мира (12 %). В первой подгруппе обнаружены экзотизмы из бурятского, калмыцкого, мансийского, чувашского, шорского языков; а во второй – английского, итальянского, казахского, китайского, немецкого, тайского, французского языков. Установлено, что в журнале-тревелог экзотизмы выполняют четыре функции, три из которых являются универсальными, а одна – специфической. К универсальным функциям, характерным для экзотизмов и в текстах иных дискурсов, отнесены номинативная, эстетико-воздействующая и познавательная. А в качестве специфической, присущей экзотизмам именно в текстах журнала-тревелог, отмечена функция лингвистического инструмента создания конкурентной идентичности. Автор приходит к выводу, что экзотическая лексика журнала-тревелог «Вояж» позволяет отнести его к сегменту медиаресурсов, популяризирующих культурное наследие и способствующих оптимизации маркетинга территорий.

Ключевые слова: журнал-тревелог, экзотическая лексика, этимология, семантика, конкурентная идентичность.

The article is devoted to the analysis of exotic vocabulary presented in the glossy travel magazine “Voyage”. Exotisms are studied as a linguistic polyfunctional phenomenon, to which a broad approach is realised. In the issues of the magazine for 2023–2024, 130 exotisms are documented. They are classified according to two features: origin and semantics. The meanings of exotisms allowed us to identify four thematic groups of different frequency in the texts of the travelogue: names of food and drinks (21 %), names of natural and administrative-territorial objects (54 %), names of objects of spiritual culture (14 %), names of flora and fauna (11 %). In accordance with etymology, exotisms are differentiated into two groups: exotisms from national languages of Russia (88 %) and exotisms from official languages of other countries of the world (12 %). In the first subgroup, exotisms from Buryat, Kalmyk, Mansi, Chuvash, Shor languages are found; and in the second – English, Italian, Kazakh, Chinese, German, Thai, French languages. It is established that in the travelogue, exotisms perform four functions, three of which are universal, and one is specific. Universal functions, characteristic of exotisms and in the texts of other discourses, are assigned to nominative, aesthetico-impacting and cognitive. As a specific function, peculiar to exotisms only in the texts of the travelogue, the function of a linguistic instrument for creating competitive identity is noted. The author comes to the conclusion that the exotic lexicon of the travelogue “Voyage” allows to attribute it to the segment of media resources, popularizing cultural heritage and contributing to the optimization of territory marketing.

(11 %). According to the etymology, exoticisms are differentiated into two groups: exoticisms from national languages of Russia (88 %) and exoticisms from official languages of other countries (12 %). The first subgroup includes exotisms from Buryat, Kalmyk, Mansi, Chuvash and Shor languages; the second subgroup includes English, Italian, Kazakh, Chinese, German, Thai and French. It has been established that exotisms fulfil four functions in the magazine-travelogue, three of which are universal and one is specific. The nominative, aesthetic-inspiring and cognitive functions are referred to the universal functions characteristic of exoticisms in texts of other discourses as well. The function of linguistic instrument was identified as a specific function inherent to exolexemes in the texts of the travel magazine. The author concludes that the exotic vocabulary of the travelogue magazine "Voyage" can be attributed to the segment of media resources that promote cultural heritage and contribute to the optimization of marketing of territories.

Key words: travelogue magazine, exotic vocabulary, etymology, semantics, competitive identity.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-62-69

Современная отечественная лингвистика активно изучает экзотизмы, номинирующие «явления и реалии "чужой" жизни» [8, 83–84], как неотъемлемый компонент лексического уровня системы русского языка. Вопросам отграничения экзотизмов от варваризмов и иной заимствованной лексики, их адаптации, классификационных признаков, синонимических связей, функций в текстах публицистического и художественного дискурсов, условий деэкзотизации и лексикографической представленности посвящены многие исследования [2; 4; 6–7; 9; 17; 22]. О несомненной актуальности изучения экзотизмов свидетельствуют и статистические данные. Например, на запрос «экзотическая лексика» в электронной библиотеке диссертаций «disserCat», самом крупном каталоге научных работ в российском интернете, получаем 346 совпадений (<https://www.dissercat.com/>), а в научной электронной библиотеке «eLibrary.Ru» – 71 (https://elibrary.ru/query_results.asp).

Сейчас интерес к рассматриваемому лингвистическому явлению, на наш взгляд, обостряется в условиях действия двух нелингвистических процессов – глобализации, приводящей к утверждению универсального характера национальных культур, и глокализации, связанной, напротив, с постулированием партикуляризации культур, сохранением и усилением локальных отличий. Указанные процессы сделали доступной широкой аудитории туристическую сферу, что привело к скачку в развитии тревел-журналистики, медиапродуктов о путешествиях, вводящих локальное в контекст глобального, создающих кросс-культурные связи и закрепляющих страноведческий компонент. Так экзотизмы в текстах журналов-тревелогов, представляющих собой описания путешествий с акцентом на уникальные этнокультурные особенности, становятся неотъемлемыми единицами их лингвистического ландшафта.

Цель нашей работы состоит в описании экзотической лексики в текстах отечественного глянцевого журнала о путешествиях «Вояж» на базе трех критериев: этимологического, семантического и функционального.

Выбор источника фактического материала – журнала-тревелога «Вояж» – определяется несколькими причинами:

1) разнообразием тем и рубрик: «События», «Обзор», «Маршруты», «Личный опыт», «Новости» и др. В журнале можно найти информацию о культурных, гастрономических, исторических особенностях стран мира и территориальных образований в составе Российской Федерации;

2) освещением региональной специфики. Журнал часто рассказывает о малых народах России, этнографических различиях населения субъектов страны, что повышает возможность извлечь большее количество экзолексем для анализа и интерпретации;

3) наличием уже сформулированного в контексте толкования экзотизма, что значительно облегчает процесс систематизации и классификации лексем;

4) доступностью контента журнала (он имеет печатную и электронную версию, интернет-портал), его кроссплатформенностью и мультиэкранностью.

Из выпусков журнала за 2023–2024 гг. методом сплошной выборки было извлечено 130 экзотизмов, составивших авторскую картотеку примеров.

При сборе языкового материала мы исходили из широкого подхода к указанным единицам, а именно:

1) понимали под экзотизмами лексемы, номинирующие кулинарные, этнографические, природные, архитектурные, религиозно-мифологические реалии «чужой» культуры;

2) включали не только лексемы из малоизвестных и малораспространенных языков, но и любого этноязыка, в том числе уже хорошо освоенные русским языком экзотизмы типа *пицца*, *юрта*, *круассан* и др.;

3) рассматривали в составе экзотизмов лексемы, называющие ономастические реалии.

Для интерпретации экзолексем использовались данные энциклопедических и лингвистических (одноязычных и двуязычных) словарей, справочников, в том числе лексикографические онлайн-ресурсы [3; 11; 13–16; 19; 21]; а при отсутствии слова в словарях для формулирования дефиниции привлекались материалы путеводителей, туристических сайтов и контекст.

Семантика экзолексем, обнаруженных в журнале-тревелоге «Вояж», позволила выделить 4 основных тематических группы.

1. Названия блюд и напитков (гастрономическая лексика): *дотур* (калм. *доотр* – ‘внури’, традиционное калмыцкое блюдо, суп из бараньих субпродуктов [16, 38]; *бёрз* (калм. *борз* – ‘пельмени’, крупные пельмени со стрелчатым швом сверху [14]); *вителло тоннато* (итал. *vitello tonnato* – ‘телятина тунцовая’, блюдо из тонко нарезанных кусочков маринованной телятины [15]) и др.

Например: *Если слить бульон и завернуть мясо в тесто, получится бёрз, пельмени по-калмыцки* (Вояж, 2023, № 213 (декабрь), с. 78).

2. Названия природных и административно-территориальных объектов.

В этой группе обнаружены следующие единицы:

а) оронимы: *Холатчэхль* (манс. *Холат-Сяхль* – ‘Мертвая гора’, гора на Северном Урале [14]) или *Бештáу* (тюрк. *беш тау* – ‘пять гор’, пятиглавая гора-лакколит в Ставропольском крае [14]);

б) инсулонимы: *Ольхóн* (бур. *ой-хон* – ‘лесочек’, крупнейший остров озера Байкал [14]) или *Чамп* (от англ. имени *Champ*, остров, расположенный в центральной части архипелага Земля Франца-Иосифа [14]);

в) гидронимы (потамонимы, лимнонимы): *Балбáнью* (из языка коми: *бөлбан* – ‘идол’, река в Березовском районе Ханты-Мансийского АО [13]) или *Эльтóн* (соленое бессточное озеро на севере Прикаспийской низменности; по одной из версий, от фамилии английского инженера Эльтона, который был привезен В. Н. Татищевым на озеро в 1741 г., по другим – от тюрк. *Альтонь* – ‘золотой’ или от *ельтонг* со ссылкой на якут. слово *эльген* – ‘замороженное озеро’¹³);

г) урбанонимы: *Чёскýт керкү́* (от коми-пермяцк. *чёскыт керку* – ‘вкусный дом’, коммерческий урбаноним, название ресторана коми-пермяцкой кухни [1, 543, 170]) или

¹³ См.: [https://museionsajtyarkova.ru/ozero-elton-\(zolotoe-ozero\)/ozero-elton-\(zolotoe-ozero\)/489-po-straniczam-gazet,-zarisovki-k.g.n.,-docz.-yarkova-a.a.-o-nauchno-issledovatel'skoj-ekspedicii-k-beregam-ozera-elton.-volzhskaya-pravda,-1997.html](https://museionsajtyarkova.ru/ozero-elton-(zolotoe-ozero)/ozero-elton-(zolotoe-ozero)/489-po-straniczam-gazet,-zarisovki-k.g.n.,-docz.-yarkova-a.a.-o-nauchno-issledovatel'skoj-ekspedicii-k-beregam-ozera-elton.-volzhskaya-pravda,-1997.html).

Закхэймские ворота (от нем. *Sackheim* – ‘Смоляное село’, пилоним, находящийся на периферии урбанонимического поля, обозначающий городские ворота в Калининграде, памятник истории и культуры [14]);

д) ойконимы: *Сахюрта* (от бур. *сахюур* – ‘кремень’, село в Ольхонском районе Иркутской области [21, т. 2, 152]) или *Пы́скор* (от коми-пермяц. *пыс кар* – ‘ушко города’, село в Пермском крае России [1, 392, 165]).

Например: *Здесь в поселке Усть-Кабырза находится музей «Трехречье» на месте слияния Мрассу, Кабырзы и Пызас* (Вояж, 2023, № 213 (декабрь), с. 60). В приведенном примере *Усть-Кабырза*, называя поселок в Таштагольском районе Кемеровской области, относится к подгруппе ойконимов и восходит к шорск. *Кёбүрсүг* [14]); топонимы *Мрассу* (шорск. *Мрас-су* [14]), *Кабырза* (шорск. *Кёбүр-сүг* [14]), *Пызас* (шорск. *Пы* [14]) именуют реки в Кемеровской области и, соответственно, являются гидронимами.

3. Названия объектов сферы духовной культуры: *кайчи* (от шорск. *кайчы*, у тюркских народов – сказители, поддерживающие традицию горлового пения [3]); *Тёнгри-Хан* (казах. *Хан Тәңірі*, языческий бог в казахской тенхической мифологии [11, 972]) или *хуру́л* (монг. *хурэ*, калм. *хурул*, буддийский храм (монастырь, обитель) в калмыцком ламаизме [14]).

Например: *Мир делится на верхний, где живет добрый дух Ульгень, нижний под властью невидимого злого духа Эрлика* (Вояж, 2023, № 213 (декабрь), с. 59). Экзотизм *Ульгень* (от шорск. *Ульгень*) в мифологии шорцев называет верховное божество, демиурга и громовержца, главу светлых чистых духов, населяющих небесную сферу мироздания [11, 1013]), а вот лексема *Эрлик* (бур. *Эрлен-хан*) в мифологии монгольских народов и саяно-алтайских тюрков именует владыку царства мертвых, верховного судью в загробном мире, дьявола [11, 1123]).

4. Названия объектов флоры и фауны, свойственных определенным странам, народам. Примером может служить лексема *ирбис*, представляющая восточный экзотизм из монгольского языка, зафиксированный впервые в «Словаре русского языка XI–XVII веков» в графико-фонетическом варианте *ирбизь* [20, 103]. Слово обозначает крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих, обитающее в горах Центральной Азии, снежного барса, выступающего символом коренных народов Сибири.

Например: *Нам надо сохранить эту свободную, независимую, красивую кошку под названием ирбис, она является символом для многих коренных народов России* (Вояж, 2024, № 216 (сентябрь), с. 103).

Частотность единиц выделенных тематических групп неодинакова: 1) названия блюд и напитков составляют в нашей картотеке 21 %; 2) названия природных и административно-территориальных объектов – 54 %; 3) названия объектов сферы духовной культуры – 14 %; 4) названия объектов флоры и фауны – 11 %. Наиболее частотной группой, что очевидно из приведенных количественных данных, выступает вторая. Это объясняем тем, что в текстах журнала-тревелого «Вояж» реализуется когнитивно-культурная схема «Путешествие», неотъемлемыми опорными компонентами которой являются «Новые места», «Страны», «Достопримечательности» [18, 142], репрезентирующиеся именно топонимической лексикой.

Этимология экзотической лексики в журнале-тревелого «Вояж» позволяет выделить две подгруппы:

- 1) экзотизмы из национальных языков России;
- 2) экзотизмы из официальных языков иных стран мира.

Среди экзотизмов из национальных языков России – первая подгруппа – обнаружены бурятизмы, калмыцизмы, чувашизмы, экзотизмы из мансийского и шорского языков: *Хужир* (от бур. *хужсар* – ‘солончак’, поселок в Ольхонском районе Иркутской области [21, т. 2, 463]), *Хобой* (от бурят. *хобой* – ‘клык’, мыс, северная оконечность острова Ольхон на озере Байкал [21, т. 2, 557]), *джомба* (калм. *джомба*, чай с молоком, маслом, солью, мускатным орехом и лавровым листом [14]), *Маньпунунёр* (от манс. *Мань-Пуну-Нёр* –

‘Малая гора идолов’, геологический памятник в Троицко-Печорском районе Республики Коми России [14]), *Сарапул* (от чуваш. *сарapulь* – ‘желтая рыба’; город в Удмуртской Республики России [14]) и др.

Например: *Визитная карточка – чай джомба* (Вояж, 2023, № 213 (декабрь), с. 78); *С чувашского языка сарапул – «золотая (желтая) рыба» – переводится как «стерлядь»* (Вояж, 2023, № 215 (декабрь), с. 80) и др.

А вот вторая подгруппа – экзотизмы из официальных языков иных стран мира – сформирована лексемами из романских (итальянский, французский), германских (немецкий, английский), тайских (тайский), тюркских (казахский), китайско-тибетских языков (китайский): *карпаччо* (итал. *Carpaccio*, блюдо из тонко нарезанных кусочков сырой говяжьей вырезки [14]), *да хун пао* (кит. *Dàhóng páo*, т. е. ‘Большой красный халат’; утесный китайский чай [14]), *том ям* (тайск. *tôm jâm*, кисло-острый суп с креветками, курицей, рыбой или другими морепродуктами [14]) и др.

Например: *В обед подают крем-суп из краба и том ям с морепродуктами* (Вояж, 2023, № 214 (февраль), с. 19); *Мы заварили да хун пао, разместились на камнях и долго слушали плеск волн* (Вояж, 2023, № 214 (февраль), с. 39) и др.

Количественный анализ показывает, что в материалах журнала «Вояж» чаще встречаются экзотизмы из национальных языков России (88 %) по сравнению с экзотизмами из официальных языков разных стран (12 %). Это объясняется тем, что журнал преимущественно освещает тему путешествий по России, популяризируя внутренний туризм, вероятно, в условиях реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства»¹⁴ и действия международных санкций.

Выделенные в журнале-тревелоге «Вояж» экзотизмы выполняют три универсальных функции: номинативную, эстетико-воздействующую и познавательную. Рассмотрим их на конкретных примерах.

1. Номинативная функция. Экзотизмы называют уникальные бытовые предметы, явления, которые практически не имеют аналогов в других культурах, хотя процесс глобализации сильно влияет на пласт экзотической лексики в русском языке в плане ускорения лексико-семантического освоения и превращения экзотизма в слово, референт которого стал привычной для носителей русского языка реалией.

В контенте журнала-тревелогга экзотизмы все же позволяют акцентировать внимание на специфическом и уникальном для описываемых стран мира и ряда коренных крупных и, напротив, малочисленных народов России, подчеркивают их культурную и этнографическую аутентичность.

Так, частотная кулинарная лексика отражает в тревел-текстах гастрономические традиции этносов и служит важным элементом национального и/или регионального культурного кода. Такие слова, как *талкан*, *дотур*, *бёрг* и др., формируют этнокультурный контекст, вызывая у адресата интерес к кухням тюркоязычных народов Западной Сибири и монгольских народов. Например: *Горная Шория – это талкан из обжаренного толченого ячменя, который с незапамятных времен спасал шорцев* (Вояж, 2023, № 213 (декабрь), с. 59); *Поэтому берем все, что не жалко от барана, варим в подсоленной воде, добавляем луковицу и побольше перца: суп дотур готов* (Вояж, 2023, № 213 (декабрь), с. 78).

Особую роль в тревел-текстах играют экзотизмы из романских языков и языков тай-кадайской языковой семьи. Экзолексеми типа *ризотто алла маринара*, *вителло тонато*, *пицца*, *том ям* и др. словно намечают маршрут гастрономического путешествия, способствуют межкультурному обмену, формируют представление о кулинарном наследии итальянского и тайского народов. Например: *Также особенной популярностью у гостей пользуется неизменная классика среди блюд итальянской кухни – пицца «Маргарита», ризотто алла маринара, вителло тоннато и другие* (Вояж, 2023, № 214 (февраль), с. 19).

¹⁴ См.: <https://национальныепроекты.пф/projects/turizm/>.

2. Эстетико-воздействующая функция. Экзотизмы в тексте журнала-тревеллога «Вояж» усиливают выразительность описаний локусов. Благодаря отсылкам к метафорическим обозначениям при их переводе в сознании адресата формируется целостная картина, воздействующая на его эмоциональный фон. Например, экзотический лимноним *Алтын-Нур*, восходящий к калмыцкому языку, ассоциируется с богатством и уникальностью природы региона. По данным калмыцко-русского словаря Б.Х. Тодаевой «Я изучаю “Джангар”», *нур* с калмыцкого обозначает ‘озеро’, а *алтн* – ‘золотой’ [19, 197, 18]. В переводе, упомянутом в тревел-тексте журнала, экзотизм означает «золотое дно»: *На языке местных жителей озеро называется Алтын-Нур, что означает «золотое дно»* (Вояж, 2023, № 214 (февраль), с. 85). Адресанту не нужна научная точность перевода. Он преследует следующий прагматический эффект: вызывать у адресата любопытство (*почему «золотое дно»?»), которое бы заставило искать информацию о реалии (водоем имеет особенности: в лучах восходящего или закатного солнца вода окрашивается оттенками золотого, розового или красного цвета благодаря особой одноклеточной водоросли¹⁵), а затем, вызвав восторг, т. е. оказав эмоциональное воздействие, сформировать устойчивое желание увидеть все своими глазами.*

У экзолексем могут появляться культурные (мифологические) коннотации, влияющие на поиск релевантных соответствий при переводе. Так, топоним *Холатчахль* (мы упоминали его выше) выполняет не только функцию идентификации, называния территории. Он связан с современными мифами: ороним *Холатчахль* встречается в контексте трагедии группы Дятлова: *Безымянный перевал и гора Холатчахль («гора мертвецов» на языке манси) стали известны после трагедии, которая случилась 2 февраля 1959 года* (Вояж, 2023, № 215 (декабрь), с. 72). Первоначальный перевод оронима с мансийского, выполненный В.А. Варсанюфьевой, – это «мертвая гора» [5, 91], а после гибели туристов-лыжников Холатчахль стала «горой мертвецов» (перевод Г.И. Олесовой) [12, 35]. Так создается мистический прагматический эффект: гора на границе Республики Коми и Свердловской области, покрытая лишь каменными осыпями и лишайниками, превращается в печально знаменитую «высоту 1079», в гору смерти.

3. Познавательная функция. Экзотизмы, актуализируя для адресата определенную фактологическую и концептуальную информацию, знакомят его с новыми реалиями, способствуют расширению кругозора, обогащают фонд теоретических и практических знаний о мире. Например: *Величественный хурул был благословлен самим Далай-ламой XIV и получил статус «Золотой обители Будды Шакьямуни»* (Вояж, 2023, № 213 (декабрь), с. 78). Упоминание буддийского храма в Калмыкии обогащает словарный запас адресата и позволяет прикоснуться к уникальной культуре монголо-ойратского ламаизма.

Экзотизмы, помимо универсальных перечисленных функций, свойственных им и в других типах дискурса, в журнале-тревеллоге имеют и специфическую функцию. Они способствуют включению тревел-текстов журнала в контекст брендинг-дискурса, который нацелен на формирование имиджа определенной территории, на ее позитивное восприятие адресатом. Экзотизмы на языковом (лексическом) уровне становятся лингвистическим инструментом создания «конкурентной идентичности», которая у ведущего мирового (британского) эксперта в области изучения брендов стран, регионов и городов С. Анхолта выступала расширением понятия национального брендинга [10, 42].

Формирование такой идентичности предшествует формированию территориального имиджа. И здесь экзотизмы вместе с другими единицами лексического уровня языка (полагаем, что и с диалектизмами, и с регионализмами, и с иноязычными вкраплениями) «работают» на транслирование читателям уникальной географии территории, на создание духа и атмосферы локусов. *Хурул, ризотто, джомба, Хобой* и т.д. становятся ключевыми знаками чужого культурного кода, способствуя узнаваемости и популяризации конкретных мест. К тому же, тревел-тексты с экзотизмами выполняют миссию сохранения

¹⁵ См.: https://nazaccent.ru/school_content/2885/.

нематериального культурного наследия (вспомним упоминания о горловом пении *кайчи* или демиурге *Ульгене* в тенгрианстве алтайцев, хакасов и шорцев).

Резюмируя сказанное, мы приходим к следующим выводам:

1) экзотизмы журнала-тревелого «Вояж» по значению и этимологии не составляют однородных групп. По семантике они могут быть классифицированы на названия блюд и напитков (21 %), названия природных и административно-территориальных объектов (54 %), названия объектов духовной культуры (14 %), названия объектов флоры и фауны (11 %);

2) по происхождению экзотизмы восходят либо к национальным языкам народов России (88 %), либо к официальным языкам других стран (12 %). Первая группа представлена бурятизмами, калмыцизмами, чувашизмами, экзолексемами из мансийского и шорского языков; вторая – экзолексемами из английского, итальянского, китайского, казахского, французского, немецкого, тайского языков;

3) экзотизмы выступают полифункциональными единицами лексического уровня текстов журнала-тревелого и выполняют четыре функции: номинативную, эстетико-воздействующую, познавательную и функцию лингвистического инструмента создания конкурентной идентичности.

В целом журнал-тревелог «Вояж» становится важным медиатором в передаче культурного опыта, а анализ его лексики демонстрирует неисчерпаемые возможности использования экзотизмов в текстах массмедиа.

1. Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. *Коми-пермяцко-русский словарь*. М., 1985.
2. Беглова Е.И. Особенности функционирования экзотизмов в текстах современных печатных СМИ // *Верхневолжский филологический вестник*. 2019. № 1. С. 61–66.
3. Большая Российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/> (дата обращения: 26.11.2024).
4. Борисова Н.М. Экзотическая лексика языка саха в медиатексте (по материалам сайта «Якутия daily») // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2022. № 4(47). С. 14–18.
5. Варсановьева В.А. Географический очерк бассейна Уньи (окончание) // *Северная Азия: общественно-научный журнал*. 1929. № 4(28). С. 90–106.
6. Габдреева Н.В., Агеева А.В., Тимиргалеева А.Р. *Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода: монография*. М., 2013.
7. Крысин Л.П. *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. М., 2004.
8. Крысин Л.П. Заимствованные слова как знаки иной культуры // *Русский язык в школе*. 2007. № 4. С. 83–87.
9. Маринова Е.В. *Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования: дисс. ...д-ра филол. наук*. М., 2008.
10. Митягина В.А., Сидорова И.Г. Лингвистический фокус брендинга территорий // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология*. 2018. № 2. С. 42–51.
11. Мифы народов мира: Энциклопедия. Электронное издание / под ред. С.А. Токарева. М., 2008.
12. Олесова Г.И. Мансийские оронимы Северного Урала // *Вопросы топонимстики: Доклады кружка сравнительно-исторического языкознания* / под ред. А.К. Матвеева. Свердловск: Типолаборатория УрГУ, 1962. Вып. 1. С. 33–37.
13. Онлайн словари FU-Lab: лексикографический ресурс. URL: <https://dict.fu-lab.ru/about> (дата обращения 01.11.2024).
14. Онлайн энциклопедия Руниверсалис. URL: <https://руни.рф> (дата обращения: 05.11.2024).
15. Похлебкин В.В. Большая энциклопедия кулинарного искусства. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_pohlebkina/ (дата обращения: 27.11.2024).
16. Русско-калмыцкий словарь / сост. Б.Б. Басангов. М., 1940.
17. Рыкова Д.А. Функционирование экзотизмов в интернет-версиях журналов «Вокруг света», «Вояж» и «National Geographic Traveler» // *Гуманитарный акцент*. 2022. № 3. С. 69–81.
18. Стародубцева Е.А. Исследование функционирования культурных схем «Путешествие» / «Travel» в дискурсе // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2008. Специальный выпуск. С. 141–144.

19. Тодаева Б.Х. Я изучаю «Джангар». Калмыцко-русский словарь. Элиста, 2009.
20. Хужанова О.Т. Роль восточных названий животных и растений в создании языковой картины памятников деловой письменности // XVIII Виноградовские чтения. Сборник научных трудов. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2022. С. 102–105.
21. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Улан-Удэ, 2010.
22. Mikheeva N.F., Petrova M.G. On the Role of Loanwords in Modern Russian // Cuadernos De Rusística Española. 2020. Vol. 16. Pp. 115–130.

ПОЭТИКА И ЖАНРОЛОГИЯ / POETICS AND GENRE STUDIES

Б.П. Иванюк

B.P. Ivanjuk

ЖАНРОВАЯ СТИХОТВОРНАЯ КЛАССИКА ИНДИИ, КИТАЯ И КОРЕИ: СЛОВАРНЫЙ ФОРМАТ

GENRE POETRY CLASSICS OF INDIA, CHINA AND KOREA: VOCABULARY FORMAT

Статья репрезентирует на широком материале стихотворные жанры индийской, китайской и корейской поэтической классики. Прослеживается их генезис и персонифицированная история, их влияние на национальную и инонациональную жанровую традицию. Обозначены основные тематические мотивы жанров, их соотносительность с литературным и другими контекстами. Особое внимание уделено поэтике жанров, ее различным вариантам. По необходимости подчеркивается типологическое сходство с жанрами европейской поэзии.

Ключевые слова: махакавья, муктака, шатака, фу, цы, ши, акпу, каса, сиджо, хянга.

The article presents the poetic genres of Indian, Chinese and Korean poetic classics on a wide range of material. Their genesis and personalized history are traced, as well as their influence on the national and foreign genre tradition. The main thematic motifs of the genres, their correlation with literary and other contexts are outlined. Special attention is paid to the poetics of genres, its various variants. As necessary, the typological similarity with the genres of European poetry is emphasized.

Key words: mahakavya, muktaka, shataka, fu, qi, shi, akpu, casa, sijo, hyanga.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-70-76

Индийские жанры

МАХАКАВЬЯ (санскр. – большая поэтическая форма) – индийская средневековая описательная поэма.

Материалом служили эпические или мифологические сюжеты, заимствованные преимущественно из древних стихотворных эпосов «Махабхарата» и «Рамаяна» и преданий (пураны), литературными претекстами – поэмы «Жизнь Будды» и «О прекрасном Нанде» Ашвагхоши (I в. до н. э. – I в. н. э.).

М. относится к наиболее почитаемым и разработанным жанрам индийской поэзии: «Бой Кираты и Арджуны» Бхарави (VI в.), «Убийство Раваны» Бхатти (VII в.), «Похищение Джанаки» Кумарадасы (VII в.), «Убийство Шишупалы» Магхи (VII в.), вызвавшее

множественные подражания («Победа Хары» Ратнакары, IX в.; «Торжество Каппханы» Шивасвамины, IX в.), «Победа Наля» Васудевы (IX в.), «Тайна поэта» Халаюдхи (X в.), «Деяния Шрикантхи» Манкхаки (XII в.), «Рагхавы и пандавы» (сдвоенный сюжет «Рамаяны и «Махабхараты») Кавираджи (XII в.).

Образцовыми, вошедшими в золотой фонд национальной и мировой литературы, считаются «Рождение Кумары» (история бракосочетания Шивы и Парвати – родителей бога войны) и «Род Рагху» (о царской династии) Калидасы (V в.?).

Преимущественными и сплетенными в произведении темами М. как придворного эпоса – героическая (война) и любовная, которая может иметь и самостоятельное развитие (романизированная «Жизнь Нишадхи», XII в.). Разрабатываются сюжеты джатак (санскр. – рассказ о предыдущих рождениях Будды), к примеру, сингальские М. «Жемчужина поэзии» цейлонского царя и поэта XIII в. Паракрамабаху II и «Джатака о Кусе» Алагияванна (XVI–XVII вв.) – обе об одном эпизоде из жизни аватара Будды – царевиче Кусе.

К типичной поэтике М. как книжного эпоса относятся мозаичная композиция, состоящая из связанных общим сюжетом многообразных и многочисленных описаний (верхнего и нижнего миров, заселенных богами и демонами, героями-царями и их подданными, времен года и суточного цикла, придворного быта и природы, городов и дворцовых сооружений, баталий и праздников, фауны и флоры, любовных свиданий и винопития и т.д.), диалогических и жанровых вставок (панегирик, плач, утешение, диспут, послание), а также высокий стиль с использованием многочисленных украшений (аланкар) – формульных метафор и риторических фигур. М. – многочастная поэма, делящаяся на строфические песни (сарги – отсюда и второе название саргабандха, т.е. сочинение в саргах), каждая из которых написана другим стихотворным размером.

М. оказала влияние на жанр хвалебной поэмы монголкахбо (на мифологическом материале о богине змей Моноше «Сказание о Падме» Биджоя Гупто, XV в.; посвященная богине, покровительнице животного мира, «Песнь о благодарении Чонди» Мукундорама Чокроборти, XVI в.).

МУКТА'КА – индийский жанр-строфа, поэтическая миниатюра.

Стихотворный объем М. колеблется от 2-х до 6-ти строк.

Появляется (на санскрите) в Средневековье (VII–XII вв.), сменяя *шатаку*, и обычно сохраняется в многочисленных антологиях XI–XIV вв. («Сокровищница изящных речений» Видьякары, «Цепь изящных речений» Валлабхадевы, «Собрание стихов, составленное Шарнгадхарой» и др.).

Известные представители жанра – поэтесса IX в. Аувейар (книга «Слово зрелости»), поэтесса XIV в. Лал-дэд (религиозные «В жасминовый сад души своей Лалла вошла...», «О душа, не терзайся мирской суетой!», «Замкнула тела своего я девять окон и дверей...»), Б. Чаубе («Семьсот строф» – сборник двустиший с традиционными национальными мотивами любви, природы и пр., XVII в.).

ШАТА'КА (санскр. śataka – сто) – древнеиндийский лирический жанр.

Каноническое количество самостоятельных, к тому же полиметрических, строф (муктака) в Ш. – 100, объединенных одной темой при допустимом сплетении различных мотивов. В некоторых литературах Индии (телугу) разрабатываются сюжетные Ш., обычно мифологического происхождения, заимствованных из эпических «Махабхараты» или «Рамаяны» Вальмики.

Условно различаются: любовная Ш. («Амарушатаки» Амару и «Маюрашатака» Маюры, VII в.), религиозная («Чандишатака» – о злом из множества образов супруги Шивы – Баны, VII в.; «Сурьяшатака» – о боге Солнца – Маюры; буддийская «Шатака в честь Локешвары» Ваджрадхатты, IX в.; индуистская «Шантишатака» (санскр. шанти – покой) Шиглана, IX в.; «Сарвешварашатака» – название от одного из имен Кришны – «Повелитель

всех богов» – Аннамая, XIII в.; «Калахастившварашатака» – от одного из имен Шивы – Дхурджати, XVI в.) и др.

Легендарный поэт IV, V–VI (?) вв. Бхартрихари, оказавший влияние на индийские литературы, прежде всего, на языке телугу, вошел в историю жанра циклом «Три шатаки» («Шатакатрая»): о правильном поведении в земной жизни (артхе) «Шатака о мудрости житейской» («Нити-шатака»), «Шатака о любви» («Шрингара-шатака», посвященная богу любви Каме) и «Шатака об отрешении от мира» – дхарма («Вайрагья-шатака»).

Наследницей Ш. становится *муктака*.

Китайские жанры

ФУ – жанр китайской литературы, прозостихотворная поэма.

Ф. состоит из трех частей: вступительная – сюй (обозначались тема и мизансцена, завязывался диалог между автором и участниками), срединная (монологическое описание, изложение, пояснение и пр. автора) и завершающая – луань или сюнь (авторское заключительное слово), например, «Семь способов врачевания» Мэй Шэна (II в. до н. э.).

Поэтика и тематические приоритеты жанра, насчитывающего более 20-ти веков, корректировались. Ранние Ф., прежде всего, «ханьская ода» (по названию династии, правящей во II в. до н. э. – II в. н. э.) представляли собой преимущественно хвалебные произведения, посвященные императорам и их приближенным («Ветер» Сян Юя, III в. до н. э., «Поэма о Цзы-сюе», «Ода о великом человеке», «Там, где длинны ворота» Сымы Сянжу, II в. до н. э.), однако не ограничивались этой жанровой тематикой («Ода памяти Цюй Юаня» с мотивами плача по поэту IV–III вв. до н. э., покончившего с собой, философская «Ода сове» Цзя И, II в. до н. э.). Позднее возникают лирические, или «малые» Ф. (автобиографическое «Поднимаюсь на башню» Ван Цаня, II–III вв.; «Фу о красных скалах» Су Дун-по, XI–XII вв.).

Фу-традиция оказала влияние на поэзию вьетов. Вьетнамский аналог жанра – ритмизованная проза (ода «Белые тучи озаряют весеннее море» Кхыонг Конг Фу, VIII–IX вв.).

ЦЫ – жанр классической китайской поэзии.

Наследует юэфу (подражания древним народным песням, к примеру, «Три стихотворения на мотив "Желаю отправиться к Южным горам"» Цао Чжи, II–III вв.). Тексты Ц., преимущественно частной тематики и лирические по характеру, сочинялись на известные мелодии, указанные в названии стихотворений, и исполнялись под аккомпанемент музыкальных инструментов. Метрической основой жанра – урегулированное чередование стихов разной длины (от 2-х до 14-ти слогов/слов/иероглифов). Разрабатывался Ц. в двух вариантах: малый (сяолин) и длинный/медленный (чанцы).

Возникает, как и более регламентированный *шунь*, в VII в. (эпоха Тан), созревание приходится на X–XII вв. (эпоха Сун): «Флейты печальные звуки...», «Словно затканый в пряди тумана...» Ли Бо (VIII в.), «Я причесалась И спешу скорей...» и «Цветы абрикоса росой покрыты – хлопья снега ароматные...» (в форме женского монолога) Вэнь Тин-юня (IX в.), «Дела минувшие, могут вызвать только печали...», «Мечты меня Уносят далеко...», «Год и еще полгода в разлуке!» Ли Юя (X в.), «Иволги крики в ночи прервали о родине сны...», «Небесное благоуханье струилось, довольно вина и тепла...», «Листья банана в саду истрепал осеннего ветра порыв...» Фэн Янь-сы (X в.), «Инея блеск. А может...» Вэй Чжуана (Дуань-цзи, IX–X вв.), «Помню, как однажды, среди цветов, впервые увидел ее...», «Друг на друга глядели молча...» Оуяна Цзюня (IX–X вв.), «Сиянье луны и узоры инея...» Вэй Чжуана (IX–X вв.), «Свернула жемчужную занавеску...» (женский монолог) Ли Цзин (X в.), чанцы «Так холодно и тоскливо, что даже цикады озябли...», «На берегу дальнем две-три маленьких лодки...» Лю Юна (IX–X вв.), «Ласточки прилетели к празднику середины весны...», «Возле перил – хризантемы в тумане печальном...» Янь Шу (IX–X вв.), «Середина осени. Ясной луне, времени сколько уже?» Су Ши (Су Дун-по, XI в.),

«Путешествуя на севере, увидел цветущий абрикос» Чжао Цзи (XI–XII вв.), чанцы «Зеленые ивы, под небом ясным...», «Облака касаются плоских вершин...», «Душистое лицо румянами подкрашено ровно...», «Помню, печаль сковала брови в краске поблекшей...», «Горесть разлуки. *На реке, у моста, любимую провожал...*» Чжоу Бан-яня (XI–XII вв.), «Рассеянно держу в руках *pipá*, старую мелодию играю...» Хэ Чжу (XI–XII вв.), «Я один за судьбу отвечаю мою...» Синь Ци-ци (XII–XIII вв.), «С башни у реки гляжу сейчас вдаль, куда достану взглядом...», «Яшмовой плетью дважды взмахнул...», «Подтруниваю над Чжаном Чжуэн-юанем» Цзян Куя (XII–XIII вв.), писавшего и на собственные мелодии.

Жанр сохраняет продуктивность до XVII в. включительно: «Западный ветер дует над ледяным диском, заставляя его потускнеть...» Чэнь Вэй-суна (XVII в.), «Когда же кончится эта тоска?», «В ее саду мы стояли...» Налань Син-дэ (XVII в.), «Молодой месяц, Песня лебедя...» Чжу И-цзуня (XVII–XVIII вв.).

Встречается Ц. и как жанровая вставка: «Бабочка тоскует о цветке» в прозаической новелле (чуанци) «Удивительная встреча в западном Шу» (о девушке-лисе) Ли Сянь-Миня (XII в.), «Цвет персиковый на подушку пал...» в эротическом романе «Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти» Ли Юя (XVII в.).

На протяжении долгой истории Ц. претерпевал изменения. Так, Су Ши и его последователи-современники (Цинь Гуань и др.) изменяют традицию тематическим расширением жанра и отказом от музыкальной зависимости, что вызвало критику поэтессы младшего поколения Ли Цинчжао («Рассуждения о цы»), Ц. которой признаны совершенными («Ветер утих и цветы уж повсюду опали...», «Бокал глубокий выпила густого янтаря...»).

Основной жанровый опыт отражен в сборнике X в. «Среди цветов», в антологии «Избранные цы четырех сунских корифеев», собранной представителем чанчжоуской школы поэтов, автором теоретических «Рассуждения о цы» и «Разных заметок о цы из кабинета Цзечуньчжан» Чжоу Цзи (XIII–XIV вв.).

Ц. типологически сходна с европейским романсом, а производная от него жанровая форма цюй (напев) – с арией, ставшей компонентом драмы («Как круглая яшма, луна в ночи...» Юань Хаовеня, XII–XIII вв.; «На лотосах капли дождя, росинки на розах у стен...» Ма Чжюаня, XIII–XIV вв.; «Вышивать я устала, иголки в руках не держу...» Чжан Кэцзю, XIII–XIV вв.; «Далеко-далеко Устремилась чета журавлей...» Цяо Цзи, XIII–XIV вв.; «Слышно, сквозь шум бегущей воды где-то прятка стучит...» Гао Ци, XIV в.).

ШИ (кит. – стихи, лирика) – жанр китайской классической поэзии.

Представляет собой строфическое стихотворение из нескольких изоритмичных (цезурированных и рифмованных) стихов, сложенных, как правило, из 5-ти или 7-ми слов/слогов (иероглифов). «Половинные» Ш., состоящие из 4-х слов, именуются цзюэцзюй («оборванные строки»: «Один взмог на высокую гору, долго смотрю по восьми направлениям...» Люй Яня, VIII–IX вв.).

Происходит из народных, преимущественно четырехсловных, песен, собранных в «Шицзин» – «Книге песен» XI–XVI вв. до н. э., и становится наряду с **цы** и юэфу (подражание древним песням) традиционной и распространенной формой национальной поэзии. Как «уставные стихи» (гэлюйши) Ш. в отличие от цы характеризуется четкой структурой, к основным видам которой относятся:

– пятисловные четверостишия («Думы в ночной тиши. *Лег у постели ясный ли лунный свет?*» Ли Бо и «Написал на могильном храме дафу Сан Люя (Цюй Юаня). *Течет без конца, ↔¹⁶ без края Сянцзын-река...*» Дай Шулуя, VIII в.);

– пятисловные восьмистишия («Написал на стене дома чаньского наставника И-гуна. *Для созерцанья ↔ Вам нужна тишина...*» Мэн Хаожаня, VII–VIII вв.; «Проводил друга. *Зеленеет гора, там, где города северный край...*» Ли Бо, «Написал на стене кельи чаньского

¹⁶ Стиховой пробел между группами слов.

наставника из Сюань У. *Когда эти стены ↔ Ху Тоу покрыл узором...*» и «Смотрю на картину с пейзажем в стиле "горы и воды", которую Ли Гу преподнес моему двоюродному брату Сыма» Ду Фу, VIII в.);

– семисловные четверостишия («Переполнен радостью. *Предо мной устилает тропу ↔ белым войлоком пух тополей...*» Ду Фу; «Поздняя весна. *Деревья и травы знают, что скоро ↔ вернется опять весна...*» Хань Юя, VIII–IX вв.; «Иней под луной. *Умолкли цикады, лишь слышен ↔ гусей улетающих крик...*» Ли Шаньиня, IX в.; «Внезапно написал весенним днем. *К полудню редкие скользят ↔ по небу облака...*» Чэн Хао и «Первый день Нового Года. *В треске хлопушек ↔ ушел Старый Год...*» Ван Аньши, XI в.; «Весенняя ночь. *Тысячу золотом стоит весны ↔ эта лишь ночь одна...*» Су Ши (Су Дун-по, XI–XII вв.);

– восьмисловные четверостишия («Вторю стихам Цзя Чжи. *Пятая стража. Звуки капли ↔ солнца торопят алые стрелы...*» Ду Фу; «Вторю стихам Цзя Чжи. *Вот зорю глашатай на башне пропел, ↔ здесь время нельзя доверять петуху...*» Ван Вэя и «Вторю стихам Цзя Чжи. *Петух прокричал над Лиловой Аллеей, ↔ как будто зимою, заря холодна...*» Цэн Шэня, VIII в.; «Праздник Фонарей. *Гирлянды "яшмовых огней" ↔ к вершине горной поднялись...*» Цай Хуая и «Написал во время Праздника Фонарей на рифмы Гун Хэюя. *Снег весь растаял. В свете луны – ↔ Башня Бессмертных горит...*» Ван Хуна, XI в.; «Летний день. *В селе приречном долгим летом ↔ неспешно каждый день проходит...*» Чжан Вэньцзяня, XI–XII вв.; «Лунной ночью в лодке. *Отражается месяц в реке. ↔ Словно по небу лодка плывет...*» Дай Фугу, XII–XIII вв.).

Расцвет жанра приходится на эпоху Тан (нач. VII – нач. X вв.). Основной корпус текстов сохранился в изданном поэтом XII–XIII вв. Юань Хао-вэнем сборнике «Чжунчжоу цзи».

Жанр Ш. заимствует корейская средневековая поэзия на ханмуне (китайское письмо – вэньянь): «Дождь осенней ночью. *Ветру вослед печальные строки пою...*» Чхве Чхивона, IX в.; «Живу в горах. *Весна миновала; сотни цветов вокруг...*» Ли Инно и «Тому, кто подарил мне веер. *Чувства наши подобны прозрачной воде...*» Ли Гюбо, XII–XIII вв.; «Весна. *Дождь зарядил – тысячи капелек звон...*» Чон Монджу, XIV в.; «Думы. *Суетный мир мне опостылел давно...*» Кима Сисыпа, XV в.; «Ночь в горном храме. *Ночью в лесу – шорох опавшей листвы...*» Чон Чхоля, XVI в.; «Горный храм. *Храм стоит среди белизны облаков...*» Ли Даля, XVI–XVII вв..

Корейские жанры

АКПУ' (кит. юэфу – по названию предков корейцев) – жанрово-стилевое направление классической корейской поэзии.

Тематически ориентированное на древнюю историю, мифологию и фольклор, относится к поэзии ханси («китайские стихи»), создаваемой на ханмуне (корейская модификация китайского иероглифического литературного языка вэньянь) и на основе китайского стихосложения. Особый интерес к А. возникает в XVIII в. с его практической установкой на возрождение национального самосознания и культурной традиции (движение «Сирхак», деятельность «Собрания поэтов на горе Кёнджонсан»). В это время активно собирается, изучается и популяризируется стихотворное наследие на корейском языке, издаются антологии («Песни Страны зеленых холмов» Ким Чхонтхэка, «Песни Страны к востоку от моря» Ким Суджана). В понятие А. входят и псевдофольклорные стилизации, и переводы на ханмун корейских поэтов, писавших в традиционных жанрах *сиджо* и *каса*, и оригинальные произведения, соответствующие народной тематике и поэтике (стихотворные сборники Ли Ика «Акпу Сонхо», Лим Чхонтхэка «Акпу Страны, что к востоку от моря», Ли Гванса «Акпу Восточного государства», Хон Нянхо «Короткие напевы Страны зеленых холмов», *цикл* Ан Джонбока «Пять произведений в стиле акпу» и др.).

КА'СА («песенные строфы») – жанр средневековой корейской поэзии, поэма.

Источником К. были **хянга** и сказовая народная песня каё. Складывается из распевных, преимущественно астрофических, стихов, разделенных на два полустишия из двух четырехсложных стоп.

Основоположником жанра стал Чон Гыгин, сочинитель популярной, написанной на корейском языке, а не на ханмуне (кореизированном китайском) «Песни о наслаждении весенним пейзажем» (XV в.). Жанрового совершенства К. достигает в творчестве поэта XVI в. Чон Чхоля (Сонгана), автора любовного цикла «Тоскую о милом» и «Продолжаю тосковать о милом», оказавшего влияние на разработку «женской касы» (кюбан каса) с типичными мотивами женской доли («Тоска на женской половине дома» поэтессы XVI в. Хо Нансорхон, «Отвечаю на шутку по поводу забав с рисовыми лепешками» поэтессы XVIII в. Андон Квон си, анонимные – «Плач женщины», «Могила вдовы», шутливая «Желтый петушок»).

Жизненное значение К. подтверждается ее тематикой, отражающей национальную историю, природу, народную жизнь: пейзажные К. «Квандонские напевы» и «Сонсанские напевы» Чон Чхоля, «Великое благоденствие» (о морской победе над Японией), «Песня о мире», биографические «Песнь о местечке Ноге» и «Слово о глухом переулке» Пака Инно (XVI–XVII вв.), дидактическая «Книга наставлений для женщин» Сон Сирёля (XVII в.), травелоги «Путешествие в Японию» (путевые записки, или кихен-каса) Ким Ингёма и «Скитания по морю» Ли Баника (XVIII в.), любовные К. (эчжон-каса) неизвестных авторов «Разлука», «Сердце надывается», «Любовная тоска».

СИ'ДЖО, СИ'ЧЖО («песни времен года» или «современные напевы») – жанр классической корейской поэзии.

Происходит от древнекорейского жанра **хянга** («песни родного края»), от которого он унаследовал поэтический стиль и музыкальное сопровождение (поэтому С. классифицировались в антологиях по музыкальному принципу). С. сформировался в кон. XIV в. Как и **каса**, классические С. исполнялись на родном языке в противовес «иероглифической» литературе на языке ханмун (кореизированный китайский письменный язык веньянь). Создание национальной письменности (сер. XV в.) способствовало дальнейшему развитию С.

С. представляет собой стихотворение из трех длинных строк, ритмическая структура которого создается, во-первых, сильной цезурой, разделяющей каждый стих на два полустишия, во-вторых, слабой цезурой, выделяющей в каждом полустишии два неровносложных ритмико-интонационных периода (условные стопы), характеризующиеся относительной – содержательной и синтаксической завершенностью. Л. Концевич вывел числовую формулу урегулированного, так называемого пхён-С., где цифра означает слоговой объем «стопы»:

3 4 // 3 / 4 4

3 4 // 3 / 4 4

3 5 // 4 3

Существуют отклонения от этой метрической нормы (количество слогов в «стопе» может колебаться от 2-х до 6-ти), но начальная «стопа» третьей строки обязательно должна быть трехсложной, а вторая – удлиненной (не менее 5-ти слогов). Ритмичность С. усиливается звуковыми повторами (преимущественно в конце начальных «стоп» и полустиший), а также так называемой «эмбриональной» рифмой. К типичным признакам С. относятся наличие образного параллелизма и композиционная четкость в распределении содержательного материала между стихотворными строками: первые две развивают тематический мотив, последняя – придает ему смысловую завершенность.

В тематическом плане различают: патристические С. (С. поэтов-воинов с исповедуемым ими конфуцианским идеалом верности долгу – Ким Джонсо, XIV–XV вв.; Нам И, XV в.), С., относящиеся к пейзажной лирике (канхо), или «поэзии рек и озер» (Ди

Хёнбо, XV–XVI вв.; Ли Хван, Ли И, XVI в.; Ким Гванук, XVI–XVII вв.), любовные С. (Чон Чхоль (Сонган), XVI в.; Чу Нисик, XVII в.; Ким Самхён, XVII–XVIII вв.; особенное значение любовные С. достигли в творчестве поэтесс-кисен (гетер) XVI в. Хван Джини (Мёнволь) и др.). Создавались и циклические С. (ос-сиджо) со сквозным тематическим мотивом («Двенадцать напевов Тосана» Ли Хвана, «Мелодии, оставшиеся от Селения каштанов» Кима Гванука; цикл из сорока С. «Времена года рыбака», мини-цикл «Пять друзей», входящий в цикл «Новые песни в горах» Юн Сондо, XVI–XVII вв.). В XVI–XVII вв. возникает такая жанровая разновидность С., как чан-сиджо («длинное» С.) с его общей установкой на демократизацию тематического репертуара, на повествовательность (сосоль-С.) и на ритмическую вольность: Чон Чхоль, позднее Ким Чхонтхэк, Ким Суджан, Ли Джонджин (XVIII в.), Ким Минсун (XIX в.). Это приводит к изменению жанрового канона С., а именно, к ослаблению «условного рефлекса» между планами изображения и выражения, в частности, к сознательному игнорированию традиционных образов и устойчивых стилистических формул.

Наивысшего развития С. достигает в XVI–XVIII вв. (антология XVIII в. «Неувядаемые слова Страны зеленых холмов», составленная поэтом Ким Чхонтхэком), после чего выходит из активного употребления, хотя и встречается в поэзии XX в. (Мён Донук, Ким Гванхён).

ХЯ'НГА (кор. – родные песни, песни родных мест) – жанр древнекорейской поэзии.

Возникла как шаманское заклинание для исцеления от болезней, повышения плодородия, изгнания духов и пр., и это ее магическое предназначение надолго сохранится в литературной истории жанра: «Песня о комете» Юна, VI–VII вв.; заупокойная молитва о сестре «Жизни и смерти стезя была пред тобой...» Вольмёна, VIII в.; «Песня Чхоёна» (от лихорадки) Чхоёна, IX в..

Название жанра наследует этимологию сэнэн-норэ или санвега («песни Востока») и появляется для первичной самоидентификации национальной поэзии, отличной от китайской (танси, «танские стихи»), но пользующейся адаптированными к корейскому языку китайскими иероглифами (хянчхаль). Ранняя Х. представляла собой стихотворение от 4-х до 10-ти неравносложных стихов, каноническая – из 3-х строф (ку): 4+4+2 строки по 6 иероглифов (мён) в каждой. В первой строфе обозначалась тема, вторая ее разрабатывала, третья – завершала, что в целом соответствовало общему для корейской поэзии композиционному принципу организации текста (ки-сын-чон-кель). Первые две строфы исполнялись соло, третья – хором.

Различают Х. светскую (о наставниках – «Песня о хваране Чукчи» Тыго, VII в., и «Песня о хваране Кипха» Чхундама, VIII в.; «Песнь о том, как умиротворить народ» Чхундама, «Песня о туге» Синчхуна, VIII в., анонимная «Песня о разбойниках», VIII в., «Ветер с Востока» Чхе Чхивона, IX в.) и религиозную, например, «Постоянно следуя учению Будды», «Молю о том, чтобы повернулось Колесо Закона» поэта и монаха Х в. Кюнё, тексты которого, воспроизведенные позднее в «Житии Кюнё» (XI в.), не только исполнялись в буддийских богослужениях, но и были домашним оберегом.

В Х., ее тематике и поэтике, отражены национальные ритуалы, верования, этические предписания и мифы. Х. оказала влияние на *сиджо*.

О.Н. Аникина
O.N. Anikina

СИСТЕМА ОБРАЗОВ И МОТИВОВ В КНИГЕ СТИХОВ ШЕРВУДА АНДЕРСОНА «MID-AMERICAN CHANTS» (1918)

THE SYSTEM OF IMAGES IN SHERWOOD ANDERSON'S BOOK OF POEMS "MID-AMERICAN CHANTS" (1918)

Статья посвящена анализу системы образов в книге стихов Шервуда Андерсона «Mid-American Chants» (1918). Исследуется влияние поэтического опыта Андерсона на его последующее прозаическое творчество; рассматриваются связи образов и мотивов с новеллами из книги «Уайнсбург, Огайо». Акцентируется наличие гражданского посыла в поэтических текстах Шервуда Андерсона, что может быть проявлением наследования Андерсоном традиций Уолта Уитмена. Рассматриваются ключевые образы и мотивы сборника, их связь с литературной традицией и новаторство автора в контексте американской литературы начала XX века. При оценке взаимодействия образов между собой в статье также уделяется внимание результатам корреляционного анализа, примененного как вспомогательный статистический метод. Выявляется тесная связь между образом гротеска и мотивом насилия; между образом рук и мотивом немоты.

Ключевые слова: поэзия Шервуда Андерсона, проза Шервуда Андерсона, американский модернизм, литературные влияния в американском модернизме, гротески, корреляционный анализ, Уолт Уитмен, система образов и мотивов в поэзии.

This study examines the system of images in Sherwood Anderson's poetry collection "Mid-American Chants" (1918), exploring its influence on his subsequent prose works, particularly "Winesburg, Ohio." The research highlights Anderson's civic message in his poetry, potentially reflecting Walt Whitman's influence. Key images and motifs are analyzed within the context of early 20th-century American literature, revealing both traditional connections and innovative approaches. A correlation analysis of images and motifs yields significant insights, including strong links between grotesque imagery and themes of violence, as well as between hand imagery and motifs of muteness. These connections provide a deeper understanding of Anderson's poetic world and its relationship to his prose. The study demonstrates how Anderson's poetic experience shaped his unique literary style, bridging the gap between poetry and prose in American modernism. By examining "Mid-American Chants," this research offers new perspectives on Anderson's artistic development and his contribution to American literature.

Key words: Sherwood Anderson, Mid-American Chants, American Modernism, Poetic influence, Grotesque, Correlation analysis, Walt Whitman, Literary symbolism.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-77-84

Шервуд Андерсон (1876–1941) известен прежде всего как прозаик, однако его поэтическое творчество сыграло значительную роль в формировании его уникального стиля. Сам Андерсон отмечал важность своего поэтического опыта для развития прозы: «Несколько лет назад я написал маленькую книгу "Песни Срединной Америки", и она была тем самым импульсом, который способствовал появлению "Уайнсбурга", "Бедного белого" и "Триумфа яйца". В течение двух других лет я работал над другой своей книгой, которую я назвал "Новый завет", и он прямо повлиял на роман "Многие браки", 1923» [1, 290]. Сборник «Mid-American Chants» (1918) стал важным этапом в творческой эволюции Андерсона, однако долгое время оставался недооцененным литературоведами. Только в 60-е годы XX века исследователи обратили внимание на поэтические истоки прозы Андерсона, что совпало с возрождением интереса в США к технике свободного стиха в американской поэзии [4].

Сборник стихов «Mid-American Chants» создавался в период активного развития свободного стиха в американской поэзии. Исследователь D. Stuart рассматривает стихи Андерсона в контексте «традиции стихотворения в прозе, написанного в свободной форме (looseform), идущей от Уолта Уитмена и основанной на каденции повседневной речи» [9, 45]. Эта традиция была продолжена такими поэтами, как Карл Сэндберг, Артуро Джованнитти, Уильям Карлос Уильямс и Эми Лоуэлл [4], [9].

И хотя современниками Андерсона его поэтическое творчество было воспринято скептически, в последующие годы интерес к книге стихов американского классика вырос. Так, Томас Уилсон пишет: «Повествовательные приемы, которые Андерсон разработал в "Mid-American Chants", в частности его способность создавать отчетливые, запоминающиеся «речевые портреты» ("voices") для своих поэтических персонажей, напрямую повлияли на полифоническую повествовательную структуру "Winesburg, Ohio". Переход от поэтических к прозаическим "речевым портретам" представляет собой естественную эволюцию нарративного дарования Андерсона» [10, 316]. Интерес к стихам Шервуда Андерсона в 60-е годы прошлого века, возможно, обусловлен тем, что в этот период интерес к свободному стиху переживает новый виток благодаря, во-первых, выходу в свет антологии новой американской поэзии под редакцией Дональда Аллена «The New American Poetry 1945–1960» [14, 5] и возникновению в Америке новых поэтических школ: Школы «Блэк Маунтин», Нью-Йоркской школы, Сан-Францисского ренессанса.

Стихи к Андерсону пришли зимой 1917 года, после возвращения из Нью-Йорка, где писатель с головой окунулся в бурную литературную жизнь, познакомился и подружился с группой издателей журнала «Seven Art». Уолдо Фрэнк и Натаниэл Брукс, издатели, выразили надежду на то, что благодаря Андерсону проза американской провинции приобретет новое звучание. Уолдо Фрэнк пишет о визите писателя в редакцию: «Он явился с Запада с кукурузными полями в ладонях и с небосводом поперек лба» [2, 156]. Однако Андерсон в переписке сообщает другу и издателю Уолдо Фрэнку, что пишет не прозу, а стихи, вернее, песни – Chants [7].

Мы также обращаем внимание на использование слова *Chants*, а не более употребимого *Songs*. Название книги обусловлено семантикой слова *chant*, имеющего французское происхождение, и ближе к понятию 'псалом', 'песнопение', 'напев', нежели к *song* – 'песня', 'баллада'. Упоминание в названии Срединной Америки также играет важную роль: кроме прочего, с помощью книги стихов Андерсон пытался сформировать обращение ко всем жителям страны, призывая их отказаться от бездумного стремления к индустриализации («Song of the Industrial America») и от войн («Mid-American Prayer») и мысленно обратиться к тем временам, когда люди «ведали древние тайны» [3, 39]. Идея, что именно на Западе, в периферийных районах Америки, живут люди, наделенные большим потенциалом и пассионарностью [16], была очень распространена в конце XIX – начале XX века. Немалую роль в формировании такого отношения к жителям фронта

сыграл Уолт Уитмен, писавший про людей «рожденных в страсти земель, простых, без натянутости, без покорности <...> из сердца Америки» [17, 128].

Влияние Уолта Уитмена на поэзию Андерсона было огромным. Как и автор «Leaves of Grass», Андерсон стремится создать всеобъемлющий образ Америки, охватывающий как ее величие, так и противоречия. В «Mid-American Chants» мы находим переклички с книгой Уитмена в использовании свободного стиха, каталогизаций и экспрессивных обращений лирического героя к читателю [3, 15–22]. Также Андерсон пользуется приемом Уитмена, обращаясь к читателю от имени персонажа – «маски», как, например, в текстах «The Beam», где автор пишет от имени луча света; в «Night Whispers» – от имени мертвого ребенка, в «Song of the Drunken Businessmen» – от имени пьяного горожанина, в «Song of the Bug» – от имени жука.

Но чаще всего в книге «Mid-American Chants» Шервуд Андерсон обращается к читателю от имени Американского Пророка – персонажа, который, свидетельствуя сам о себе, говорит, что он «послан, чтоб поселить любовь в сердцах моего народа» [3, 11].

В «Mid-American Chants» вошло 49 текстов, написанных в разных художественных формах: версе (строфически организованная стихоподобная проза, единицей которой выступает малая однофразовая урегулированная строфа [13, 180]), стихи, а также прозиметрия – сочетание версе со стихотворным рефреном («Song of Industrial America», «Song of Stephen the Westerner» «Song of the beginning of the Courage»).

В начале книги преобладают тексты, написанные в форме версе, тогда как в финале преобладают стихи – тексты, единицей организации которых выступает короткая строка, при чтении сопоставляемая с другими строками по вертикали. Строки (отдельные стихи) могут как совпадать, так и не совпадать с границами фраз, что создает потенциальную возможность конфликта ритма и смысла [13, 17]. Таким образом, по ходу книги мы можем наблюдать трансформацию организации художественной формы – от строфической к строчной; от формы версе, в которой текст развертывается в большей степени по горизонтали, чем по вертикали – к стихам, в которых устанавливается количественно больше вертикальных парадигматических семантических связей.

Если в качестве основного объединяющего все тексты книги признака рассматривать наличие персонажа, от чьего имени автор обращается к читателю, тексты книги «Mid-American Chants» мы можем разделить на несколько групп:

- баллады-проповеди Американского Пророка, содержащие сюжетный рассказ о предшествующей жизни Американского Пророка (в том числе баллады с ослабленным сюжетом): «The Cornfields», «Chicago», «Song of Sedric the Silent», «Song of the Beginning of Courage», «Song of The Theodor», «Manhattan», «Revolt», «Salvo», «Song to The Laught»;
- проповеди Американского Пророка, не содержащие сюжетного рассказа; важную часть текста составляет экспрессивное обращение к собеседнику либо короткий гражданский призыв: «Song of Industrisl America», «Song of the Break of Day», «Revolt», «Spring Song», «Industrialism», «Chant to Dawn in a Factory Town», «Song to the Sap», «Rhythms», «Hosanna», «Evening Song», «Song of the Singer»;
- тексты от имени Американского Пророка, не содержащие ни конкретного сюжетного рассказа, ни патетического призыва, насыщенные лирическими образами: «Song of the Middle World», «The Stranger», «Song of the Love of Women»;
- обращение к читателю ведется от имени Американского Пророка («Night», «Song of the Soil of Chicago»), однако сами тексты представляют собой гражданскую лирику с отчетливым посылом, отражающим политические взгляды автора;
- тексты, написанные от имени другой «маски» (кроме Американского Пророка): «Song of the Drunken Businessmen» (пьяный горожанин), «Song of the Bug» (маленький жук), «The Beam» (луч света), «Night Whispers» (мертвый ребенок), «Hosanna» (маленький беспризорник), «We Enter In», «Digre of War» (погибающие на войне солдаты), «Little Song to a Western Stateman» (американский чиновник);
- тексты, в которых невозможно точно определить персонажа, от чьего имени ведется высказывание; это могут быть как стилизации под бытовые и обрядовые песни («The

Lillaby», «The Forgotten Song»), так и лирические стихи, связанные с личными переживаниями автора: «Unborn», «A Visit», «Reminiscent Song», а также любовная лирика («Reminiscent Song»).

Как видим, чаще всего в текстах книги «Mid-American Chants» речь ведется от имени Американского Пророка. Однако сам «Пророк» у Андерсона является персонажем, чей характер, эмоциональный вектор и речевые характеристики меняются на протяжении книги. Кроме того, что он носит различные конкретные имена (Стефан/Стивен, Седрик, Теодор), в разных текстах этот лирический герой имеет разный психологический склад характера – от величественного, подобно библейским патриархам, гордо несущего свое предназначение героя стихотворений «Cornfields» и «Manhattan»; до страстного, воспевающего плотскую любовь «Song of Theodor», «Stranger», «Song of the Mating Time»; от мятущегося и способного на насилие фермера и горожанина («Salvo», «The American Spring Song», «The Song of the Stephen Westerner») до эмпатичного поэта, чье призвание – объединять людей с помощью песни («The Song of the Singer», «The Evening Song»). Анализируя проявление этого ключевого образа в разных текстах книги, мы пришли к выводу, что неоднородность этих проявлений позволяет нам разделить образ «Пророка» на три ипостаси: *Древний Пророк*, *Гротескный Пророк* и *Певец*. Такие трансформации, происходящие с образом «Американского Пророка» в книге «Mid-American Chants», отражает развитие поэтического голоса Андерсона и его поиск новых форм выражения американского опыта. Важно отметить, что Андерсон, хоть и пишет от имени Пророка, не утверждает при этом, что сам является таковым. В этом образе воплотилось не желание Андерсона быть одновременно рупором эпохи и наставником нации, а ощущение необходимости существования подобного пророка – после Уитмена.

I awoke and the bands that bind me were broken. I was determined to bring love into the hearts of my people. The sacred vessel was put into my hands and I ran with it into the fields. In the long cornfields the sacred vessel is set up («Cornfields» [3, 39]).

Я проснулся, оковы мои распались. Я был послан, чтоб любовь поселить в сердцах моего народа. Я держал в руках священный сосуд, я бежал с ним в поля. В ширь полей, где воздвигнут священный сосуд.

От имени «Древнего Пророка» написана большая часть текстов первой трети книги (по форме художественной речи преимущественно это версе); от имени Певца – основная часть текстов последней трети книги (по большей части это стихи); в середине книги встречаются и те и другие тексты.

Образ Певца у Андерсона тесно связан с образом Песни как воплощения возрождения и воскрешения нации. Например, в стихотворении «Song of the Singer» Андерсон обращается к идее поэтического призвания в эпоху всеобщей немоты:

Sing.
Dare to sing.
Kiss the mouth of song with your lips.
In the morning and in the evening
Trust to the terrible strength of indomitable song [3, 82].

Пойте!
Пытайтесь петь.
Целуйте губы песни
Ранним утром и вечером
Доверьтесь силе песни нерушимой.

Ключевой идеей творчества Андерсона, нашедшей отражение как в «Mid-American Chants», так и в «Winesburg, Ohio» является концепция гротеска. Согласно Андерсону, каждый человек в течение жизни выбирает одну или несколько истин, которые становятся основой его мировоззрения. Однако, когда человек пытается жить, руководствуясь только этими истинами, он превращается в гротеск – искаженную версию самого себя [12, 20–22].

Экспрессивного и агрессивного персонажа книги «Mid-American Chants», фигурирующего в текстах «The American Spring Song» и «Song of the Stephen Westerner», мы обозначили как «Гротескного Пророка». Он заиклен на собственной идее избранности, и поэтому герой первого из указанных текстов – сначала набрасывается с кулаками на каждого встречного прохожего, а потом создает для людей божка из городской и речной грязи; второй, по имени Стефан (или Стивен) убивает свою возлюбленную, принося ее в жертву древним божествам. Оба «Гротескных Пророка» совершают бессмысленное насилие, мотивируя его высокими целями.

Мотив насилия в книге «Mid-American Chants» связан не только с образом Гротескного Пророка, но и с образом войны как таковой («War», «Mid-American Prier»). Война, о которой Андерсон пишет в своих антивоенных стихах («We Enter in», «Dirge of War») также приобретает утрированные, гротескные черты и выражается через противопоставление ключевых образов кукурузных полей (обращение к «прекрасному прошлому») и грязи, дыма, смерти:

Do we not know that we ourselves have failed?
Our valleys wide, our long green fields
We have bestrewn with our own dead.
In shop and mart we have befouled our souls.
Our corn is withered and our faces black
With smoke of hate. "We Enter In"[3, 73].

Неужто наш просчет не ясен нам?
Долины и широкие поля
Усеяли мы трупами своими.
На рынке души продали давно.
Лицо в грязи, погибла кукуруза,
Все в злобе, будто в дыме.

К одним из наиболее устойчивых поэтических образов Андерсона относится образ Кукурузных Полей как символ американского Среднего Запада, его традиций и ценностей [8, 250–255]. Так, в стихотворении «Cornfields» кукурузные поля как символ жизненного плодородия являются местом существования поэта-Древнего Пророка, и в этом контрастируют с индустриальными пейзажами Америки, появление которых в стихах Андерсона сопровождается упоминанием о тьме, грязи, дыма, копоти, смерти и истощении («Industrialism», «Song th the Laught», «Mid-American Prier»).

С гротескным образом грозной Печальной Богини, с образами тьмы, ада, смерти, истощения, насилия, безумия, грязи, насилия связан у Андерсона образ индустриальной Америки, страны, в которой люди, забывая о прошлом, идут к неясному будущему, и будущее связано преимущественно с городами, фабриками и заводами. В стихотворении «Industrialism» Андерсон создает гротескный мрачный образ индустриальной Америки:

In the long houses of hate,
Through the long hours of the endless day,
Over the fields – her black hair flying –
My mistress
Terrible

Gigantic
Gaunt and drear [3, 31].

В лонгхаузах ненависти,
На протяжении долгих часов нескончаемого дня,
укрывая поля – развеваются черные волосы
твои, моя госпожа,
чудовищная,
огромная,
истощенная и печальная.

Как справедливо отмечают многие литературоведы, ключевым в прозаическом и поэтическом творчестве Андерсона, является образ Рук [8], [15], который часто связан с темой человеческого общения; нередко Андерсон эротизирует этот образ (новелла «Руки» из книги новелл «Winesburg, Ohio» [12, 23–30]. В «Mid-American Chants» руки выступают как метафора человеческой коммуникации. Человеческая сила и слабость также показаны Андерсоном через образ рук.

I am become one with you. I am old. I am tired.
Watch my hands how they slip. One by one the fingers
let go. "Lillaby". [3, 24].

Я сливаюсь с тобой. Я так стар. Я устал.
Посмотри, мои руки слабеют. Разжимаю я пальцы один за
другим.
(«Колыбельная»)

Мотивы в книге Андерсона «Mid-American Chants» в большинстве своем имеют широкую встречаемость в мировой культуре.

Одним из ключевых мотивов сборника является мотив поиска и самоопределения, который тесно связан с проблемой американской идентичности. Этот мотив прослеживается в таких стихотворениях, как «American Spring Song», «Song of the Beginning of Courage», «Song of The Theodor».

Важную роль в сборнике играет мотив трансформации, перехода из одного состояния в другое; к нему примыкает мотив сокрытия тайны под оболочкой. Этот мотив станет ключевым в книге «Triumph of the Egg...», однако в книге «Mid-American Chants» он также играет большое значение. Именно Древнему Пророку, а также Пророку-Певцу свойственно качество сокрытия внутри себя некой «иной ипостаси». Как Андерсон пишет в авторском предисловии к сборнику «Mid-American Chants»: «The singer is neither young nor old but within him always there is something that is very old» [3, 7]; «Певец не молод и не стар, но внутри него всегда есть что-то очень древнее». Этот же мотив сокрытия тайны под внешней оболочкой присутствует в книге «Уайнсбург, Огайо»; например, в новелле «Книга о гротескных людях»: «Старый писатель напоминал собой женщину, но внутри у него был не ребенок, а юноша» [12, 20].

Мотив немоты, одиночества и отчуждения, характерный для творчества Андерсона в целом, находит свое отражение и в «Mid-American Chants». Он особенно ярко проявляется в стихотворениях, посвященных городской жизни и индустриализации: «Manhattan», «Revolt», «Salvo», «Song to The Laught».

Важное место занимает Мотив циклического времени и смены сезонов, который связан с идеей обновления и возрождения. Этот мотив особенно заметен в стихотворениях, посвященных природным циклам и сельскохозяйственному труду («The Planting», «Chant to Dawn in a Factory Town», «Song to the Sap»).

Результаты корреляционного анализа образов и мотивов в сборнике «Mid-American Chants» выявили ряд интересных взаимосвязей:

Сильная корреляция ($r=0,48$) обнаружена между образом рук и определенной степенью «немоты» персонажа, проявленной как невозможность или неумение говорить о чем-то важным и существенном. Это подчеркивает важность невербальной коммуникации в условиях, когда вербальное общение затруднено или невозможно и указывает на тесную связь между невербальной коммуникацией и трудностями самовыражения, что является ключевой темой в творчестве Андерсона.

Тесная связь ($r=0,44$) выявлена между образом Древнего Американского Пророка и образом Старика, а также между образом Древнего Пророка и мотивом Пробуждения ($r=0,38$). Это подчеркивает важность темы духовного обновления и поиска мудрости в сборнике. Связь между образами Древних Богов и Кукурузных Полей ($r=0,54$) может представлять собой попытку мифологизации Андерсоном всего Среднего Запада, добавляя в обычный сельскохозяйственный пейзаж элемент вневременности и универсальности.

Высокая корреляция ($r=0,5$ и $0,55$ соответственно) наблюдается между появлением персонажа-Гротескного Пророка и элементами насилия или грубости, а также Гротескного Пророка и городской грязи, пыли, копоты. Это отражает идею Андерсона о грубости или незрелости американского общества, выраженную в его эссе «Apology of Crudity».

Анализ системы образов в книге стихов «Mid-American Chants» позволяет лучше понять истоки уникального стиля Шервуда Андерсона и его роль в развитии американской литературы начала XX века. Корреляционный анализ помогает выявить неочевидные, но глубокие взаимосвязи между ключевыми образами и мотивами сборника, что подчеркивает сложность и многогранность поэтического мира Андерсона. Его творчество глубоко укоренено в американском Среднем Западе, но при этом стремится к универсальным темам и мифическому резонансу. Его техника создания собственного «мифа» путем соединения ряда ключевых образов и формирования ряда сюжетов на основе мотивов, традиционных в мировой культуре, демонстрирует модернистский подход к повествованию и созданию новых смыслов из материала, по большей части уже присутствующего в культуре.

Корреляции между различными образами и мотивами – такими как кукурузные поля и древние боги, гротескный пророк и городской упадок, руки и немота — предоставляют статистическую основу для понимания повторяющихся тем и символических структур в творчестве Андерсона. Эти ассоциации предлагают новые возможности для интерпретации его текстов и понимания его вклада в американскую литературу. И хотя статистические корреляции сами по себе не могут охватить всю сложность литературного произведения, они могут предоставить ценные идеи, которые дополняют традиционные методы внимательного чтения. Мы полагаем, что представленный в статье подход к изучению поэзии Шервуда Андерсона открывает дополнительные возможности для интерпретации как структуры других произведений Андерсона, так и их образного ряда, а также позволяет рассмотреть творчество Андерсона-поэта в социально-историческом контексте и в контексте индивидуально-творческого пути американского классика.

1. Anderson Sh. Letter to Ben Huebsch. (February 17, 1922) // Jones, Howard Mumford, and Walter B. Rideout, editors. *Letters of Sherwood Anderson*. Boston, 1953.

2. Anderson Sh. An Apology for Crudity // *The Dial. A Fortnightly Journal of Literary Criticism, Discussion and Information*. Chicago: The Dial Publishing Co. 1917. Vol. 63. Nov. 8, 1917.

3. Anderson Sherwood, *Mid-American Chants*. N.Y.: John Lane Company; London, 1918.

4. Delvill M. *The American Prose Poem: Poetic Form and the Boundaries of Genre*. Gainesville: University Press of Florida, 1998. Vol. 7, Article 58. URL: <https://digitalcommons.providence.edu/prosepoem/vol7/iss1/58> (дата доступа: 17.02.2025).

5. Ingram F.L. *Representative Short Story Cycles of the Twentieth Century: Studies in a Literary Genre*. The Hague, 1971.
6. Johnson Emily. *Midwestern Archetypes in Anderson's Early Works*. *Midwest Literary Review*, Vol. 22, No 3, 2019.
7. Jones Howard Mumford, Walter B. Rideout, editors. *Letters of Sherwood Anderson*. Boston, 1953.
8. Rideout W.B. *Sherwood Anderson: A Writer in America*. Vol. 1. Madison, 2006.
9. Stuart D. *Sherwood Anderson's Poetry: An Introduction and a Selection* // *Midwest Quarterly*. 1962. Vol. 3. No. 4. P. 327–338.
10. Wilson Thomas. *From Chants to Stories: The Evolution of Anderson's Narrative Voice*. *Narrative*, Vol. 26, No. 3, 2018, P. 299–317.
11. Yingling T. *Winesburg, Ohio and the End of Collective Experience*. *New Essays on Winesburg, Ohio*, ed. by J.W. Crowley. Cambridge, 1990. P. 99–128.
12. Андерсон Ш. Рассказы: пер. с англ. / под ред. Д.М. Горфинской. М.; Л., 1959.
13. Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. М., 2002. С. 180–181.
14. Разгулина Л. Поэты Блэк-Маунтин / От «Черной горы» до «Языкового письма». *Антология новейшей поэзии США* / под ред. В.В. Феценко. М., 2022. С. 19–35.
15. Салманова Е.М. Бегство из хаоса / Шервуд Андерсон. В ногу! Дополнения. СПб., 1997. С. 365–418.
16. Тернер Ф. Дж. *Фронтир в американской истории*. М., 2009.
17. Уитмен У. *Листья травы*. М., 1982.

С.В. Жилияков
S.V. Zhilyakov

**РЕМИНИСЦЕНТНАЯ ПОЭТИКА СТИХОТВОРЕНИЯ «ПАМЯТИ...»
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX–XXI ВЕКОВ)**

**REMINISCENT POETICS OF THE POEM "IN MEMORY..."
(BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN POETRY OF THE XIX–XXI
CENTURIES)**

*Типологическое осмысление стихотворений под общим заголовком «Памяти...» предполагает выявление в них общего основания на разных уровнях структурно-семантического единства текста. Как показывает обзорный анализ ряда представленной стихотворной типологии, в качестве его универсального компонента выступает реминисцентное начало, которое в поэтике жанрового поминального произведения «Памяти...», посвященного поэту, оказывается принципиальным и симптоматическим. Под реминисцентным началом (в данном случае в самом общем виде) понимается то, что в стихотворениях указанного жанрового ряда присутствует некая структурно-содержательная составляющая текста, которая в обязательном порядке несет в себе воспоминание об адресате произведения посредством высказанных им же элементов или фрагментов текста, оформленных языковых оборотов, по которым и узнается объект поэтического посвящения – первоначальный производитель (источник) лирической речи. Реминисцентный способ воссоздания черт и личностных характеристик объекта поминальной рефлексии, переданных и составленных субъектом лирической речи его же (объекта) прижизненных высказываний, пронизывает собой идейно-тематическое существо поэтики стихотворения «Памяти...», как и то, что анамнестическая (от древнегреч. *anamnesis* – воспоминание) архитектоника произведения настраивает на организацию коммуникативной установки, связующей лирического субъекта (адресанта) и адресата на том непривычном для большинства жанров принципе, предполагающем условие поминания объекта его же словами. Причем это происходит не только по этической причине, подразумевающей уважение и пиетет к персоне поминаемого посредством воспроизведения в речи его как бы живого присутствия, сколько по тому, что оно, последнее, является следствием одной из важнейших мировоззренческих идей, известных с древних времен: поминовение означало называние по имени покойного в знак придания ему второй жизни после смерти. (Недаром в христианстве поминальная молитва начинается словами: «Помяни, Господи, раба Божьего имярек...».) Думается, что данный реминисцентный принцип актуализации имени и творческих характеристик поминаемого человека посредством упоминания*

его личности через произнесенные им же слова в поэтическом произведении «Памяти...» можно считать за константный жанровый атрибут, распространенный на всю его поэтику.

Ключевые слова: стихотворение «Памяти...», реминисценция, поэтика, жанр, цикл стихов, мнемоническая суггестия.

The typological understanding of the poems under the general heading "Memory ..." presupposes the identification of a common basis in them at different levels of structural and semantic unity of the text. As a review analysis of a number of the presented poetic typology shows, its universal component is a reminiscential principle, which in the poetics of the genre memorial work "Memory ..." dedicated to the poet turns out to be fundamental and symptomatic. A reminiscential beginning (in this case in the most general form) means that in the poems of the specified genre series there is a certain structural and substantive component of the text, which necessarily carries a memory of the addressee of the work through the elements or fragments of the text expressed by him, formed linguistic turns, by which the object of poetic dedication is recognized. – the original producer (source) of lyrical speech. The reminiscential way of recreating the features and personal characteristics of the object of memorial reflection, transmitted and composed by the subject of lyrical speech of his (object's) lifetime utterances, permeates the ideological and thematic essence of the poetics of the poem "Memory...", as well as the fact that anamnesis (from ancient Greek anamnesis – memory) the architectonics of the work sets up the organization of a communicative attitude connecting the lyrical subject (addressee) and the addressee on that principle, unusual for most genres, which presupposes the condition of remembering the object in his own words. Moreover, this happens not only for an ethical reason, implying respect and reverence for the person being commemorated by reproducing his living presence in speech, but also because it is the result of one of the most important ideological ideas known since ancient times: commemoration meant naming the deceased as a sign of giving him a second life. after death. (It is not for nothing that in Christianity the memorial prayer begins with the words: "Remember, O Lord, the servant of God's name ...") It seems that this memorable principle of actualizing the name and creative characteristics of the person being commemorated by mentioning his personality through the words he uttered in the poetic work "Memory ..." can be considered as a constant genre attribute common to all his poetics.

Key words: the poem "Memory ...", reminiscence, poetics, genre, cycle of poems, mnemonic suggestion.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-85-90

Стихотворение «Памяти...» неоднократно становилось предметом изучения в трудах современных исследователей. Так, Д.Н. Ахапкин весь комплекс лирических текстов с типическими номинативами «Памяти...» и «На смерть...» сводит в отдельную группу «стихотворений in memoriam, которые имеют сходную тематику и структуру и могут быть описаны как отдельное жанровое образование» [2, 123]. К его критериальным признакам, по мнению исследователя, относятся «цепочки предидирующих членов, выраженных существительными в номинативе единственного числа», «аналитическое выражение императива, обращенного к адресату», посмертная метаморфоза объекта стихотворения, словоформы, объединенные образами и коннотациями смерти [2]. А.А. Яшина, следуя этой же установившейся традиции, объединяющей стихотворения «Памяти...» и «На смерть...»

в лирику *in memoriam* (мемориальную лирику), выделяет в структуре произведений характерную черту ранней романтической смерти адресата-героя, обусловленную логикой «танатологического мифа», чью архитектуру воспроизводит поэт [16].

Полагая, что первичная рецептивная установка, согласно которой на уровне предпонимания в стихотворении открывается поминальный абрис с соответствующим отношением к объекту поминания через воспоминание, реализующееся посредством реминисценции, может дать дополнительный эффект в прояснении поэтики жанрового стихотворения, в результате чего оно получит новое понимание.

Поскольку реминисценция в самом общем виде есть «элемент структуры текста, вызывающий воспоминание о другом («чужом» или «своем» – автореминисценция) тексте» [11, 206], то предназначенному для исследования жанровому стихотворению «Памяти...» уместно придать теоретический статус «стихотворения-реминисценции», так как его структурно-организационное состояние на разных уровнях (интонация, образная система, ритм, тема и т.д.) заставляет вспомнить объект поминальной рефлексии, воздействуя через художественные средства, способствует его представлению в прижизненных реалиях, вплоть до воспроизведения самой личности покойного по присущим ему индивидуально-творческим чертам, являющимся метами и индикаторами его мнемонической узнаваемости.

Данная концептуальная конституция «стихотворения-реминисценции» могла возникнуть исключительно в момент образования индивидуализации субъектного образа, повлекшей неизбежное изменение и объекта лирической рефлексии, прошедшего эволюционный путь от эмблематизма (XVII в.) и обобщенно-гражданского типологизма и титанизма (XVIII в.) к персонализации в романтизме. Романтизм впервые обозначился противостоянием классицизму, что отразилось в первую очередь в изменении, прежде всего, статуса участников лирической коммуникации – адресанта и адресата, а именно, перехода от неразличимости «я-мы» к личности, «стремящейся не просто видеть себя со стороны, но и дойти до "человека в человеке"» [5, 16]. Однако, если одни из первых опытных образцов жанра прописаны в романтизме («Памяти Одоевского» М. Лермонтова, «Памяти Якубовича» В. Кюхельбекера), то его становление как полноценного жанра с характерными для него идентификационными (атрибутивными) признаками, происходит во второй половине XIX века, когда проходит через инициацию «стихотворением на случай» (А. Фет «Памяти Мити Боткина», К. Случевский – с доминантой поминания «Памятник» – «Памяти А.А. Григорьева» из книги «На разные случаи и смесь»).

Уместно привести несколько примеров жанрового стихотворения, демонстрирующих содержание сказанного. Так, презумпцией узнаваемости пронизана поэтическая организация стихотворения «Памяти Пушкина» (1880) А. Плещеева. Во-первых, что довольно часто используется, наличие в нем эпиграфа из произведений поминаемого поэта. Во-вторых, парафразирование или цитирование известной топики: «...но в *памяти народной* / Ты не умрешь, возлюбленный поэт!»; «Вот почему неизгладимый след / Тобой оставлен в *памяти народной!*» [10, 245–246] намекают на знаменитые строки стихотворного «памятника» Пушкина – «Я *памятник* себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет *народная тропа*...». Таким образом, в «стихотворении-реминисценции» Плещеева создаются условия для восстановления связи с биографическим и поэтологическим контекстом объекта поминания. В структурно-семиотическом и коммуникационном плане в произведении моделируется ситуация поминания, где поминаемая сторона представлена эпиграфом, а поминающая – высказывается о покойном (тем самым его поминая) в рамках заданной этим эпиграфом темы.

В первой номинативной строке стихотворения «"Пара гнедых" или "Ночи безумные"...» (1902) Случевского, посвященного памяти А. Апухтина, объектом рефлексии называются романсы поэта, сохранившиеся в коллективной памяти. Как пишет исследователь творчества Апухтина: «Право представлять за все творчество Апухтина его романсы завоевали еще при жизни поэта. Не случайно в стихотворении,

посвященном памяти Апухтина, его современнику достаточно было назвать два популярных романа, чтобы стало ясно, о ком идет речь» [8, 5].

Не далее чем в 1886 году жанр «знакомится» со своим антиподом – «противожанром» (Апухтин А. «Памяти прошлого»), появление которого стало возможным в контексте «конца традиционалистской установки как таковой» (С.С. Аверинцев), «художественной модальности» (С.Н. Бройтман), «неканонической художественной парадигмы» (В.И. Тюпа), «персоналистской поэтики» (Б.П. Иванюк). Нигилистическая и скептическая модальность в отношении жанрового стихотворения демонстрируется мыслью о неуместности самой идеи прошлого, воскрешаемой памятью:

*Не стучись ко мне в ночь бессонную,
Не буди любовь схороненную,
Мне твой образ чужд и язык твой нем,
Я в гробу лежу, я затих совсем»* [1, 242].

Стихотворный феномен, возникший в условиях «мнемонической инверсии», резонно рассматривать в качестве стихотворения «анти-памяти» по аналогии и в контексте уже ранее обозначенных «антижанров» («антипамятник», «антиреквием» и т.д.), особенно, когда очевидно наличие в нем показательно атрибутивных апофатических элементов (отрицательных частиц «не» и т.д.), расположенных в акцентной риторической позиции.

В стихотворении «Памяти Фета» А. Блока, «самого скромного и самого скрытного в личной жизни поэта» (В.М. Жирмунский), в тройном модусе памятиет лирический объект-адресат, закрепляя самым прочным образом за собой уже приданный ему статус «стихотворения-реминисценции». Первая мера (модус) поминания определена композиционно и находится в предпосланном эпиграфе, состоящем из цитаты последних стихов «В лунном сиянии» (1885) Фета: «Выйдем тихонько бродить / В лунном сиянии...» [13, 132], [4, т. 1, 395]. Второй модус поминания выражен в сходной тематико-образной конституции текста: Блок продолжает использовать аналогичную, как и у предшественника, излюбленную лирическую ситуацию свидания с двойником лирического «я», разворачивающуюся на фоне мистического ночного пейзажа, отвечающую методологическому представлению обоих поэтов о том, что «созданный искусством мир "выше" реальности» [7, 363]. Третий фокус поминания расположен в ритмо-синтаксической организации: оба произведения написаны чередующимися трех- и двух-стопными дактилическими стихами с перекрестной рифмовкой (назовем подобный прием мнеморитмом).

Гениально подобранная череда образов, окружающих экзистенциальное пространство лирического «я» Блока, реанимируется в первой строке посвященного ему же стихотворения Анны Ахматовой «Памяти Александра Блока» (1946), настраивая читателя на безошибочное воспоминание знаменитого «Ночь, улица, фонарь, аптека...»: «Он прав – опять *фонарь, аптека*, / Нева, безмолвие, гранит...» [3, т. 4, 293].

Характерно, что некоторые детали блоковского урбанистического пейзажа с характерными для него экзистенциальными размышлениями, являются для Ахматовой прологом к мемориальному мотиву поэтического «памятника» Блоку, только усиливающему реминисцентную поэтику поминального стихотворения «Памяти...»:

*Как *памятник* началу века.
Там этот человек стоит;
Когда он Пушкинскому дому,
Прощаясь, помахал рукой.* [3, т. 4, 393]

Арс. Тарковский откликается на посмертную память М. Цветаевой стихотворным циклом, состоящим из шести произведений, под общим заголовком «Памяти Марины

Цветаевой» (1941–1963). Поминальный цикл, с одной стороны, соотносится с общей тенденцией стихотворной циклизации, а с другой, «стереометричной» выражает авторскую модальность в отношении к рефлекслируемому объекту, в частности, через мифопоэтику. Обыгрывается этимологическое значение имени Марина (от лат. *marina* – морская) – в первом стихотворении «Где твоя волна гремучая, / Душный черный, морской прибой...»¹⁷ [12, 95], что, с одной стороны, позволяет проследить связь между собственно именем – припоминанием – поминовением, тем самым востребуется жанровая концепция «Памяти...», а с другой, наметить аллюзивные ассоциации с местом гибели поэта (Елабуга, расположенная на берегу Камы). Номинативные семы – *волна, морской* – втиснуты в такой поэтический нарратив, образно-ассоциативный фон которого с особым лексическим строем (архаизмы) и порядком слов, сочетает укор умершей в форме риторического вопроса («Ты, крылатая, звезда падучая, / Что ты сделала с собой?») со славословием: «Как светилась ты, милостивица...»; «Так жемчужина опускается / В заповедную глубину» [12, 95]. Все указывает на наличие в стихотворном посвящении фольклорно-обрядовой причеты, организованной в единое целое неурегулированным стихом, в комбинации дольника, тактовика, акцентного стиха. Такая разноритмичная метрика подчеркивает народность речи, имитирующей эмоциональное общение с живым человеком.

Ей же посвящено знаменитое одноименное произведение Б. Пастернака «Памяти Марины Цветаевой» (1943) с аллюзией на мотив заупокойного жанра реквиема («Ах, Марина, давно уже время, / Да и труд не такой уж ахти / твой заброшенный прах в реквиеме / Из Елабуги перенести» [9, т. 1, 344]), на мотив поминальной трапезы («Зима – как пышные поминки: / Наружу выйти из жилья, / Прибавить к сумеркам коринки, / Облить вином – вот и кутя» [9, т. 1, 345]) и т.д. К тому же в нем фигурирует биографическая деталь – место погребения, да и сама вторая часть (после слов о реквиеме) воспроизводит жанровую содержательность реквиема.

Из сказанного следует, что «память жанра» играет исключительную роль, определяет и формирует поэтику жанра, обеспечивает его признакам атрибутивный характер. Современная поэзия во многом следует классической, сохраняя преемственность, применяет те же способы мнемонизации. Так, восстанавливаемый через узнаваемые имажинистские образы (месяц, береза), ассоциации обстоятельства гибели (петля) и некоторые мнемонизированные биографические детали предсмертных дней, биографический образ Есенина представлен в «стихотворении-реминисценции» поэта второй половины XX века Вяч. Богданова «Памяти Есенина»: «Рухнул месяц с голубых высот. / И березы / В дымной круговерти, / Слово *петлю*, / Рвали горизонт / И стонали голосом бессмертья» [15, 11]. И несмотря на объявленную постмодернизмом игру с классикой, рассматриваемое поминальное стихотворение продолжает реализовывать поэтику использования «чужого» слова. Так, Л. Лосев в произведении «Памяти поэта», посвященном К. Льдову, использует реминисцентный фрагмент («Вся сцена, словно рамой, / Окном обвешана / И жизненно драмой / Загадочно полна» [6, 84–86]), выделяя его графическим курсивом, где он, трижды повторенный, подобно молитвенному заклинанию, укрепляет стихотворную идею желания вечного покоя поэту. Кроме этого, «рамочная тема» тексте стихотворного поминания вызывает ассоциацию с могильной надписью, вмещающей в рамку хронологию жизни объекта захоронения.

Таким образом, как показывают приведенные примеры, реминисцентная поэтика стихотворения «Памяти...» строится по принципу текста с четкой установкой на поминание почившего посредством воспроизведения его речевого присутствия в тексте произведения в виде цитируемого слова, аллюзий, перифраз и иных способов мнемонического

¹⁷ Думается, помимо этимологии, существует объяснение данной стихотворной фразы с опорным словосочетанием «морская волна» – оно находится в мемуарных тетрадях самой поэтессы, где колебания и непостоянство памяти уподобляются образу морской волны: «Спроси у морской волны...» [14, 341].

воспроизведения источника. Реминисценция, как оказывается, это не только лишь элемент поэтики, деталь лирического сюжета (мотив), она в стихотворении «Памяти...» приобретает черты целостного мировидения, сквозь призму которого помнится адресат, представляя собой частицу в единой череде всего человечества, чье слово с помощью поминального посвящения вплетается в универсальный Текст.

1. Апухтин А.Н. Полное собрание стихотворений. Л., 1991.
2. Ахапкин Д.Н. Стихотворения *In memoriam* в художественной системе И. Бродского // Культура: Соблазны понимания: Материалы научно-теоретического семинара (24–27 марта 1999 г.). Петрозаводск, 1999. Ч. 2. С. 123–133.
3. Ахматова А.А. Собр. соч.: в 6 т. Книги стихов. М., 2000. Т. 4.
4. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Стихотворения 1897–1904. М.; Л., 1960. Т. 1.
5. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (субъектно-образная структура): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1989.
6. Лосев Л. Стихотворения из четырех книг. СПб., 1999.
7. Минц З.Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999.
8. Отрадин М. А.Н. Апухтин // Апухтин А.Н. Полн. собр. стихотворений. Л., 1991. С. 5–38.
9. Пастернак Б.Л. Избр.: в 2 т. Стихотворения и поэмы. М., 1985. Т. 1.
10. Плещеев А.Н. Полн. собр. стихотворений. Ленинград, 1964.
11. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко и др. М., 2008.
12. Тарковский Арс. А. Стихотворения. Поэмы. М., 2017.
13. Фет А.А. Стихотворения, поэмы, переводы. М., 1985.
14. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997.
15. «Я в своих убеждениях прям». К 85-летию со дня рождения Вячеслава Богданова // Литературная газета. 2022. 10–16 августа (№ 32).
16. Яшина А.А. Романтизация смерти в стихотворениях Н.А. Некрасова *in memoriam* // Преподаватель XXI век. 2016. № 4-2. С. 589–598.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЦЕПЦИЯ И ЛИНГВОКОМПАРАТИВИСТИКА / LITERARY RECEPTION AND LINGUISTIC COMPARATIVE STUDIES

А.С. Музыка

A.S. Muzyka

А.С. ПУШКИН И ПИСАТЕЛЬНИЦЫ-СОВРЕМЕННОЦЫ: ВЛИЯНИЕ И КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ

A.S. PUSHKIN AND CONTEMPORARY WRITERS: INFLUENCE AND CRITICAL RECEPTION

В статье рассматриваются критические отзывы А.С. Пушкина о творчестве писательниц-современниц, таких как Н. Дурова, А. Ишимова, А. Бунина, К. Павлова, Е. Ростопчина. На основании анализа конкретных отзывов делаются выводы о различном восприятии поэтом произведений «женской литературы» и предпринимаются попытки определить причины этого различия. В качестве таковых выделяются, в частности: интерес к конкретной личности, а также к феномену женского писательства вообще; стремление оценить литературное произведение без оглядки на существующие в обществе стереотипы, а также принадлежность писательниц к тому или иному литературному объединению. Кроме того, рассмотрен и «обратный» процесс, а именно – восприятие поэтессами начала XIX в. творчества Пушкина. Представленный анализ помогает не только лучше понять статус женщины-литератора в пушкинскую эпоху, но и обнаружить еще одну немаловажную грань литературной деятельности Пушкина.

Ключевые слова: *русские писательницы XVIII–XIX века, Пушкин, женская литература.*

The article examines A.S. Pushkin's critical reviews of the work of contemporary writers such as N. Durova, A. Ishimova, A. Bunina, K. Pavlova, E. Rostopchina. Based on the analysis of specific reviews, conclusions are drawn about the poet's different perception of the works of "women's literature" and attempts are made to determine the reasons for this difference, such as: interest in a particular person, as well as in the phenomenon of women's writing in general; the desire to evaluate a literary work without regard to the stereotypes existing in society, as well as the affiliation of female writers to one or another literary association. In addition, the "reverse" process is also considered, namely, the perception of Pushkin's work by poetesses at the beginning of the XIX century. The presented analysis helps not only

to better understand the status of women-literature in the Pushkin era, but also to discover another important facet of A.S. Pushkin's literary activity.

Key words: *Russian women writers of the XVIII–XIX centuries, Pushkin, women's literature.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-91-96

Рубеж XVIII–XIX веков можно назвать в известной степени поворотным в плане отношения к женскому литературному творчеству. Под влиянием, в частности, Н.И. Новикова и Н.М. Карамзина женщина в 70–90-е годы XVIII века сначала развивается как читательница, а потом и все чаще сама берется за перо. Так, Новиков ставит перед собой просветительскую цель – «сделать женщину – мать и хозяйку – читательницей, подготовить для нее продуманную систему полезных книг в доступной для нее форме» [9, 54]. Новиков издает журнал «Детское чтение для сердца и разума», адресованный детской и женской аудитории, редактором которого некоторое время был Карамзин [9, 54]. Также Новиков выпустил «Опыт исторического словаря о российских писателях» – первый в России биографический справочник, в который включил и статьи о писательницах [17, 16], а Карамзин опубликовал сочинения поэтесс, а также переводы, выполненные женщинами [11, 40–41].

Впрочем, «допустимыми» для женщин были не все литературные жанры – наиболее приемлемыми считались поэзия и сочинения для детей [17, 11]. При этом в поэтессах ценилось заведомое умаление собственных талантов, отсутствие притязаний на гениальность или равенство с мужчиной, а также признание дилетантства, неопытности в вопросе сочинительства [16, 11]. Пишущая дама зачастую удостоивалась весьма поверхностной похвалы и одного из двух званий – русской Сафо или Коринны [16, 126].

Однако в пушкинскую эпоху ситуация меняется. Прежде всего, пишущих женщин становится больше. В.Г. Белинский по этому поводу отмечал: «С появлением Пушкина гораздо больше стало являться на Руси женщин-писательниц; но известных имен между ними стало меньше. Это оттого, что имена людей, действовавших в начале зарождающейся литературы, пользуются известностью даже и без отношения к их таланту. Когда же литература уже сколько-нибудь установится, тогда, чтоб получить в ней почетное имя, нужно иметь замечательный талант» [2, т. 8, 654].

Нельзя не отметить, что положительный образ женского литературного таланта не был сформирован и позднее, в середине XIX века. Так, И.С. Тургенев в статье, посвященной роману Евгении Тур, пишет: «Мы только утверждаем, что в женских талантах (и мы не исключаем самого высшего из них – Жорж Санда) есть что-то неправильное, нелитературное, бегущее прямо из сердца, необдуманное наконец, – словом, что-то такое, без которого они бы на многое не покусились и, между прочим, на четырехтомный роман» [18, т. 4, 479]. Елена Ган через реплику персонажа своего романа «Суд света» (1840) показывает резко негативное восприятие автора-женщины общественным сознанием: «Э... да вы забыли, – восклицает догадливый поэт, – что она не просто женщина, а женщина-писательница, то есть создание особенное, уродливая прихоть природы, или правильное: выроdek женского пола» [4, 3].

Но вместе с тем некоторые писательницы уже в первые десятилетия XIX века не были согласны на статус дилетанток, умели получать выгоду от продажи своих произведений, а то и вовсе претендовали на признание таланта наравне с мужчинами. Женские произведения постепенно попадают в поле зрения литературной критики. Вместе с появлением понятия «женская литература» исчезает снисходительное одобрение женского творчества, свойственное сентиментализму и предромантизму [11, 19].

Позиция А.С. Пушкина по отношению к женщинам-писательницам была сложной, неоднозначной и зависела от конкретных примеров и личных предпочтений. Время от времени он содействовал поэтессам в публикациях, однако относился к этому скорее как к светской обязанности быть любезным, не воспринимая всерьез сами стихи. Поэт не раз

высказывал сомнения даже в способностях женщин к восприятию поэзии. Так, в «Отрывках из писем, мыслей и замечаний» (1827) он отмечал: «Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстроивают меру, уничтожают рифму. Вслушайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки» [13, т. 1, 52].

Вместе с тем исключения все же были, и именно на них будет сосредоточено внимание в настоящей работе.

Одним из наиболее ярких примеров положительного отклика Пушкина на творчество писательницы-современницы является случай с Надеждой Дуровой (1883–1866). Сам пример Дуровой, как известно, является не вполне типичным. Надежда Андреевна сбежала из дома, носила мужской костюм, называла себя мужским именем, ушла в военную службу, за свои воинские заслуги получила от Александра I право именоваться Александром Андреевичем Александровым. В середине 30-х годов она решила издать записки о своей необыкновенной военной карьере. С издательской целью Надежда передала свою рукопись Пушкину, который с охотой принял работу для «Современника». Однако он не выполнил условие Дуровой – не стал скрывать ее истинное лицо [5, 123]. Этот факт наводит на мысль, что Пушкина привлек в первую очередь феномен Дуровой, имеющий потенциал коммерческого успеха, а не ее литературный талант. На это указывает и предисловие Пушкина к изданию «Записок...»: «Какие причины заставили молодую девушку хорошей дворянской фамилии оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений – и каких еще? Наполеоновских. Что побудило ее? Тайные семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?... Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время сильно занимали общество.

Ныне Н.А. Дурова сама разрешает свою тайну. Удостоенные ее доверенности, мы будем издателями ее любопытных записок. С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным» [5, 118–119].

Как можно видеть, из всего отрывка лишь фраза «владеют и пером быстрым, живописным и пламенным» имеет отношение к писательскому мастерству, все прочее же скорее описывает парадокс присутствия женщины в сугубо мужской сфере.

В качестве второго примера можно назвать Александру Ишимову (1806–1881), детскую писательницу, автора «Истории России в рассказах для детей». Помимо детской литературы Ишимова занималась переводами, а также издавала детский журнал, то есть занималась так называемым «маргинальным» литературным трудом, который общественностью не порицался. Белинский писал: «... "История" г-жи Ишимовой – важное приобретение для русской литературы: так богато сочинение ее другими достоинствами, между которыми первое место занимает превосходный рассказ и прекрасный язык, обличающие руку твердую, опытность литературную, основательное изучение предмета, неутомимое трудолюбие» [3, т. 4, 473].

По мнению Л.П. Гроссмана, именно к Ишимовой было написано последнее письмо Пушкина. Из письма видно, что он ценил ее литературную работу: «Покамест, честь имею препроводить к Вам *Barry Cornwall* – Вы найдете в конце книги пьесы отмеченные карандашом, переведите их как умеете – уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах, и поневоле зачитался. Вот как

надобно писать!» [5, 130–132]. Как можно видеть, эта оценка хоть и комплиментарна, но все же касается приличной для женщины сферы детской литературы или работы переводчика.

Каролина Павлова и Евдокия Ростопчина в свое время также испытали значительное (хоть и разное) влияние Пушкина. Женщины являлись как бы творческими «дуэлянтками». С обеими поэтессами дружил Лермонтов – был посетителем литературного салона Павловой, писал о родстве душ с Ростопчиной («Я верю: под одной звездой / Мы с Вами были рождены; / Мы шли дорогою одною, / Нас обманули те же сны» [7, т. 2, 72]).

Если для Павловой Пушкин был скорее путеводной звездой, лучом «солнца русской поэзии», источником вдохновения и образцом для подражания («Нас Байрона живила слава, / И Пушкина изустный стих...» [12, 134]), то Евдокия Ростопчина и вовсе считала себя благословленной поэтом и продолжателем его традиции. После смерти Пушкина В.А. Жуковский передает Евдокии Петровне книгу, приготовленную поэтом для новых стихов, с тем, чтобы Ростопчина ее окончила. Этот жест воспринимается поэтессой как посвящение, восприятие Пушкиным ее как своей преемницы. Ростопчина пишет стихотворение, озаглавленное «Черновая книга Пушкина» и посвященное Жуковскому:

И мне, и мне сей дар! Мне, слабой, недостойной,
Мой сердца духовник пришел ее вручить,
Мне песнью робкою, неопытной, нестройной
Стих чудный Пушкина велел он заменить!..
Но не исполнить мне такого назначения,
Но не достигнуть мне желанной вышины!
Не все источники живого песнопенья,
Не все предметы мне доступны и даны:
Я женщина!.. Во мне и мысль и вдохновенье
Смиреной скромностью быть скованы должны! [15, 92–93].

Несмотря на то, что в произведении она говорит о себе как о слабой и недостойной, сам по себе факт опубликования подобного стихотворения подчеркивает убежденность Ростопчиной в том, что Пушкин «передает ей лиру». Но хотя в реальной жизни графиня Ростопчина нередко встречалась с Пушкиным (в частности, за день до дуэли с Дантесом поэт был в доме Ростопчиных), прямых указаний на то, что Пушкин считал ее своей преемницей, не существует.

Одним из наиболее заметных примеров открытого негативного отношения Пушкина к писательницам-современницам является восприятие им творчества Анны Петровны Буниной – родственницы Жуковского, представительницы классицизма. Бунина была одной из тех поэтесс, кто не удовлетворился званием «дилетантки», «неопытной писательницы», несмотря на название первого, 1809 года, сборника «Неопытная муза», – она выступала на литературном поприще и в критике наравне с мужчинами. На роль Пушкина в последующем отношении к Буниной уже обращали внимание исследователи. Так, М. Нестеренко отмечает: «В позднейшем восприятии поэтессы Анны Буниной, изначально благожелательно встреченной критиками, несомненно, сыграли свою роль иронические упоминания ее Пушкиным» [11, 19]. В свою очередь на оценку творчества Буниной Пушкиным, несомненно, повлиял факт их принадлежности к противоположным литературным объединениям (Пушкин входил в «Арзамас», а Анна Бунина была участницей «Беседы любителей русского слова»). Кроме того, Бунина была на 25 лет старше Пушкина и возможно, по его представлениям, являла собой уже ушедшую эпоху и устаревшие традиции.

В «Послании цензору» Пушкина Бунина упомянута в таком контексте:

Не редко о твоей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель.
Ты вечно разбирать обязан за грехи
То прозу глупую, то глупые стихи. [13, т. 1, 195].

Также фигурирует поэтесса в «Тени Фонвизина»:

Твоя невинная другиня,
Уже поблекший цвет певич,
Вралих Петрополя богиня,
Пред ним со страхом пала ниц. [13, т. 1, 336].

Конечно, нельзя утверждать, что саркастические замечания или уничижительное упоминание в стихотворении могут способствовать забвению имени писателя, однако невозможно и отрицать, что мнение признанного литературного гения не пройдет в профессиональных кругах незамеченным.

Вместе с тем, положительно отзывались о Бунинной не только ее собраты по «Беседе...» («...г-жа Бунина – женщина-поэт, явление редкое в нашем отечестве, и, сверх того, поэт с дарованием, поэт неподражатель <...> Несмотря на некоторые неровности, какая сильная, живая поэзия!» [6, 444–445]), но и приверженцы другого литературного «лагеря». Так, Карамзин отмечал: «Ни одна женщина не писала у нас так сильно» [цит. по: 10, 263]. Не обошел Бунину вниманием и К.Н. Батюшков: «Стихи текут сами собой, картина в целом выдержана и краски живы и нежны» [1, т. 3, 135]. Хотя в целом «арзамасцы» Бунину не жаловали, как, впрочем, и других «беседчиков».

Подводя итоги, можно отметить, что независимо от того, как Пушкин проявлял свое отношение к писательницам-современницам, сам факт его внимания к женскому литературному творчеству очевиден. С одной стороны, Пушкин нередко скептически воспринимал присутствие женщин в литературе, следуя, по всей видимости, взглядам своего времени и считая, что литература – это мужское дело. Но с другой стороны, он был открыт к восприятию таланта и даже оказывал поддержку наиболее выдающимся, на его взгляд, писательницам.

1. Батюшков К.Н. Сочинения К.Н. Батюшкова. Т. 3. Спб., 1886. № 93.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1953–1959. Т. 8.
3. Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 4. Статьи, рецензии и заметки. Март 1841–март 1842 гг. М., 1979.
4. Ган Е. Суд света: Повесть. 1840. URL: <https://rucont.ru/efd/4724> (дата обращения: 25.10.2024).
5. Гроссман Л.П. Письма женщин к Пушкину. Подольск, 1994. Репринтное издание.
6. Кюхельбекер В. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.
7. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. стихотворений: в 2 т. Л., 1989. Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1837–1841.
8. Летина Н.Н. Гендерно детерминированный пушкинский дискурс женского творчества в России XIX в. // Ярославский педагогический вестник, 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genderno-determinirovannyy-pushkinskiy-diskurs-zhenskogo-tvorchestva-v-rossii-xix-v/viewer> (дата обращения: 29.10.2024).
9. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
10. Михневич В. Русская женщина XVIII столетия: исторические этюды. М., 1990. Репринт. изд. 1895.
11. Нестеренко М. Розы без шипов: Женщины в литературном процессе России начала XIX века. М., 2022. (Серия «Гендерные исследования»).
12. Павлова К. Полн. собр. стихотворений. М.–Л., 1964.

13. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1959. Т. 1.
14. Пушкин А.С. Отрывки из писем, мысли и замечания / А.С. Пушкин. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. URL: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_1827_otryvki.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
15. Ростопчина Е. Стихотворения; Проза; Письма. [Сост., вступ. ст., подгот. текста, примеч. Б. Романова]. М., 1986.
16. Савкина И. Пути, перепутья и тупики женской литературы. М., 2023. (Серия «Гендерные исследования»).
17. Строганова Е. Классики и современницы. Гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М., 2019.
18. Тургенев И.С. Собр. соч.: в 12 т. М., 1976–1979. Т. 4.
19. Файнштейн М. Писательницы пушкинской поры: Историко-лит. очерки. Л., 1989.

К. Го, Х. Чжан
K. Guo, H. Zhang

РУССКИЙ ПЕРЕВОД Н.Я. БИЧУРИНА «САНЬ ЦЗЫ ЦЗИН» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ¹⁸

N.Y. BICHURIN' RUSSIAN TRANSLATION OF "SAN ZI JING" FROM THE PERSPECTIVE OF FUNCTIONAL EQUIVALENCE

«Сань цзы цзин» – одно из трех основных традиционных китайских просветительских чтений, обучающее детей и молодежь основным знаниям. Его содержание охватывает историю и культуру, астрономию и географию, литературу и искусство, этику и мораль, кристаллизуя тысячелетнюю культуру китайской цивилизации и отражая традиционное мышление китайской нации. «Сань цзы цзин» широко распространено в мире, а знакомство с ним в России произошло в XVIII веке. Среди имеющихся русских переводов этого литературного памятника перевод Н.Я. Бичурина считается наиболее полным и влиятельным. Ему и посвящена данная статья. Перевод анализируется с помощью теории функциональной эквивалентности американского ученого Ю.А. Найды. Анализ проводится на разных уровнях текста (лексическом, синтаксическом и стилистическом) и в сопоставлении с предшествующими русскими переводами «Сань цзы цзин». В конце статьи делаются выводы об эквивалентности перевода Бичурина оригинальному тексту.

Ключевые слова: «Сань цзы цзин», Н.Я. Бичурин, теория функциональной эквивалентности.

"San Zi Jing" is one of the three major Chinese traditional enlightenment readings, teaching children and young people basic knowledge. Its contents cover history and culture, astronomy and geography, literature and art, ethics and morality, crystallizing thousands of years of Chinese civilization culture and reflecting the traditional thinking of the Chinese nation. "San Zi Jing" is widely spread in the world, and its distribution in Russia can be attributed to the XVIII century. Among the available Russian translations, N.Y. Bichurin's translation is considered the most complete and influential in Russia. Functional equivalence is a theory of translation proposed by Nida E.A. The principle of the functional equivalence theory is to strive to create translations that match the semantics of the source language and reflect the cultural characteristics of the source language. In this paper, we hope to analyze Bichurin's translations of the "San Zi Jing" through the functional equivalence theory. This article firstly discusses the translations of "San Zi Jing" in

¹⁸ Исследование поддержано грантом центра языкового образования и сотрудничества при Министерстве образования КНР (№.23YH62C): Перевод древнекитайских просветительских текстов в России и их использование в преподавании китайского языка как иностранного

Russia, and then analyzes the Russian translation of this work by N.Y. Bichurin in four aspects, namely, it examines the lexical, syntactic, textual and stylistic equivalence of the translation in accordance with the functional equivalence theory of American translation theorist Nida. E. A.. In translation, Bichurin has achieved functional equivalence: he does not simply make a direct translation of the "San Zi Jing", but reveals its meaning on the basis of the theory of functional equivalence.

Key words: *San Zi Jing; N. Y. Bichurin; Functional Equivalence Theory.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-97-103

Функциональная эквивалентность – теория перевода, предложенная Юджином Найдой, американским лингвистом, переводчиком и теоретиком перевода. Динамическая эквивалентность была впервые предложена им в 1964 году в книге «Теория и практика перевода». Согласно Ю. Найде, перевод – это процесс поиска наиболее близкого и релевантного эквивалента исходного языка в переводящем языке, и это должна быть, прежде всего, эквивалентность смысла, а уже затем – соответствие форме. В сравнении с формальной эквивалентностью, соблюдающей верность лексическим и языковым законам исходного языка, динамическая эквивалентность ориентирована на смысловое сходство исходного и переводного текстов [5, 76]. В 1986 году в книге «С одного языка на другой» Ю. Найд предложил теорию «Функциональной эквивалентности», которая существенно не отличается от теории динамической эквивалентности. Причина выдвижения скорректированной теории заключается в том, что теория динамической эквивалентности порождает у специалистов неправильное понимание того, что смысловое соответствие пренебрегает формальным. Поэтому Ю. Найда делает акцент на фактической коммуникативной функции перевода, чтобы устранить создавшееся недопонимание. Принцип теории функциональной эквивалентности заключается в стремлении создавать переводы, которые соответствуют семантике исходного языка и отражают его культурные особенности. Два языка представляют две совершенно разные культуры, которые, в свою очередь, могут иметь схожие элементы, но никак не могут быть идентичными. Поэтому идеального перевода, полностью передающего культурный подтекст исходного языка, не существует, и переводчик может лишь в максимальной степени воспроизвести культуру исходного языка. Функциональная эквивалентность включает в себя лексическую, синтаксическую, текстовую и стилистическую эквивалентности [6, 56–58]. Выбранный в качестве объекта исследования перевод Н.Я. Бичуриным «Сань цзы цзин» анализируется в данной работе в четырех вышеперечисленных аспектах.

Начнем же с небольшого экскурса в переводную историю этого литературного памятника. Первые рукописи русского перевода «Сань цзы цзин» поступили в библиотеку Российской академии наук в 1744 году и состояли из двух рукописей: «Сань дзы гинь или нравоучительных речей трисловная книга» и «Китайская книга Сан дзы гин, то есть трисловное нравоучение, содержащее в себе краткую историю». Автор первой рукописи неизвестен, но на второй четко написано "罗锁馨翻" [4, 322–323], что указывает на ее перевод неким Россохиным. Рукопись содержит трехязычный перевод: на маньчжурский, китайский и русский. Перевод не был официально опубликован, сохранилась только рукопись. В 1715 году Петр I отправил русскую духовную миссию в Пекин, среди участников которой был И.К. Россохин, получивший имя «первого человека русского китаеведения» [7, 218]. В 1729 году И.К. Россохин приехал в Пекин для обучения на должность старшины второй русской православной миссии в Пекине, во время которой он завершил несколько рукописных переводов. В 1741 году китаевед вернулся в Россию и открыл школу маньчжурско-китайского языка, используя «Сань цзы цзин» в качестве учебника маньчжурского и китайского языков. При этом снабдил свой перевод произведения некоторыми пояснениями и частично изменил композицию оригинального текста.

Первый русский перевод «Сань цзы цзин» был опубликован в России в 1779 году в типографии Императорской академии наук в Санкт-Петербурге А.Л. Леонтьевым, стажером Третьей русской православной миссии в Пекине и одним из выдающихся китаеведов XVIII века. Его перевод появился во времена правления Екатерины II, которая, удивляясь сходству между просвещенной диктатурой в России и Китае, поощряла публикацию переводов китайских текстов в целях популяризации китайской культуры. Прозаический текст «Сань цзы цзин» разделен на дистишные рифмованные строфы [10, 99–106]. Произведение описывает традиционную многовековую историю и нравственную культуру китайского народа. Перевод А.Л. Леонтьева привлек внимание русских ученых, и в 1780 году в «Санкт-Петербургских ведомостях» была опубликована на него рецензия. Однако это переложение содержало сравнительно мало (17) кратких пояснений к оригинальному тексту, что ограничивало понимание китайской культуры русскими читателями.

В 1829 году в Санкт-Петербурге был опубликован перевод «Сань цзы цзин» на русский язык, выполненный Никитой Яковлевичем Бичуриным, старшиной Девятой русской православной миссии в Пекине. Данный перевод является самым значительным и широко распространенным. Для удобства восприятия в нем был сохранен оригинальный китайский текст. Помимо этого Н.Я. Бичурин дает пояснительные комментарии к китайским историческим аллюзиям, традиционной китайской идеологии, этике и моральным нормам, трудным для понимания русскими, причем комментарии составляют две трети текста. В переводе сделана попытка создать «троесловие» на русском языке [8, 32–35] по образцу схемы из трех слов в строке в «Сань цзы цзин», чтобы структурно приблизиться к оригинальному тексту.

После выхода в свет перевод получил широкий общественный резонанс и был отрецензирован рядом известных газет и журналов, в том числе «Северной пчелой», «Русским вестником» и «Литературной газетой», которые подтвердили ценность перевода и рекомендовали его своим читателям. В одной из рецензий в «Литературной газете» переводу была дана высокая оценка, а также было отмечено, что российские читатели, интересующиеся системой воспитания китайских детей, могут прочесть эту книгу, чтобы познакомиться с китайской образовательной философией [1, 15–18]. Перевод «Сань цзы цзин» на русский язык Н.Я. Бичуриным «возбудил внимание значительной части русского общества ко многим малоизвестным сторонам китайской истории и культуры» [9, 215]. В 1829 году Н.Я. Бичурин подарил свою версию «Сань цзы цзин» Пушкину, который высоко оценил перевод, назвав «Сань цзы цзин» энциклопедией [3, 16]. Кроме того, перевод сыграл заметную роль в преподавании китайского языка в нескольких учебных заведениях, в том числе в Казанском и Санкт-Петербургском университетах.

Перейдем к анализу этого перевода. Начнем с лексической эквивалентности, которая в соответствии с теорией функциональной эквивалентности подразумевает нахождение в переводящем языке слов, аналогичных значениям в исходном языке, причем значения слов зависят от их употребления в исходном языке. В «Сань цзы цзин» используется изысканная лексика с богатой коннотацией, что создает определенные трудности для переводчиков при точном переводе оригинального текста. В переводе «Сань цзы цзин» на русский язык Н.Я. Бичуриным эквивалентность на лексическом уровне достигается с помощью таких переводческих приемов, как прием смыслового перевода и перефразирование.

1.1 日春夏，日秋冬。此四时，运不穷。

Весна и лето,
Осень и зима,
Сии четыре времена,
Безконечно круговращаются [2, 6].

В оригинальном тексте речь идет о бесконечном круговороте весны, лета, осени и зимы. В переводе слово 运 ('двигаться') в оригинальном тексте переведено как круговращаются, что точнее позволяет выразить течение времен года.

1.2 自子孙, 至玄曾。乃九族, 人之伦。

От сына и внука,
До правнука и праправнука.
Всего девять родов,
Составляющих порядок человеческий [2, 8].

В этой строфе говорится о старшем деде, прадеде, деде, отце, себе, сыне, внуке, правнуке и праправнуке, то есть о девяти поколениях и связи между ними. В переводе слова *сын, внук, правнук, праправнук* соответствуют оригиналу 子, 孙, 曾, 玄. Слово 族 в оригинальном тексте означает 'поколение'. В русском использовано слово *родов*, являющееся его точным соответствием. 伦 означает 'связь поколений'. Переводчик понимает смысл оригинального предложения и использует метод смыслового перевода, чтобы перевести 伦 как *порядок*, отражая порядок поколений по старшинству.

1.3 父子恩, 夫妇从。兄则友, 弟则恭

Любовь отца и сына,
Согласие мужа и жены,
Дружелюбие старшего брата,
Уважение от брата младшего [2, 8].

Смысл приведенного четверостишия заключается в том, что между отцом и сыном должна быть взаимная доброта, между мужем и женой – гармония, старший брат должен любить своего младшего брата, а младший брат – уважать старшего. Для перевода 从 используется слово *согласие*, которое точно передает смысл отношений между мужем и женой в оригинальном тексте. При смысловом переводе предложения 兄则友, 弟则恭 слова 兄 и 弟 соотносятся со словами *старшего брата* и *брата младшего*, а при переводе слова 友 выбран русский эквивалент *дружелюбие*.

1.4 勤有功, 戏无益。戒之哉, 宜勉力。

Прилежание венчается успехами;
Рассеянность не приносит пользы.
Возьмите предосторожность;
Надлежит прилагать старание [2, 26].

Смысл строфы заключается в том, что только трудясь, можно добиться успеха, а праздная жизнь и развлечения не приведут ни к чему хорошему. Необходимо всегда помнить об этом и поощрять себя к усердной учебе. Переводчик использует слово *венчается*, чтобы указать на значение 'иметь' (успех) в оригинальном тексте. Слово 戏 в этом предложении означает 'веселиться', и использование переводчиком слова *рассеянность* воспринимается вполне уместным.

Синтаксическая эквивалентность – это эквивалентность структур предложений в исходном и переводящем языках. Если в переводящем языке имеется синтаксическая структура, соответствующая переводимой структуре исходного языка, переводчик должен стараться сохранить оригинальный синтаксис; если же соответствующей структуры предложения нет, переводчик может отойти от структуры предложения исходного языка и выбрать синтаксическую конструкцию переводящего языка, имеющую сходное значение. В

перевод «Сань цзы цзин» на русский язык Н.Я. Бичурин для достижения синтаксической эквивалентности выбирает синтаксические структуры, соответствующие оригиналу, при этом учитывая особенности конструкций в русском языке.

2.1 苟不教，性乃迁。

Если не научать,
То природа изменяется [2, 2].

Смысл предложения заключается в том, что если человека не воспитывать должным образом с детства, то его хорошая натура превратится в плохую. Здесь 苟 означает 'если', а 乃 – 'то'. 'Если ..., то ...' – структура предложения. В переводном тексте используется аналогичная структура, эквивалентная смыслу оригинального текста.

2.2 幼不学，老何为。

Если в детстве не научатся,
Чего ожидать в старости? [2, 2]

В соответствии со смыслом оригинального текста китайское предложение переведено как сложноподчиненное с придаточным условия, что соответствует синтаксису оригинального текста.

Под текстовой эквивалентностью понимается эквивалентность смысловой функции языка в конкретном контексте, который включает три уровня: контекст, ситуативный контекст и культурный контекст. Контекст – это переводческое преобразование слов или семантических единиц для определения их значений в оригинальном тексте на основе анализа языкового контекста. Ситуативный контекст обозначает людей и события, непосредственно участвующие в коммуникации. Культурный контекст – это социальный и культурный фон, исторические и культурные традиции и социальная психология использования языка. Мы не только должны переводить саму языковую единицу, но и учитывать значение этой единицы в контексте, в котором она находится. «Сань цзы цзин» содержит описание многовековой истории и традиционной культуры китайской нации, а потому перед переводчиком стоит задача воспроизвести реалии китайской культуры, при этом адаптируя их к читательским привычкам российских реципиентов.

3.1 香九龄，能温席。

Хуан-сян на девятом году
Знал согревать постелю [2, 4].

3.2 融四岁，能让梨

Кхун-жун на четвертом году
Умел уступить груши [2, 4].

В этих предложениях содержатся аллюзии: Хуан Сян грел сиденье для своих родителей и Кун Жун подарил своему брату грушу. Для их адаптации к русской аудитории выбирается стратегия диссимилиации и прямой перевод: словосочетания *согревать постелю* и *уступить груши* воспроизводят оригинальный текст 温席 и 让梨 и сопровождаются необходимыми примечаниями.

3.3 三纲者，君臣义。父子亲，夫妇顺。

Три находятся связи:
Справедливость между государем и чинами;
Любовь между отцом и сыном;
Покорность между мужем и женою [2, 6].

3.4 曰仁义, 礼智信。此五常, 不容紊。

Человеколюбие и справедливость,
Обряд, знание, верность,
Сии пять добродетелей.
Не должны быть смешиваемы [2, 6].

В этих двух строфах 三纲 и 五常 изложены моральные нормы китайского феодализма. В русском языке нет эквивалента для этих двух иероглифов, поэтому с учетом китайского культурного фона переводится их смысл: 三纲 – межличностные отношения между отцом и сыном, правителем и министром, мужем и женой, а 三纲 – три связи с подробным объяснением значения 三纲 в примечаниях; 五常 – это конфуцианские этические нормы, для перевода которых используется перечисление «пяти добродетелей»: гуманность, справедливость, вежливость, мудрость и вера.

И, наконец, о стилистической эквивалентности перевода Н.Я. Бичурина. В своем переводе «Сань цзы цзин» он создал русское «троесловие», соответствующее литературному жанру «Сань цзы цзин» – трехсловному стиху. Н.Я. Бичурин старался, чтобы три слова в русском языке максимально соответствовали значению трех китайских иероглифов с соблюдением ритмической структуры оригинального текста, не теряя при этом присущих русскому языку грамматических связей. Вот несколько примеров.

4.1 养不教, 父之过。教不严, 师之惰

Воспитывая не учить
Есть проступок отца.
Обучение без строгости
Есть нерадение учителей [2, 2].

4.2 扬名声, 显父母。光于前, 裕于后。

Приобрев себе славу,
Соделаете известными родителей;
Озарите своих предков,
Составите счастье потомству [2, 26].

4.3 人遗子, 金满赢。我教子, 唯一经。

Люди оставляют сыновьям
Полные сундуки золота.
Я учу сыновей
Одним священным книгам [2, 26]. *Ошибка! Закладка не определена.*

4.4 三才者, 天地人。三光者, 日月星。

Три существуют Деятели:
Небо, земля и человек.
Три находятся светила:
Солнце, луна и звезды [2, 4].

На основе анализа приведенных *текстов* можно сделать вывод, что, согласно теории функциональной эквивалентности, перевод «Сань цзы цзин», выполненный Н.Я. Бичуриным, в основном эквивалентен оригинальному тексту с точки зрения лексики, синтаксиса, текста и стиля, и в этом плане его можно считать образцовым.

1. Литературная газета. 1830. Ч. I, 1, С. 15–18.
2. Сань-цзы-цзин, или Троеслобие: с литографированным китайским текстом / пер. с кит. монахом Иакинфом. СПб., 1829.
3. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники: материалы и исследования. СПб., 1910.
4. Чэнь Шэннань. О первом переводе книги «Сань цзы цзин» на русский язык // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2019. № 2. С. 322–323.
5. Nida E.A. & Taber C. R. *The Theory and Practice of Translation*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2004: 76.
6. Nida E.A. *From One Language to Another*. Edinburgh : Thomas Nelson Inc., 1986: 56–58.
7. 王俊义主编. 炎黄文化研究 第2辑[M]. 2006.
8. 武玉明. 俾丘林译《三字经》述评及其对中国典籍外译的启示[J]. 潍坊学院学报, 2018, 18(04): 32–35.
9. 阎国栋. 俄国汉学史（迄于1917年）[M]. 北京：人民出版社, 2006.
10. 张冰. 《三字经》在俄罗斯的译介阐释[J]. 汉风, 2022, (00): 99–106.

А.С. Степанова
A.S. Stepanova

ЦЕННОСТИ «РУССКОГО МИРА» В СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ

THE VALUES OF THE "RUSSIAN WORLD" IN MODERN WAR POETRY

В статье анализируются особенности мировоззрения человека, ощущающего себя частью «русского мира», отраженные в современной военной лирике. Автор приходит к выводу, что основополагающим мотивом современной военной поэзии является осмысление происходящих событий в свете евангельских ценностей. Автор подчеркивает, что мотив сострадания русских людей к врагу противопоставлен мотиву бессмысленной, нечеловеческой жестокости противоположной стороны по отношению к русским. С этим связана важнейшая тема возмездия, которая в лирике, посвященной специальной военной операции, также выходит на первый план. Автор последовательно анализирует следующие мотивы: война как очищение, масштабное действие по рождению новой России и вместе с ней нового мира; мотив пробуждения, осмысления обществом самого себя, своих целей и ценностей; мотив необходимости единения «русского мира». Автор отмечает, что одна из ключевых идей современной поэзии о войне – идея признания важнейшей роли русской культуры, которая сохраняет истину, созидает и возрождает человека.

Ключевые слова: «русский мир», ценности «русского мира», специальная военная операция, современная военная поэзия, современная поэзия.

The article analyzes the mindset of a person belonging to the "Russian world", as it is reflected in modern war lyrics. The author comes to the conclusion that the fundamental motive of modern war poetry is the comprehension of the events taking place in the light of the Gospel values. The author emphasizes that the motive of compassion of the Russian people for the enemy is opposed to the motive of senseless, inhuman cruelty of the enemy towards the Russians. This is associated with the most important theme of retribution, which also comes to the fore in the lyrics dedicated to the special military operation. The author consistently analyzes the following motives: war as purification, a large-scale action to give birth to new Russia and, together with it, a new world; the motive of awakening, understanding by society its goals and values; the motive of the need for unity of the "Russian world". The author notes that one of the key ideas of modern poetry about war is the idea of recognizing the most important role of Russian culture, which preserves the truth, creates and revives man.

Key words: "Russian world", values of the "Russian world", special military operation, modern war poetry, modern poetry.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-104-109

В настоящее время Россия, как не раз в истории, переживает сложные и опасные времена. Подчеркивая первостепенную роль событий на передовой, отметим, что российское общество остро нуждается в осмыслении происходящего, поскольку без тыла победа невозможна. Именно понимание разворачивающихся на наших глазах событий, как оно отражено в современной поэзии, позволяет идентифицировать, чем живет «русский мир», каковы его ценности и идеалы, как он воспринимает специальную военную операцию и чего ждет.

Термин «русский мир» понимается нами как надэтническая языковая и культурная общность людей, разделяющих ценности русской культуры и небезразличных к судьбе России, независимо от страны их происхождения и проживания [4, 288].

Основополагающим мотивом современной военной лирики, на наш взгляд, является осмысление происходящих событий в свете евангельских ценностей.

В стихотворениях Дмитрия Молдавского основная идея заключается в том, что «русской армии слава и сила / предводима рукой Михаила / и укрыта Его же крылом» [2, 231].

Стихотворение «Пасхальное» построено на параллелизме: историческое событие Воскресения Христова соотносится с сегодняшним днем. По мысли автора, «две тысячи лет Он один ходил, а сегодня ведет десант», сходжение во ад Спасителя сравнивается со штурмом русскими войсками вражеской территории, которые «спустятся в глубь глубин, достигнут сумрачных врат». Христос победил смерть, поэтому русскому воину смерть не страшна; самоотверженность, отвага и бесстрашие – отличительные черты нашего воинства. Победа на поле боя мыслится как победа над злом, победа метафизическая, и она так же неотвратима, как победа Спасителя над силами ада.

В стихотворении Светланы Кековой «Мир, опровергнув аргумент Декарта...» предпринята попытка художественного осмысления причин войны. Автор обращается к концепции, описанной Святителем Николаем Сербским в книге «Война и Библия». Святитель пишет: «От качества нашего мира зависит, будет или не будет война. ...Мир без Бога есть колыбель войны. В мире плодятся и растут бактерии войны, а когда они размножатся и вырастут, то война неизбежна. Хотят ее или нет – она неминуема» [6, 59]. Вслед за святителем, С. Кекова утверждает, что источником зла на земле является грех, а война – неизбежное его следствие. Главным образом «идолы в сердце», а также отсутствие осознания собственной вины в происходящем, – вот причины того, что мир в очередной раз оказался у пропасти. Россия становится своего рода заложницей сошедшего с ума мира, который «безумную вращает карусель», а «со страниц печати европейской доносятся рычание и лай». Остановить «бесчинствующую метель» – провиденциальная роль России в истории.

В центре стихотворения Надежды Кондаковой «Мне жалко всех, убитых ненароком...» – образ матери, потерявшей сына. Ценность человеческой жизни утверждается здесь через призму материнской жалости ко всем убитым, неважно, с какой стороны. Чувство достоинства, благородство и великодушие, присущие русскому человеку, отражены в утверждении, что, несмотря на боль от потери сына, автор «героям не стреляет в спину» и «знает цену взятой высоты». В это трагическое время русская история и русские святые помогают перенести скорби: «Со мною страстотерпцы, как живые, – / сам Государь и доченьки его. / И дети Украины и России. / И Бог. И выше нету ничего» [2, 151].

Царственные Страстотерпцы, по мысли автора, становятся заступниками за всех людей Великой Руси – русских и украинцев, автор предстательствует за оба народа как мать, Бог как Отец всех людей внимает этим мольбам. Прощение, примирение и объединение, согласно Н. Кондаковой, возможны только благодаря подлинной вере и настоящей любви.

Мотив материнской любви и сострадания, усыновления воинов обоих лагерей, молитвы за детей по обоим сторонам баррикад крайне распространен в современной военной лирике, достаточно назвать стихотворения Анны Долгаревой «За холмом и рекой бахает, бацает...», Татьяны Коптеловой «Витя, бегом домой...», Аллы Поспеловой «Это ж твои дети...», Антона Шагина «Из брони на нем – только крест...» и другие.

В стихотворении Елены Заславской «Навстречу солнцу» образ матери овеян фольклорными мотивами. Автор использует традиционные русские фольклорные образы: «соколик сизокрыленький», «сырая земля», «мать-земля», «душа моя, как горлица». В тяжелых испытаниях именно от земли как основы основ русской жизни автор ожидает спасения: лирическая героиня просит землю-мать «дать силу», «быть опорой», защитить ее сына, «стать нерушимым щитом». Противостояние войск мыслится как «живые против нежити», весна против «расползающегося мрака». Сама борьба становится путем «навстречу Солнцу», а победа ожидается как долгожданная весна: / И весны твоей подснежники / Пробиваются на свет!» [2, 111].

Мотив сострадания русских людей к врагу (Владислав Артемов «Враг», Анна Долгарева «Поэма конца») противопоставлен мотиву бессмысленной, нечеловеческой жестокости противоположной стороны по отношению к русским (Андрей Болдырев «Март всыпал нам по первое число...», Дмитрий Артис «В одночасье страна разделилась на две...», Юрий Кублановский «Донбасский триптих» и т.д.).

Одна из основных тем современной военной лирики – тема возмездия.

В стихотворении Светланы Кековой «И крики, и мольбы...» события в Одессе 2 мая 2014 г. сопоставляются с событием распятия Христа. Убийство русских людей не останется безнаказанным, автор ждет высшей справедливости – воли Божьей – и видит ее проявление в войне: «Но Божий гнев уже созрел в огромных чашах... / Да будет эта кровь на вас и детях ваших, \ на вас, кого уже нельзя назвать людьми» [2, 144].

В стихотворениях Романа Рубанова «Аллея ангелов», «Бог войны говорит грозным голосом...» главный герой – «ветхозаветный мститель», который спускается, чтобы призвать к ответу, и тогда «огненный дождь прольется на потерявших память».

Теме возмездия посвящено стихотворение Владимира Безденежных «Когда мы мир открывали...». Автор убежден: кровь убитых русских людей вопиет об отмщении: «Кровь – она не водица, / Это Божий напалм. / Только стоит пролиться, / И она будет жечь» [2, 33].

Русская сила олицетворяет собой «Божий праведный гнев»: «Мы – Господня десница, / Мы – Архангела меч» [2, 33].

Стихотворение проникнуто верой в то, что смерть за Родину полна высокого смысла, отдать свою жизнь за ближних – это подвиг. Поле боя и шире – весь мир – предстает гигантской плавильной печью, в которой совершается превращение земного, смертного в вечное. Смерть отнюдь не конец, но только начало новой жизни, в которой всем воздаться по заслугам:

Белесым прахом окалин,
Предвечной Божьей золой
До самых дальних окраин
Ложатся слоём на слой
Подряд герои и черти.
И ты не бойся, ложись.
Кому-то ад после смерти,
Кому-то новая жизнь [2, 32].

Конечная цель ратных подвигов – очищение мира, который в итоге «будет невинен, выжжен до чистоты».

В современной военной лирике специальная военная операция зачастую воспринимается как некое очищение, чистилище, как масштабное действие по рождению новой России и вместе с ней нового мира. Так, в стихотворении Елены Заславской «Записки ветерана Апокалипсиса» читаем: «Это не гром пушек, / Это мир сбрасывает старую кожу» [2, 115]. В стихотворении Андрея Добрынина «Закатные ложатся тени...» неотвратимое зло – война – становится благом: по мысли автора, она несет тепло, весну и жизнь омертвевшему миру:

Случаются года благие,
Когда весна приходит так,
Когда через войну приходит
То, что готовилось уже
И много месяцев – в природе,
И много лет – в людской душе [2, 76].

В стихотворении Марины Кулаковой «Лето 2022-го» война предстает как процесс очищения, «многоярого и многотрудного», от всего наносного, лицемерного, торгашеского. Автор обращается к стране как к матери с призывом «обнять всех своих детей», восстановить порушенный мир и утвердить справедливость:

Отторгай же – своих торгашей,
вспоминай же – родные пашни!
Провожай лицемеров взашей –
в день вчерашний...
Поднимайся, ты – вновь огромна [2, 179].

Лирика, посвященная специальной военной операции, пронизана идеей о необходимости единения «русского мира». Основным мотивом стихотворений Олеси Николаевой «На Донбассе», «Дети Донбасса» стал мотив объединения России и приведения младшей сестры, Украины, в общую семью. Этот мотив поддержан в стихотворениях Игоря Никольского «Мир не будет таким, как прежде...», Андрея Полонского «Незадача. Нам дана...», Вадима Месяца «Русская весна». Поэты убеждают нас, что «все мы – русские», война – «Не гражданская она, / Внутривенная, / Межколенная» [2, 295].

Лейтмотив многих стихотворений Влада Маленко – идея соборности российской цивилизации, неразрывная связь людей, отмеченных печатью русской идентичности. В стихотворении «Юго-Восточное» благополучная, иногда даже роскошная жизнь с «новостями войны на завтрак» противопоставлена кровоточащему миру разрушения, трагедии и смерти. Смерть вторгается непосредственно в быт: убитая корова на Луганском лугу, пустая школа с выбитыми стеклами в Славянске, взорванный завод в Краматорске. Автор подчеркивает, что грани между этими двумя мирами просто нет, потому что оба они – Россия:

По ком звонит колокол?
По ком работает артиллерия?
По Москве, сестра.
По Сибири, брат.
По России, друг [2, 207].

Очень распространен в современной военной поэзии мотив пробуждения, осмысления обществом самого себя, своей целей и ценностей. В стихотворении Любви Готовой «Эти русские» автор задается вопросом: / Для чего поем и плачем? / Что мы знаем? Что мы значим? / Почему мы? Отчего? / Мы – за что? Мы для кого? [2, 56]. Андрей Добрынин в стихотворении «Мы ничего не претерпели...» отвечает на подобный вопрос так: «Пойми и то, что ты полжизни / Прожил безрадостно и слепо, / И только через состраданье / Ты сам себе откроешь небо» [2, 75].

Мотив пробуждения России и русского человека занимает центральное место в стихотворениях Ивана Купреянова «Бессмертный полк» и «В генах скрыто много памяти...». Автор убежден, что «мы сегодня просыпаемся от навязанного сна». Прежде всего, наш современник мыслится И. Купреяновым как потомок победителей, «Мучеников Войны», обретших рай и бессмертие благодаря своему подвигу. Автор призывает нынешнее поколение быть достойным памяти предков, отвергнуть комфорт и самоуспокоенность, ведь

не материальные блага, а героизм и жертвенность дают человеку настоящее счастье. Русские люди просто не имеют права на малодушие: «Если живые струсят – / мертвые встанут в строй» [2, 185]. Очистительная и побуждающая роль специальной военной операции, по И. Купреянову, важна не только в социальном отношении, но и с точки зрения философской, жизненно-сущностной. Многие молодые люди, возможно, впервые задаются вопросом: «Кто я? Для чего я? Где же я? Что случится и когда?» Именно возвращение собственных, незаимствованных ценностей позволит русским людям построить новый мир, «хороший», «свой».

Важный аспект осмысления современной русской жизни – проблема восприятия специальной военной операции обществом, негативное отношение сопричастных войне к диванным критикам. В стихотворениях Влада Маленко «А добро должно...» и Марины Кудимовой «Война» отражена необходимость положительного идеала в обществе, насущная потребность идеологически, морально в тылу быть едиными с бойцами на передовой. В стихотворениях Вадима Степанцова «Донбасс, поселок Счастье», Олега Демидова «Война в прайм-тайм, война онлайн...», Любови Глотовой «Забанить – выстрелить в упор...» «дивное диванное» сатирически противопоставляется реальной страшной и неотвратимой смерти, суровой правде войны. «По соцсетям летают бесы с кровавой пеной на губах и жадно рассыпают прах», что лишь осложняет ту борьбу России с вселенским злом, которую она ведет на передовой.

Стихотворение Александра Пелевина «Простите, что я не уеду...» построено на диалоге с чужим сознанием, в котором господствуют клише, служащие выражением русской идентичности. Квинтэссенцией стихотворения, на наш взгляд, можно считать одну строку, в которой чужая недружественная речь антиномически соседствует с речью авторской: «Ужасная, темная, злая. Большая, родная, моя».

Набор негативных либеральных штампов о России – «ужасная и темная страна», «рабы и русня», «вселенское зло», «кровавые орки», «история нас похоронит» – сгущается до гиперболы. Вероятно, тут уместно вспомнить образ России варваров, «монгольской дикой орды» с «азиатской рожей», воспетый А. Блоком в стихотворении «Скифы» [1, 685]. Тем не менее, авторская характеристика сатирическая: это развенчание позиции тех современных Смердяковых, которые «всю Россию ненавидят» и для которых было бы хорошо, если бы «умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе», которые убеждены, что «русский народ надо пороть-с» [3, т. 8, 298].

Решение быть вместе со своей страной предстает как желание «остаться собой», быть верным себе, людям, которые тебя окружают и – шире – своему предназначению и истории: «Простите, что я со своими; и если своим тяжело, / Я с ними, я с ними, я с ними, / и пусть мы вселенское зло...» [2, 278]. Отрицательные характеристики России и русского народа намеренно сгущены и гиперболизированы, тем сильнее авторский пафос отстаивания права русского человека быть таким, каким он хочет быть и «делать то, что умеет». Этой же цели служит и ироничное извинение перед теми, кто уехал: стихотворение начинается и заканчивается словом «простите», всего же это слово использовано в стихотворении девять раз. «Простите, ну что тут поделать. / Мы русская пустота» [2, 278].

Одна из центральных идей лирики, посвященной специальной военной операции, – это идея признания важнейшей роли русской культуры, которая сохраняет истину и животворит. Стихотворение Германа Титова «Был я жив, а теперь – не знаю...» афористично выражает суть мировоззрения русского человека в нынешнюю историческую эпоху: «Мое сердце – там, под бомбежкой, / Моя родина – русский язык» [2, 352].

Мотив великой силы русского слова, его исключительного значения в жизни и культуре является визитной карточкой русской поэзии XIX–XX веков. Современная поэзия вбирает в себя и творчески осваивает этот мотив: русский язык – святыня, которая во времена испытаний дает опору, спасает и возрождает. Героями стихотворения Максима Замшева «По родимой по южной земле продвигаются танки...» становятся поэты-участники Великой отечественной войны: К. Симонов, Б. Слуцкий, Ю. Левитанский, М. Кульчицкий,

Д. Самойлов, Н. Майоров, Н. Отрада, П. Коган, А. Недогонов, С. Гудзенко – некоторые из них украинского происхождения. По мысли автора, «бессмертный полк» покинул «бессмертный свой строй», чтобы помочь потомкам одолеть неприятеля. Поэты-фронтовики, которые сами прошли через ад войны, олицетворяют собой также ключевую, основополагающую роль русской культуры, поэзии в русской жизни. Русским «форсировать Днепр не впервой», но «нам не сдюжить без них, нам нужна эта вечная фора».

В стихотворении «Мы – русские! С нами Борхес...» Роман Рубанов включает русскую культуру в контекст общемировой, представленной великими писателями, художниками, композиторами и философами. Образ врага России, нарисованный автором, представляет собой собирательного вненационального человека, отринувшего культуру, расчеловечившегося: «...Вы культуру продали, / Сменяли на бусы, на хлам [2, 322]. Русский народ давно ассимилировал, включил в свою сокровищницу наивысшие достижения человеческого гения всех народов. Сила духа и величие русского человека, многочисленные военные победы России – прямое следствие ее великой культуры. Автор убежден, что «стирание нашей культуры» означает отмену культуры как таковой: «Хотите культуры отмены? / Так мы с собой заберем / Моне, Ренуара, Сартра, / Шагала, Дали, Дега... [2, 322].

В стихотворении «Нацисты целились не в нас...» Алексей Шмелев пронизательно замечает, что целью современных нацистов является отнюдь не просто убийство русских людей: «они пришли не за тобой – \ они за словом, / стихами Пушкина пришли, / Толстого прозой... [2, 371]. Автор метафорически резюмирует, что именно русская культура защищает нас: «Вот и скажи – по чьей вине / улов не густ их? / Толстой и Пушкин на войне – / в столице пусто [2, 371].

Можно сказать, что темы, мотивы и идеи современной военной поэзии крайне разнообразны. Помимо упомянутых нами необходимо также обратить внимание на чрезвычайно распространенную тему трагической, неизбывной вины и мучительной памяти, снов (Андрей Болдырев «Март всыпал нам по первое число..», Елена Заславская «Степная птица», Антон Шагин «Аллея ангелов, прости...» и другие).

Также крайне важная и широко распространенная тема связана с хрупкостью человеческой жизни, уязвимостью человека и преодолением страха смерти: это основная тема стихотворений Андрея Добрынина «Теплые, мягкие люди, нажми – и кровь потечет...», Виктора Пеленягрэ «До конца», Александра Пелевина «Ходит смерть и говорит...», Алексея Шмелева «Умирал солдат, как говорится...», Германа Титова «Барнаул, Лисичанск или Выборг...». Афористически основную мысль данных стихотворений можно выразить двустушием Германа Титова: «Жизнь и смерть – очень маленький выбор, / А иного в наличии нет [2, 354].

Не будет преувеличением сказать, что современная лирика, посвященная специальной военной операции, вобрала в себя многие традиции советской военной поэзии. Следует отметить, что в современной военной поэзии мы не найдем воспевания безразличия или жестокости к врагу, чувства злорадства, мелочности или иных низменных эмоций, также мы не встретим и ощущения бессмысленности происходящего. В лирике отражена очевидная высокая цель, ради которой русский человек готов принести жертву, даже самую большую – «душу свою за друзей своих» [5, 791].

В целом, описанные нами особенности военной поэзии, отражающие настроение нашего современника, дают надежду на постепенное созидание и обновление общего «русского дома», на еще большую консолидацию и оздоровление «русского мира», великие достижения которого доступны всем, считающим себя его неотъемлемой частью.

1. Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. М., 2008.
2. Воскресшие на Третьей мировой. Антология военной поэзии 2014–2022 гг. Стихи. СПб., 2023.
3. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. М., 2021.
4. Козловцева Н.А. «Русский мир» как теоретическое понятие в современном социально-гуманитарном знании // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 3. С. 284–292.
5. Святое Евангелие с переводом на русский язык. Минск, 2019.
6. Сербский Николай, святитель. Война и Библия. Симферополь, 2016.

С.Н. Алькенова
S.N. Alkenova

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

FUNCTIONING OF IMITATIVE WORDS IN PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE KAZAKH LANGUAGE

Цель и научная новизна работы обусловлены исследованием специфики функционирования подражательных слов во фразеологизмах казахского языка. В результате проведенного анализа фактического материала можно отметить, что: 1) при соотнесении фразеологизмов казахского языка с эквивалентами в русском языке предполагаемое значение в большинстве своем выражается использованием иного образа, в некоторых случаях, значение на лексическом уровне полностью совпадает; 2) касательно нашей выборки, во фразеологизмах присутствуют в основном подражательные слова, указывающие на жизнедеятельность человека (его эмоциональное состояние, поведение), поскольку все примеры восходят к фразеологическим моделям: счастье и несчастье; честность и подлость; милосердие и жестокость; 3) классификационно встречаются подражательные слова, передающие звуки издаваемые человеком, природой, животными; 4) встречаются примеры фразеологизмов, в которых присутствуют аллитерационные, ассонансные повторы на фоне подражательных слов, что приводит к благозвучию и гармонии в пределах отдельно взятого фразеологического оборота; 5) диапазон значений подражательных слов варьируется достаточно широко, но вместе с тем мы наблюдаем, что так или иначе связь с первичным значением подражательных слов не утрачивается в процессе семантизации. Изучение фразеологизмов с звукоизобразительным своеобразием в определенной степени повышает интерес к их изучению.

Ключевые слова: фразеологизмы; фразеологические модели; образ; подражательные слова; диапазон значения.

The purpose and scientific novelty of the work are determined by the study of the specifics of the functioning of imitative words in phraseological units of the Kazakh language. As a result of the analysis of the factual material, it can be noted that: 1) when correlating phraseological units of the Kazakh language with equivalents in the Russian language, the intended meaning is mostly expressed by using a different image, in some cases, the meaning at the lexical level completely coincides; 2) regarding our sample, phraseological units mainly contain imitative words indicating human activity (his emotional state, behavior), since all examples go back to the phraseological models of happiness and unhappiness; honesty and meanness; mercy and cruelty; 3) in accordance with the classification, there are imitative words conveying sounds made by humans, nature, animals; 4) there are examples of phraseological units that contain alliterative, assonance repetitions against the

background of imitative words, which leads to euphony and harmony within a single phraseological unit; 5) the range of meanings of imitative words varies quite widely, but at the same time we observe that one way or another the connection with the primary meaning of imitative words is not lost in the process of semantization. The study of phraseological units with sound-pictorial originality to a certain extent increases interest in their study.

Key words: phraseological units; phraseological models; image; imitative words; range of meaning.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-110-118

В данном исследовании осуществляется контрастивно-семантический анализ фразеологизмов казахского языка на уровне их соотношения с эквивалентами в русском языке, выявляются фразеологические модели миропонимания рассматриваемого этноса, в рамках настоящей работы мы сузились до изучения функционирования подражательных слов в составе фразеологических единиц казахского языка, до наблюдения за диапазоном их значений.

Фразеологические обороты относятся к «строевым единицам языка, которые отражают внеязыковую действительность», национально-культурную специфику, быт, обычаи и традиции народа, его мировоззрение и мироощущение [15]. Главными свойствами фразеологических оборотов является устойчивость и целостность. Для того, чтобы правильно использовать фразеологизмы в речи, важно знать не только их значения и коннотации, но и ситуативный контекст, в котором они могут быть применимы [3, 454; 4, 62]. С позиции фоносемантики, усиление экспрессивности фразеологических единиц может быть достигнуто с помощью фоносемантических средств, процесса «сложения смыслов», «добавочной оттеночности» [9, 61]. При изучении фразеологических оборотов можно наблюдать «различия отбора образных оснований фразеологизмов; стремление народов сохранить свою самобытность» [8, 150]. С помощью фразеологических словосочетаний создается некая культурная ассоциация [11, 223]. За счет несовместимости содержательного и смыслового плана в фразеологизмах придается глубина предполагаемому значению [1, 111, 112]. Проследим за функционированием подражательных слов казахского языка в следующих примерах фразеологических оборотов (см. Таб. 1) [6, 7, 10, 12, 14]:

Таблица 1

Подражательные слова во фразеологических единицах казахского языка

№	Фразеологическая единица	Буквальное значение	Предполагаемое значение	Эквивалент в русс. языке
1	<i>ағыл-тегіл (еңіреп көз жасын көл қып) жылау</i>	лить слезы ручьём	горько плакать, рыдать	лить слезы в три ручья; море слез (пролить); реветь белугой
2	<i>ағып тұр (тұрған)</i>	речь струится	владеть словом, оратор	язык хорошо подвешен
3	<i>айдағаны екі ешкі ысқырығы жер жарады</i>	погоняет всего двух коз, а свистит так, что земля трещит	небольшое количество людей в узком месте кричат и болтают	добыча не пышна, зато пальба далеко слышна
4	<i>аппақ самаладай жарқыраған</i>	сияет, как белый бриз	ослепительно, ярко освещенный	искра божья

5	<i>аяғы аспаннан салбырап түскен жоқ</i>	не с небес он спустился	обыкновенный, нормальный	не семи пядей во лбу
6	<i>аяғының желі бар</i>	в его ногах ветер	резвый (о коне); человек, который занимается ночными набегами, налетчик	бежать, высунув язык
7	<i>ебелек қағу</i>	в спешке; колыхаться как трава	суетиться	вертеться как белка в колесе
8	<i>екі шоқып, бір қарау</i>	два раза клонув, один раз посмотреть	быть крайне осторожным	смотреть в оба
9	<i>еңірегінде етегі толу</i>	подолу наполняться слезами	обливаться, заливаться слезами	лить слезы в три ручья; море слёз (пролить)
10	<i>бас терісі салбырау</i>	отвиснуть коже головы	приходить в уныние, огорчаться	вешать нос
11	<i>бет жырту</i>	поцарапать лицо	грубо стыдить, подвергать критике, ссориться	вернемся к нашим баранам; камня на камне не оставить
12	<i>беті бұлк (былиш, шылп) етпеу</i>	его лицу не дрогнуть	не испытывать чувства стыда	без зазрения совести
13	<i>беті (жүзі) ду ете түсу</i>	его лицо запылало	внезапно покраснеть от смущения, стыда	покраснеть до ушей
14	<i>бүрсең қағу</i>	стучать	дрожать от холода	дрожать как осиновый лист
15	<i>былқ етпеу</i>	не шевельнуться	не реагировать	ноль внимания
16	<i>былиш еткізу</i>	ляпнуть в лицо	говорить открыто, прямо	бросать в глаза; выложить без обиняков; говорить все как есть;
17	<i>бірінің аузына бірі түкіріп қойғандай</i>	как будто друг другу плюнули в рот	как сговорились	пуд соли съесть (вместе)
18	<i>дүрсе қоя беру</i>	позволить погрузиться	наброситься; возражать	качать права; поливать грязью
19	<i>дірдек қағу</i>	пульсировать	сильно дрожать от холода	дрожать как осиновый лист
20	<i>жалп етек болу</i>	низко опустить подол	униженно просить о чем-либо	кланяться в ноги
21	<i>жел сөз</i>	слова как ветер	пустословие	бросать слова на ветер; длинный язык (слишком)

22	<i>жүрегі зу (су) ету</i>	его сердцу ёкнуть	о внезапном ощущении тревоги, испуга	сердце обрывается
23	<i>жүрегі қарс айрылу</i>	его сердцу разрываться пополам	тяжесть от душевной боли, от чувства жалости	сердце кровью обливается
24	<i>жүрегі лүпілдеу (лүн ету)</i>	его сердцу трепетать	волноваться	сердце бьется
25	<i>жүрек аттай дүрсілдеу (тулау)</i>	стук сердца, как цоканье копыт лошади	сильно волноваться (от радости, от страха)	кровь в жилах стынет; мурашки по коже; мороз по коже
26	<i>жырттысын жырту</i>	разрывать на части	быть сторонником кого-либо	держат сторону
27	<i>зар жақ</i>	беспрестанно плачущий	плакса (о ребенке, человеке)	глаза на мокром месте;
28	<i>зар илеу (қағу)</i>	изливать горе	сильно горевать, плакать	море слез (пролить); бессонная ночь
29	<i>ит сілікпесін шығару</i>	трясти кого-либо как собаку	измучить, утомить тряской по плохой дороге	возить воду (на ком-л.)
30	<i>көзге шұқу (тұрту)</i>	колоть глаза	попрекать, стыдить кого-либо, говорить прямо, открыто	бросать в глаза; ближе к делу; выложить без обиняков; говорить все как есть; горькая правда; (вогнать) в краску кого
31	<i>көкірегі қарс айрылу</i>	груди пополам разрываться	переживать	сердце разрывается на части; бессонная ночь; брать за душу; ломать голову
32	<i>көңіл селт етпеу</i>	настроению не подниматься	нет никаких желаний, настроения	бровью не повел; встать не с той ноги
33	<i>көңіл су сепкендей басылу</i>	настроению упасть, будто окатили водой	сникнуть	вешать нос; падать с неба;
34	<i>кірпік қақпау (ілмеу)</i>	не смыкая ресниц	бодрствовать, не спать	не сомкнув глаз
35	<i>қабағы жабылу қарс</i>	закрыть веки	сильно нахмуриться, насупиться	брови дугой; насупить брови
36	<i>қағанағы қарқ, сағанағы сарқ</i>	опускаться векам на вершок	бесконечно счастливый, пользующийся всеми благами	бить ключом
37	<i>қанаттыға қақтырмау, тұмсықтыға шоқытпау</i>	не давать пернатому задеть крылышками, не давать клюнуть	никому не давать в обиду; проявлять трогательную заботу	чувство локтя; брать под крыло

38	құлақ сарсыту (сасыту)	дать ушам протухнуть	надоедать, терзать слух	уши вянут
39	қылышынан қан тамып тұр	с его сабли капает кровь	об очень жестком и безжалостном человеке	глянет трава вянет
40	лап беру (қою, ету)	плескаться	ринуться, хлынуть потокот; быстро загореться, запылать (об огне)	без оглядки
41	лып қағу	пуститься	ходить очень быстро, проворно	на одной ноге
42	өксігін басу	подавить рыдание	перестать всхлипывать	унять свое сердце
43	өмірі өксу	жизнь проходить в слезах	беспросветно жить	глаза на мокром месте; етишкина жизнь
44	өтірікті судай сапыру (сықырту)	ложь как воду взбалтывать	врать, не зная меры	врет, как водой бредет
45	сап ете түсу (қалу)	как с луны свалился	внезапно появляться, прибывать; неожиданно вспомнить что-либо	как снег на голову
46	сай-сүйегі сырқырау (шымырлау)	ослабевать (ныть) костям, вискам	очень сильно, глубоко волновать, потрясать	переворачивать всю душу
47	сақылдаған сары аяз	защищен желтым морозом	трескучий мороз	дрожать как осиновый лист
48	сарп ету (қылу)	тратить	посвящать кому- либо, чему-либо жизнь	пройти испытание временем
49	сырт айналу	повернуться спиной, подставить спину, держаться холодно	отвернуться, выражая пренебрежение	показывать спину
50	сіркесі су көтермеу	не пить уксус	быть в плохом настроении	не в духе
51	табанды (өкшені) ж алтырату	засверкать стопой (пятками)	быстро убегать	дать деру, уносить ноги
52	төбе құйқасы шымырлау	мурашкам бегать по его темени	испытывать чувство страха, жалости, возбуждения	мурашки бегают по спине

53	тықыр таяну	плотно прилегает; приближаться шелесту	приближаться опасности, чему-то недоброму	бежать, как от чумы
54	тырс <i>еткен жан (тірі пенде) жоқ</i>	нет ни души (ни живой души)	никого, ни одного человека; очень тихо	ни одной души
55	үріп (<i>шайқап</i>) <i>ішіп, ұрттап төгу</i>	подув (взболтав), пить, глотая, проливать	жить в достатке	кататься, как сыр в масле
56	шарқ ұру	искать везде и всюду; нанести удар	искать повсюду	вдоль и поперек
57	шорт кесу	рассекать пополам	резко, категорически сказать что-либо тоном, не допускающим возражений	как ножом отрезал
58	<i>шыбық тимес шыңқ етер</i>	еще не задели его прутиком, а он уже вопит	недотрога	жена Цезаря
59	<i>шыбын</i> <i>жаны</i> шырқырау	визжать мухе-душе	издавать вопль	гомерический хохот;
60	шырқ бұзу	разбить свечу	причинять беспокойство	доставать кого-либо; как банный лист (пристать); не давать покоя

Подражательные и образоподражательные слова казахского языка: *ағын*, сущ. – течение воды, поток; *бүлк* – подражание бульканью; *бүрсең қағу*, гл. – дрожать от холода; *былқ, былиш* – подражание шлепанию, хлюпанию; *ду*, сущ. – галдеж, шум при скоплении, внезапный шум, гам, взрыв голосов (группы людей); *дүрс* – топот, глухой шум; *дүрсіл*, сущ. – биение, стук, топот, рокот; *дір* – звуки, производимые в результате дрожащих, вибрирующих действий, движений; *еңіреу*, гл. – хныкать; *жалп* – подражание хлопанию, плюханью, развеванию; *жалт* – подражание блеску, сверканию; *жарқ* – подражание блеску, сверканию; *желбіреу*, гл. – веять, развеваться (о ветре), раздувать; *жырту*, гл. – рвать, разрывать; *зар* – рыдание, горький плач, вопль, стон, скорбь; *зар еңіреу*, гл. – рыдать во весь голос; *зу* – подражание гудению, жужжанию; *қағып-сілку*, гл. – встряхивать; *қарқ-қарқ* – подражание громкому раскатистому смеху; *қарс-қарс айыру*, гл. – с шумом, треском разламывать, разделять; *лап-лап* – подражание колышущимся языкам пламени; *лып* – подражание горению; *өксу*, гл. – плакать негромко, всхлипывая, задыхаясь, сильно вздрагивая; *сақ* – подражание резкому, отрывистому, шелкающему и трескучему звуку; *салбырау*, гл. – грохотать; *салбыр*, сущ. – бряцание; *сар* – подражание журчанию, бурлению, шуму потока воды; *сарқ-сарқ* – подражание шумному течению; *сап* – подражание взбалтыванию; *себу*, гл. – брызгать, разбрызгивать; *селт ету*, гл. – вздрогнуть; *сықыр*, сущ. – хруст, скрип, треск; *сырт-сырт* – звукоподражание хрусту, легкому стуку; *сілку*, гл. – встряхивать, трясти; *сіркіреу*, гл. – моросить, капывать (о дожде); *таму*, гл. – капать; *тү(к)* – подражание плеванию; *тық* – подражание более тихому стуку, звуку, ударам жестких не звонких предметов; *тықыр*, сущ. – шебуршание; *тырс* – подражание

отрывистому тихому стуку, треску; *шарқырау*, гл. – бурлить, гудеть (о реке); *шоқу*, гл. – клевать; *шор* – подражание звукам струящейся воды, сосания, швыркания; *шұқу*, гл. – ковырять, клевать; *шылп* – подражание шлепанью, хлопанью; *шымырлау*, гл. – булькать, кипеть, течь (о роднике); *шың* – подражание звонким, бренчащим, звякающим звукам; *шыр* – подражание чириканью воробья, сильному плачу ребенка, подражание щебетанию птиц; *шырқау*, гл. – петь, литься песней, затянуть красивую мелодию; *шырқырау*, гл. – завопить, пищать; *ұрттау*, гл. – глотать; *ұру*, гл. – лаять, вздуть; *ыс* – подражание шипящим, свистящим звукам; подражание шипению змей или звуку, подобному свисту [10, 13].

Касательно проведенного семантического анализа фразеологических оборотов казахского языка, можно отметить, что посредством фразеологизмов сохранились и передаются из поколения в поколение важные для социума социально-культурные, морально-этнические установки поведения, общечеловеческие культурные ценности. В национальном миропонимании все сущее состоит из противоречий, без которых немислимо развитие, движение. Фразеологические модели миропонимания рассматриваемого этноса базируются на противопоставлении таких языковых понятий, как честность и подлость, милосердие и жестокость, польза и вред, счастье и несчастье и др., цветообозначения *белый* и *черный* используются для разграничения хорошего и плохого. В то же время, нельзя не отметить, что для казахского народа черный цвет, являясь символом страдания, вместе с тем используется как для преувеличения плохого, негативного, так и для гиперболизации хорошего, позитивного [5, 77]. Касательно нашего фактического материала, можно отметить, что большинство примеров фразеологизмов восходят к противопоставлению счастье и несчастье: *горевать, переживать, унывать / жить в достатке*; честность и подлость: *пристыдить / сговориться*; милосердие и жестокость: *поддерживать / резвить* и др. Учитывая наличие именных (субстантивных), глагольных, атрибутивных, наречных, модальных, междометных фразеологизмов, согласно нашей выборке фразеологизмов в большом количестве превалируют глагольные фразеологизмы.

Как оказалось, большинство казахских фразеологизмов имеют эквиваленты в русском языке, у которых наблюдается одинаковое лексическое значение. Примечательно, что в эквивалентах фразеологизмов русского языка мы не находим присутствие или участие звукоподражательных слов в их составе. Значения, представленные в различных языках, выражаются по-разному в лексическом плане: с использованием иного образа (*айдаганы екі ешкі ысқырығы жер жарады* – букв. погоняет всего двух **коз**, а свистит так, что **земля** трещит – соответствует русскому *добыча не пышна, зато пальба далеко слышна*; *аяғы аспаннан салбырап түскен жоқ* – букв. не с **небес** он спустился – соответствует русскому *не семи пядей во лбу*; *бас терісі салбырау* – букв. отвиснуть **коже головы** – соответствует русскому *вешать нос*; *беті (жүзі) ду ете түсу* – букв. его **лицо** запыхало – соответствует русскому *покраснеть до ушей*; *көкірегі қарс айрылу* – букв. **груди** пополам разрываться – соответствует русскому *сердце разрывается на части*; *қабағы қарс жабылу* – букв. закрыть **веки** – соответствует русскому *брови дугой*; *насупитъ брови*; *кірпік қақтау (ілмеу)* – букв. не смыкая **ресниц** – соответствует русскому *не сомкнув глаз*; *табанды (өкішені) жалтырату* – букв. засверкать **стопой (пятками)** – соответствует русскому *уносить ноги*; *төбе құйқасы шымырлау* – букв. мурашкам бегать по его **темени** – соответствует русскому *мурашки бегают по спине* и др.); значения могут также складываться из безэквивалентных и фоновых слов (подобные примеры фразеологизмов в нашей выборке отсутствуют); в то же время фразеологизмы с одинаковыми компонентами могут быть эквивалентными по значению, совпадать по лексическому значению и частично по образности (*жел сөз* – букв. слова как **ветер** – соответствует русскому *бросать слова на ветер*; *жүрегі лүпілдеу (лүп ету)* – букв. его **сердцу** трепетать – соответствует русскому *сердце бьется*; *құлақ сарсыту (сасыту)* – букв. дать **ушам** протухнуть – соответствует русскому *уши вянут*; *өтірікті судай сапыру (сықырту)* – букв. **ложь** как **воду** взбалтывать – соответствует русскому *врёт, как водой бредёт*; *тырс еткен жан (тірі пенде) жоқ* – букв. нет ни **души** (ни живой души) – соответствует русскому *ни одной души* и др.).

Тематически подражательные слова в казахском языке присутствуют во фразеологизмах про человека и его эмоциональное состояние, поведение; классификационно используются подражательные слова, издаваемые человеком (*еңіреу, ду, тү(к), қарқ-қарқ, зар, лүпіл, өксу, ұрттау*), животными (*ыс, шоқу, зу, ұру, шырқау, шыр, шырқырау*), предметами (*салбыр, қағып-сілку, жыртыу, бұлк, былиш, шылт, жалп, дүрс, дір, бүрсең қағу, қарс-қарс, селт, сап, сықыр, сақ, сырт-сырт, тық, тырс, шын*), природой (*ағын, желбіреу, сарқ-сарқ, сар, таму, лып, сіркіреу, шымырлау, шарқырау, шор*) и образоподражательные слова (*жарқ, жалт*).

Диапазон значений подражательных слов по фактическому материалу можно отобразить следующим образом: <течь/лить слезы>, <веять, дуть/резвить; пустословить>, <колыхаться/суетиться>, <клевать/быть осторожным>, <грохотать/огорчаться>, <царапать/критиковать>, <шлепать/говорить прямо>, <плевать/сговориться>, <трепетать/волноваться>, <разрывать/поддерживать>, <трясти/измучить>, <журчать, бурлить/надоедать>, <взбалтывать/врать>, <трескаться/глубоко волноваться>, <накрапывать/быть в плохом настроении>, <сверкать/убегать>, <глотать/жить в достатке>, <швыркать/резко сказать>, <вопить/беспокоить> и другие.

Структура фразеологического оборота предполагает соблюдение гармонии и благозвучия, и мы можем наблюдать их усиление на фоне присутствия подражательных слов. Отметим случаи обыгрывания определенного звука во фразеологическом обороте на уровне аллитерационного и ассонансного повторов с участием подражательных слов:

Аллитерация: [б] – *беті бұлк (былиш, шылт) етпеу; бірінің аузына бірі түкіріп қойғандай*; [с] – *көңіл су сепкендей басылу; сай-сүйегі сырқырау (шымырлау); сақылдаған сары аяз; сіркесі су көтермеу; қағанағы қарқ, сағанағы сарқ*; [ш] – *шыбық тимес шыңқ етер; шыбын жаны шырқырау*; [к] – *көкірегі қарс айрылу; кірпік қақпау (ілмеу); [к] – қабағы қарс жабылу; қағанағы қарқ, сағанағы сарқ; қанаттыға қақтырмау, тұмсықтыға шоқытпау; қылышынан қан тамып тұр*; [л] – *ағыл-тегіл*; [т] – *тықыр таяну; тырс еткен жан (тірі пенде) жоқ; қылышынан қан тамып тұр*.

Ассонанс: [ы] / [і] – *айдағаны екі ешкі ысқырығы жер жарады; жыртысын жыртыу*; [е] – *еңірегінде етегі толу*; [ө] – *өмірі өксу*; [ү] / [ұ] – *жүрегі зу (су) ету; жүрегі лүпілдеу (лүп ету; жүрек аттай дүрсілдеу (тулау); үріп (шайқап) ішіп, ұрттап төгу; [а] – зар жақ*.

Представленное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Подражательные слова используются во фразеологизмах в широком диапазоне, масштаб варьирования их значений (от иконических до произвольных, абстрактных) довольно существенный (что следует из диапазона значений подражательных слов по фактическому материалу). Как правило, новые значения основываются на одном из ключевых компонентов первоначального значения, а также на уровне ассоциативных связей, символических значений. Объяснить это можно тем, что в силу схожести явлений в сознании происходит взаимозамещение мыслей и объектов, слова и средства меняются местами и на основе ассоциации в имеющихся представлениях возникает мотивированность выражения. Следует также заметить, что некоторые подражательные слова только в составе, в связке с сопутствующими глаголами приобретают соответствующее значение (*ду ете түсу, қарс айрылу, қарс жабылу, сап ете түсу (қалу), сырт айналу, тықыр таяну, үріп (шайқап) ішіп, ұрттап төгу, шорт кесу, шырқ бұзу*).

2. Фоносемантические наблюдения позволяют подтвердить связь фоники с предполагаемым значением; звуковая гармония, ритмизация за счет аллитерационных, ассонансных повторов конкретных звуков на фоне подражательных слов усиливают и помогают распознавать их предполагаемое значение. Сам факт того, что подражательные слова присутствуют во фразеологических оборотах казахского языка, указывает на то, что «"простота" звукоизобразительных слов – простота кажущаяся. Значение таких слов – образование сложное и многогранное» [2, 29].

3. Фразеологические обороты как устойчивые сочетания слов являются показателем богатства литературного языка и речевой культуры нации, а звукоизобразительное своеобразие фразеологических оборотов повышает интерес к их изучению.

1. Бекмамбетова З.Ж., Сермуханова А. Фразеологизмы на английском и казахском языках, используемые в бытовых и правовых сферах // *Tiltanym*. 2021. № 1. С. 108–114. URL: https://www.tiltanym.kz/jour/article/view/199?locale=ru_RU (дата обращения: 01.10.2024).
2. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982.
3. Гаджиев А.А. Особенности изучения фразеологии казахского языка в русскоязычной фразеологии // *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2017. Т. 14. № 3. С. 454–459.
4. Гаджиева А.А. Фразеологизмы с компонентами зоонимами в казахском, арабском и русском языках // *Российская тюркология*. 2016. 2(15). С. 61–66. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35312845> (дата обращения: 01.10.2024).
5. Елибаева К.Ж. Казахские фразеологизмы – наглядный знак казахского языка и составная часть, имеющая современную потребность // *Язык и культура. Лексикология и фразеология*. 2012. № 1-1. С. 75–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazahskie-frazeologizmy-naglyadnyy-znak-kazahskogo-yazyka-i-sostavnaya-chast-imeyuschaya-sovremennuyu-potrebnost> (дата обращения: 25.08.2024).
6. Казахский язык. URL: <https://www.kaz-tili.kz/text/textpfr01a1.htm> (дата обращения: 22.07.2024).
7. Кожасметова Х.К., Жайсакова Р.Е., Кожасметова Ш.О. Казахско-русский фразеологический словарь. Алма-Ата, 1988.
8. Мырзашова А.К. Казахско-русские фразеологизмы с семантическим компонентом «Ум / Глупость» // *Языковое бытие человека и этноса*. 2008. № 14. С. 149–156. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazahsko-russkie-frazeologizmy-s-semanticheskim-komponentom-um-glupost> (дата обращения: 23.08.2024).
9. Павловская И.Ю. Фоносемантический анализ речи. СПб., 2001.
10. Русско-казахский словарь. URL: <https://sozdik.kz/> (дата обращения: 22.08.2024).
11. Сансызбаева С.К. Фразеологизмы с зооморфизмами в казахском и русском языках // *Вестник КазНУ. Серия филологическая*. № 1(159). 2016. С. 22–226. URL: <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/1864> (дата обращения: 23.08.2024).
12. Список фразеологизмов русского языка URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki> (дата обращения: 01.10.2024).
13. Түйлемисов М. Казахско-русский, русско-казахский словарь для учащихся и студентов. Алматы: издательство «Аруна», 2002.
14. Фразеологизмы с зооморфизмами в казахском и русском языках. URL: <https://www.article.com/article/23189> (дата обращения: 23.08.2024).
15. Шингарева М.Ю., Нарожная В.Д., Кожасметова С.Н. Русские и казахские фразеологические обороты с колористическим компонентом: этнолингвокультурологический аспект изучения // URL: <https://bulletin-philology.ablaikhan.kz/index.php/j1/article/view/555> (дата обращения: 23.08.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абреимова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец).

Айсен Яков Дмитриевич – аспирант факультета Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва).

Алькенова Саяжан Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск).

Аникина Ольга Николаевна – аспирант кафедры зарубежной литературы Литературного института имени А.М. Горького (Москва).

Баркалова Альбина Константиновна – соискатель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета (Воронеж).

Болтовская Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент; старший научный сотрудник научно-исследовательского сектора Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова; докторант кафедры русского языка Белорусского государственного университета (Республика Беларусь).

Бородина Надежда Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии и журналистики Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец).

Бугакова Надежда Борисовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета (Воронеж).

Бурцев Владимир Анатольевич – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии и журналистики Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец).

Го Кайянь – магистрант Уханьского университета (Китай, Ухань).

Жиляков Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента Белгородского государственного национального исследовательского университета (Старооскольский филиал) (Старый Оскол).

Иванюк Борис Павлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и журналистики Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец).

Кравчук Татьяна Витальевна – преподаватель кафедры филологии Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва).

Музыка Анна Сергеевна – аспирант Литературного института имени А.М. Горького, контент-менеджер Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

Сотникова Елена Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии и журналистики Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец).

Степанова Алла Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и конвенционной подготовки Волжского государственного университета водного транспорта (Нижний Новгород).

Тоухар Ангелина Олеговна – преподаватель кафедры филологии Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва).

Устинова Наталья Николаевна – старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета (Воронеж).

Федотов Даниил Евгеньевич – аспирант кафедры русской филологии и журналистики Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец).

Чжан Хунянь – кандидат наук, заместитель директора института иностранных языков Уханьского университета (Китай, Ухань).

ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «ФИЛОLOGOS» учрежден Елецким государственным университетом имени И.А. Бунина. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационный номер: ПИ № ФС77- 40325 от 15 июня 2010 г.).

Журнал входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

Журнал публикует разножанровый материал по актуальным лингвистическим и литературоведческим проблемам (статьи, публикации, рецензии, хронику научной жизни и др.). Периодичность издания – четыре номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Всем статьям журнала присваивается цифровой идентификатор DOI

Принимаются материалы по следующим группам научных специальностей:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.2 Литературы народов мира;

5.9.3 Теория литературы;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России;

5.9.6 Языки народов зарубежных стран (славянские языки);

5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала. E-mail: filologos07@mail.ru. Адрес редакции: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1.

Более подробная информация – на сайте редакции: www.elsu.ru/filologos.

Научный журнал

ФИЛОLOGOS

Выпуск 1 (64)

Технический редактор — Н. П. Безногих

Техническое исполнение — В. М. Гришин

Дизайн обложки — Б. П. Иванюк

Подписано в печать 24.03.2025

Дата выхода в свет 25.03.2025

Бумага 61,0 п.л. Формат А-4. Гарнитура Times.

Печать трафаретная

Тираж 1000 экз. Заказ № 13

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1

E-mail: filologos07@mail.ru

Сайт редколлегии: www.elsu.ru/filologos

Подписной индекс журнала **№ 43284** в объединенном каталоге
«Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии

Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1